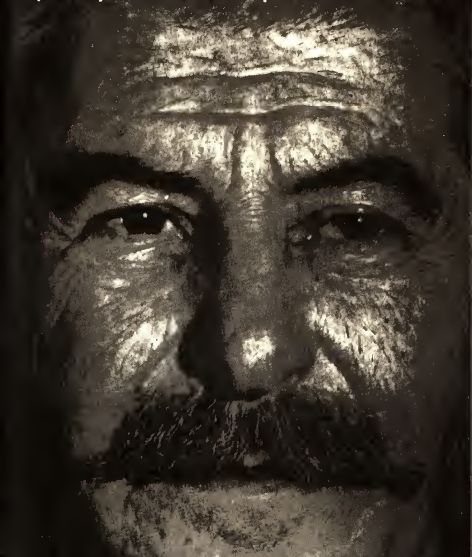
Дмитрий Волкогонов

Триумф и трагедия

И.В.Сталин

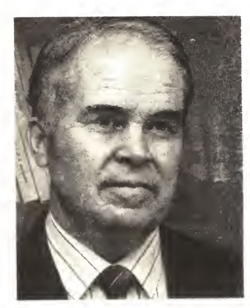
политический портрет

Книга II

часть 2

триумф и трагедия

КНИГА
II
часть 2

Д. А. ВОЛКОГОНОВ родился
в Забайкалье в 1928 г.
Окончил
Военно-политическую
академию имени В. И. Ленина.
Доктор философских наук,
профессор.
Его перу принадлежат
более 20 книг
по вопросам философии,
истории и политики,
несколько сот научных и
публицистических статей.
Материалы для политического
портрета И. В. Сталина
автор собирал много лет.
Но сама книга
написана им менее чем
за полтора года.
Сейчас Д. А. Волкогонов
работает над книгой
о Л. Д. Троцком.

Дмитрий Волкогонов

триумф и трагедия

Политический портрет

И.В.Сталина

В 2-х книгах

КНИГА II

часть 2

Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1989

ББК 66.61(2)8
В67

Автор выражает сердечную признательность товарищам, оказавшим ему бескорыстную помощь в подготовке книги, особенно *Балашову А.П., Бобкову Ф.Д., Волкогоновой Г.А., Выродову И.Я., Ефимову Н.Н., Зуеву М.Н., Калининой И.П., Кораблеву Ю.И., Каптелову Б.И., Фокиной Н.Г., Чернобровкину Г.Г.*

Рецензент
доктор исторических наук, профессор
Ю.И. Кораблев

Заведующий редакцией *К.Г. Ликутов*
Редакторы *В.В. Григорьев, Е.Р.Кузнецова*
Художники *В.В. Анохин, В.И. Пантелеев*

Книга издана в авторской концепции

В книге использованы фотографии из Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР, Центрального музея революции СССР, Государственной библиотеки СССР имени В.И Ленина, архива АПН и Издательства АПН, личных архивов, фото А. Вологодского, Д. Дебабова, П. Симонова и Я. Халипа.

глава 4

Апогей культа

Самая жестокая тирания — та, которая выступает под сенью законности и под флагом справедливости.

Ш. Монтескье.

9 мая Сталину принесли стенограмму состоявшейся церемонии подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии. Судя по тексту, все завершилось быстро. Хотя нет, была какая-то заминка. Об этом ему звонил Серов из Берлина, а затем доложил и Берия. Произошла, по их словам, задержка на 2 — 3 часа церемонии подписания акта о капитуляции "по причине небрежного отношения к делу работника наркоминдела — посла Смирнова, который в тексте документа о капитуляции немцев, переданного из Москвы, пропустил четыре строчки, а союзники это заметили и отказались подписать. После сверки с нашим подлинным текстом пропущенное было добавлено, и текст документа о капитуляции никаких возражений не встречал"[1]. Сталина тогда покоробило от этой извечной расхлябанности, которая сопутствует нам везде.

Читая стенограмму, Верховный старался мысленно представить атмосферу, в которой происходило подписание акта. Такая длинная, страшная война и такой ее короткий конец. Последние слова Жукова, руководившего церемонией, Сталину показались даже слишком приземленными: "Поздравляю Главного маршала авиации Теддера, генерал-полковника американской армии Спаатса, главнокомандующего французской армией генерала Делатр де Тассиньи с победным завершением войны над Германией"[2]. Такой будничный венец... Впрочем, до венца еще дело не дошло. Наступает тяжелый торг с союзниками о послевоенном устройстве мира. Война с Японией много времени не займет. Но как важно сохранить главный плод победы — долгий, стабильный мир!

Сталин понимал, что его авторитет — до войны непререкаемый только внутри страны да, наверное, еще в Коминтерне, — стал международным, всемирным. Лидеры западных держав при личных встречах, в ходе обширной переписки воздавали хвалу руководителю Советского государства, Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами СССР. Новый

президент США Гарри Трумэн в послании Сталину отметил, что "Вы продемонстрировали способность свободолюбивого и в высшей степени храброго народа сокрушить злые силы варварства, как бы мощны они ни были. По случаю нашей общей победы мы приветствуем народ и армии Советского Союза и их превосходное руководство"[3]. Черчилль обратился, как всегда, с более эмоциональным и, пожалуй, более глубоким посланием. Его по поручению британского премьера огласила 9 мая по радио госпожа Клара Черчилль. В послании говорилось: "Я шлю Вам сердечные приветствия по случаю блестящей победы, которую Вы одержали, изгнав захватчиков из Вашей страны и разгромив нацистскую тиранию. Я твердо верю, что от дружбы и взаимопонимания между британским и русским народами зависит будущее человечества. Здесь, в нашем островном отечестве, мы сегодня очень часто думаем о Вас, и мы шлем Вам из глубины наших сердец пожелания счастья и благополучия. Мы хотим, чтобы после всех жертв и страданий той мрачной долины, через которую мы вместе прошли, мы теперь в лояльной дружбе и симпатии могли бы дальше идти под ярким солнцем победоносного мира..."[4] Тогда могло показаться невероятным, что этот же человек очень скоро в Фултоне скажет совсем другое.

Де Голль, которого Сталин считал чопорным гордецом, и тот признал его особую роль в Победе, подчеркнув в приветственной телеграмме: "Вы создали из СССР один из главных элементов борьбы против держав-угнетателей, именно благодаря этому могла быть одержана победа. Великая Россия и Вы лично заслужили признательность всей Европы, которая может жить и процветать только будучи свободной"[5]. Как все заговорили после Победы... А что говорили накануне войны? Сколько сегодня поздравлений! Вот приветственные телеграммы от Болеслава Берута, Чан Кайши, Иосипа Броз Тито, регентов Болгарии, Маккензи Кинга, Юхана Нюгорсволла, Джозефа Чифли, Махмуда Фахми Эль Нокраши, Зденека Фирлингера, Миклоша Бела, Карла Маннергейма, многих других государственных лидеров. Сталин, отодвинув кипу приветственных посланий и по привычке взяв в руку трубку, пустился в свой обычный многолетний путь — двадцать шагов в одну сторону кабинета, столько же в другую.

В развороченном мире все пришло в движение — народы, армии, их руководители. Даже полупарализованный Рузвельт пускался в дальние вояжи на крейсерах, самолетах. Только Сталин обошелся за минувшую войну минимумом: единственный в

жизни полет на самолете в Тегеран в 1943 году, выезд в Крым для встречи с Черчиллем и Рузвельтом в начале 1945 года, секретное посещение фронта в августе 1943 года. "Вождь" самого крупного в мире государства не любил пересекать его пространства. Он хотел знать все, но только отсюда, из своего кабинета. Из Кремля, как ему казалось, он научился видеть далеко, как с вершины Эльбруса. Привычка к затворничеству (Кремль — ближняя дача) усиливала "загадочность" Сталина. Не знаю, как бы он вел себя, будь в то время телевидение? Захотел бы, как Брежнев, непрерывно мелькать на экране? Но тогда Сталин предпочитал, чтобы о нем говорили, писали, думали, видя его как можно реже. Его устраивал очень узкий круг личного общения: члены Политбюро, иногда — несколько наркомов, военачальников, редко — зарубежные деятели.

Скоро ему предстоит последняя в его жизни зарубежная поездка. Сталин через специального помощника президента США Гарри Гопкинса, с которым он встретился 26 июня в Москве, предложил союзникам, не откладывая дела в долгий ящик, провести встречу в верхах в Берлине. Сталин чувствовал, что за годы войны у него накопилась свинцовая усталость, которую становилось все труднее преодолевать. Шестьдесят пять лет, из которых большинство были бурными, словно гири висели на его ногах. Он твердо решил после завершения войны на востоке подумать о серьезном и продолжительном отдыхе на юге. Он верил, что родной Кавказ вдохнет в него новые силы. До войны Сталин обычно уезжал в конце лета на юг на полтора-два месяца, продолжая и из Сочи пристально следить за делами.

Трумэн и Черчилль, согласившись на встречу в Берлине, отодвинули ее дату на 15 июля 1945 года. Сталин еще не знал, что президент США, предлагая время проведения конференции, исходил из готовности к испытаниям американской атомной бомбы. (В Советском Союзе тоже развертывались работы в этой области, курировать которые поручили Берии. Еще в марте 1945 года Сталин вызвал начальника ГУК НКО генерал-полковника Ф.И. Голикова для доклада: увольняются ли из армии специалисты-физики для направления их в научно-исследовательский физический институт Д.В. Скобельцына, другие научные центры. Берия еще раньше доложил, что в подведомственной НКВД системе им создано несколько лабораторий, куда привлечены ученые-"зэки".) Но когда Трумэн в Потсдаме сообщил Сталину об успешном испытании в Аламогордо атомной бомбы, тот внешне не проявил никакого интереса. А.А. Громыко, принимавший участие в Берлинской (Потсдам-

ской) конференции, пишет в своих мемуарах, что "Черчилль с волнением ожидал окончания разговора Трумэна со Сталиным. И когда он завершился, английский премьер поспешил спросить президента США:

— Ну как?

Тот ответил:

— Сталин не задал мне ни одного уточняющего вопроса и ограничился лишь тем, что поблагодарил за информацию"[6].

Собеседники гадали, понял ли Сталин значение этого сообщения? Они не знали, что в тот же вечер в Москву Берии пошла шифровка о необходимости предельно ускорить работы в ядерной области. Но это будет 24 июля в Потсдаме. А пока Сталин готовился к поездке.

"Вождь" сразу же отверг план перелета на "дугласе". Берия, ссылаясь на мнение специалистов, пытался доказать, что перелет будет абсолютно безопасным. Но диктатор был непреклонен. Он до сих пор с ужасом вспоминал миг, когда летел в конце 1943 года в Тегеран и где-то над горами самолет несколько раз провалился в воздушную яму. Вцепившись в ручки кресла, с искаженным от страха лицом, Верховный едва пришел в себя, долго не решаясь посмотреть на Ворошилова, сидящего в кресле напротив: заметил ли тот его беспомощное состояние? А тот, похоже, сам испытал подобные ощущения. Поэтому в Берлин решили ехать поездом. Берия проработал специальный маршрут — севернее обычного. Спецпоезд с бронированными вагонами, особой охраной, особым сопровождением.

Расскажу об этом подробнее, ибо операция по доставке "вождя" в Берлин готовилась, пожалуй, куда тщательнее, чем многие боевые операции. Сталин требовал частых докладов о ходе подготовки к конференции, об обеспечении его переезда, интересовался деталями, давал указания. К операции по доставке и жизнеобеспечению "вождя" были подключены десятки тысяч человек. За две недели до поездки на столе у генералиссимуса лежал документ, который как нельзя лучше характеризует отношение Сталина к собственной персоне.

"Товарищу Сталину И.В.
Товарищу Молотову В.М.

НКВД СССР докладывает об окончании подготовки мероприятий по подготовке приема и размещения предстоящей конференции (так в тексте. — *Прим. Д.В.*). Подготовлено 62 виллы (10 000 кв. метров и один двухэтажный особняк для товарища Сталина: 15 комнат, открытая веранда, мансарда, 400 кв. мет-

ров). Особняк всем обеспечен. Есть узел связи. Созданы запасы дичи, живности, гастрономических, бакалейных и других продуктов, напитки. Созданы три подсобных хозяйства в 7 км от Потсдама с животными и птицефермами, овощными базами; работают 2 хлебопекарни. Весь персонал из Москвы. Наготове два специальных аэродрома. Для охраны доставлено 7 полков войск НКВД и 1500 человек оперативного состава. Организована охрана в 3 кольца. Начальник охраны особняка — генерал-лейтенант Власик. Охрана места конференции — Круглов.

Подготовлен специальный поезд. Маршрут длиной в 1923 километра (по СССР 1095, Польше — 594, Германии — 234). Обеспечивают безопасность пути 17 тысяч войск НКВД, 1515 человек оперативного состава. На каждом километре железнодорожного пути от 6 до 15 человек охраны. По линии следования будут курсировать 8 бронепоездов войск НКВД.

Для Молотова подготовлено 2-этажное здание (11 комнат). Для делегации 55 вилл, в том числе 8 особняков.

2 июля 1945 года.

Л. Берия"[7].

Я опустил лишь некоторые подробности. Трудно найти прецеденты таких мер безопасности. А как далеко ушел "вождь" в своем "аскетизме" с 20-х годов! Чем больше росла слава Сталина и чем больше он старел, тем сильнее боялся за свою жизнь. До самого отправления Сталин осведомлялся у Берии, иногда по нескольку раз в день, то о скрытности отъезда, то о толщине бронированного листа вагона, то о графике движения по территории Польши... Вспоминал ли он, что этот же путь — от Москвы до Берлина — советский солдат прошел пешком, под огнем противника? Судя по масштабам приготовлений, — едва ли.

Встретившись в 12 часов дня 17 июля в Потсдаме с Трумэном, Сталин после обмена приветствиями сказал:

— Прошу извинить меня за опоздание на один день. Задержался из-за переговоров с китайцами. Хотел лететь, но врачи не разрешили.

— Вполне понимаю. Рад познакомиться с генералиссимусом Сталиным, — ответил Трумэн.

Сталин опоздал, чтобы подчеркнуть свою значимость. Великого вождя можно и нужно ждать... Этот психологический прием Сталин применял не однажды. Член английской делегации на переговорах в Потсдаме сэр Уильям Хэйтер вспоминал:

"...Сталин все время опаздывал на заседания, и нам приходилось долго ожидать его прибытия"[8].

Вечером "большая тройка" начала делить плоды Победы в Европе. Это оказалось проще, нежели сохранить союз надолго. Все они чувствовали, что их странный альянс доживает, пожалуй, последние дни. Правда, август еще раз напомнит об этом союзе.

Ни Сталин, ни его партнеры еще не могли знать, что спустя десятилетия мир узнает о "новом мышлении", для которого приоритетными станут общечеловеческие ценности. Тогда это казалось абсолютной утопией... Союзникам предстояло не только поделить плоды Победы, но и осмыслить новый расклад сил.

Плоды и цена Победы

Длинный кортеж машин, сопровождавший Сталина, подкатил к небольшому серому особняку в 7 — 8 минутах езды от Цецилиенгофа, дворца бывшего германского кронпринца Вильгельма. Начиная с 17 июля, в течение двух недель главы трех держав подводили итоги войны, определяли будущее Германии, спорили о судьбах стран Восточной Европы, искали пути решения "польского вопроса", делили германский флот, определяли размеры репараций, договаривались о суде над военными преступниками, примерных сроках окончания войны с Японией и обговаривали множество других дел. На тринадцати заседаниях глав правительств, двенадцати — министров иностранных дел были рассмотрены десятки вопросов, обсуждены более сотни проектов различных документов.

Сталин, возвращаясь в свой двухэтажный особняк, просматривал шифровки из Москвы, иногда звонил туда по правительственной связи, подходил к окну, садился в кресло и смотрел на парк, красивое озеро, чахлые сосны. О чем думал Сталин, находясь на земле, породившей гигантскую военную машину, с которой он вел четыре бесконечно долгих года смертельную, изнурительную борьбу? Может быть, вспомнил, что здесь, на этой земле, родилась идеология, главным жрецом которой уже долгие годы был сам? Может быть, вспомнил Пленум ЦК партии в январе 1924 года, когда, выступая в прениях по докладу Зиновьева о международном положении, он заявил,

что "не поддерживает репрессии против Радека за его ошибки в германском вопросе"[9]? Однако Сталин осудил Радека за его курс на союз с германскими социал-демократами, не поняв, по существу, что отсюда берет начало одна из его ошибочных линий в международных делах. Может быть, объединись коммунисты с социал-демократами, они не дали бы гидре фашизма поднять голову... А репрессии — пока преждевременны, их время тогда еще не пришло. Подумав о Радеке, вспомнил его шутку-каламбур, пущенную в 1928 году, когда тот был в Томске, в ссылке. Но теперь уже сосланный Сталиным. Шутку эту Сталин ему не простил. Генсеку передали, что в своем кругу Радек сказал: "У нас со Сталиным расхождение по аграрному вопросу: он хочет, чтобы моя персона лежала в сырой земле, а я хочу — наоборот..." Правда, за время своей ссылки Радек быстро сменил ориентацию. В сентябре 1928 года он прислал телеграмму Сталину с протестом против продолжавшихся арестов и ссылок членов троцкистской оппозиции и с требованием вернуть Троцкого по состоянию здоровья из Алма-Аты. А уже через полгода в своем письме Сталину и в ЦК ВКП(б) осудил выступления Троцкого в буржуазной печати...

Чем больше лет, тем чаще память обращается к былому. Давно нет Радека, а вот вспомнил его; когда-то он в начале 20-х годов занимался "германским вопросом"... Может быть, Сталин, устав от долгих дебатов с Трумэном и Черчиллем, вспомнил Тельмана, которому он не смог (или не захотел) помочь? В конце 1939 года Молотов доложил о телеграмме тогдашнего советника полпредства СССР в Берлине Кобулова. Тот сообщал, что к нему в полпредство приходила жена Э. Тельмана. Она, зная о заключенном договоре "о дружбе" с Германией, просила Москву попытаться вырвать ее мужа из фашистских застенков. О себе она сказала, что "у нее никакого выхода нет, ибо она, не имея средств к существованию, буквально голодает". Кобулов заявил ей, как говорится в телеграмме, что "мы ничем помочь ей не можем". На глазах ее появились слезы и она спросила: "Неужели вся его работа в пользу коммунизма прошла даром?" Кобулов повторил ей своей ответ. Советник сообщал, что жена Тельмана "просила нашего совета — может ли она обратиться к Герингу с заявлением; я ответил, что это ее частное дело. Тельман, очень огорченная, ушла"[10].

Сталин помнил, что, посмотрев тогда на Молотова, он сказал, подумайте, может быть, нужно помочь жене Тельмана марками? Но никакого радикального решения в отношении Эрнста Тельмана, сумевшего из фашистских застенков пере-

дать несколько писем в Москву с просьбами о помощи, не принял. Сталин не хотел лично обращаться к Гитлеру с просьбой, не хотел "омрачать" договор о "дружбе". Хотя, отправив в Германию группу антифашистов, мог вызволить не только Тельмана. Пожалуй, Кобулов был прав, заявив, что "это частное дело Розы Тельман". Никаких угрызений совести, как всегда, Сталин не испытывал. А совести, обращенной в прошлое, для него вообще не существовало... Правда, размышляя о Розе Тельман, он вспомнил, что сразу же после победного аккорда войны Берия доложил ему один документ, связанный с вождем немецкого пролетариата. Да, да, он помнил, был такой документ.

"ГКО, товарищу Сталину И.В.

Уполномоченный НКВД СССР по 2-му Белорусскому фронту тов. Цанава сообщил, что оперативными группами НКВД обнаружены жена Э. Тельмана Роза Тельман, бежавшая из концлагеря и скрывавшаяся в г. Фюрстенберг, и дочь Тельмана Фестер Ирма, освобожденная частями Красной Армии из концлагеря в г. Нойбранденбург...

Тельман Р. рассказала, что последний раз видела Тельмана 27 февраля 1944 года в тюрьме г. Беутен в присутствии работника гестапо. Он сказал, что его подвергают постоянным пыткам, требуя отказа от своих убеждений...

11 мая 1945 года.

Л. Берия"[11].

Сталин, прочитав донесение, сказал Поскребышеву, чтобы освобожденным близким Э. Тельмана были созданы соответствующие условия и оказана необходимая помощь. Может быть, что-то у "вождя" запоздало шевельнулось... А впрочем, сколько таких дел возникало в конце войны! Вот Серов, один из заместителей Берии, сообщает, что на участке фронта, где действовала 1-я Польская пехотная дивизия, освобожден из немецкого концлагеря в Ораниенбурге бывший премьер-министр Испанской Республики Франсиско Ларго Кабальеро; он в крайне истощенном состоянии, просит сообщить семье, что жив...[12] Или еще, сообщение Круглова, что румынский король Михай оказал содействие в побеге из плена своему родственнику майору Гогенцоллерну и сыну немецкого промышленника Круппа — обер-лейтенанту фон Болен унд Гольбах...[13] Разве он может уследить или среагировать на весь этот калейдоскоп имен, фамилий бывших и настоящих, сановных и простых?! Пусть занимаются этими делами Берия и Молотов. От него зависело нечто более важное: политическое завершение вой-

ны. Одержав военную победу, он не имеет права упустить ее на политической арене. Его больше занимали сегодняшние дела. Хотя, несмотря на навалившуюся после войны усталость, Сталин еще не "остыл" от пережитого, не пришел полностью в себя от победного триумфа.

С овального балкона особняка он видел, что везде — на берегу озера, у входа в небольшой парк его резиденции, на тихой улочке, откуда выселили жителей, стояли часовые. Он считал, что война окончательно сделала его военным. До конца своих дней он не расстанется с маршальским мундиром. Кстати, А.В. Хрулев с членами Политбюро привел ему однажды трех молодцов в форме, наполовину состоявшей из золотых галунов, золотых лампасов, золотого шитья везде, где можно было только придумать...

— Что это? — непонимающе посмотрел на вошедших Сталин.

— Это три варианта предлагаемой формы Генералиссимуса Советского Союза, — ответил Хрулев, начальник Главного управления тыла Красной Армии.

Сталин еще раз зло посмотрел на золоченую бутафорию и с бранью выгнал из кабинета всю компанию. На кого он будет похож в этой форме? На швейцара из дорогого ресторана или клоуна? Недоумки! Правда, Сталин не забыл, что его указание о подготовке эскиза ордена "Победа" Хрулев исполнил быстро. В первом варианте, который Верховный рассмотрел 25 октября 1943 года, в центре ордена были силуэты Ленина и Сталина. Верховному не понравилось избитое в тысячах вариантов изображение двух вождей, где его, Сталина, профиль можно узнать лишь по характерному кавказскому носу и усам... Готовящийся к триумфу будущий генералиссимус предложил в центре ордена разместить Кремлевскую стену со Спасской башней, дать голубой фон. Орден сделать из платины. Бриллиантов — не жалеть. Сталин еще до учреждения высшего полководческого ордена решил, что его удостоятся лишь единицы. 5 ноября Сталин утвердил эскиз ордена, а 8-го был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об его учреждении. Сталин вздохнул: "Даже орден без него изготовить не могли..."

Вернувшись из прошлого, далекого и близкого, Сталин вновь обратился к заботам сегодняшним. Слушая переводы речей своих партнеров по переговорам, он по привычке что-нибудь чертил, рисовал на листе бумаги. Обычно перед ним лежали несколько цветных карандашей, ручка. Иногда он десятки

раз механически писал какое-либо слово, сосредоточиваясь между тем на его скрытом и подлинном смысле: "репарации", "контрибуция", "части, доли репарации"... Иногда же, как это заметил барон Бивербрук во время переговоров в Москве в начале войны, Сталин рисовал "бесчисленное множество волков на бумаге и раскрашивал фон красным карандашом"[14]. Пока переводчик заканчивал перевод, он добавлял к стае еще волка, растворявшегося в кровавых сумерках жестокого времени...

Сталин понимал, что разгром фашизма превращает СССР в сверхдержаву, а его, вождя этого государства, — в одного из самых великих (но он в душе, наверное, думал — самого великого) лидеров современности. Его западные партнеры — временщики, дети "демократии". Рузвельт был крупный политик, но и он, закончив свой срок, ушел бы из Белого дома, если бы остался жив. Вот Черчилль приехал на конференцию в полной уверенности, что его партия победит на выборах. Вспомнил, как во время встречи с Трумэном 17 июля тот, отвечая на вопрос Сталина — виделся ли президент с Черчиллем, сказал:

— Да, виделся вчера утром. Черчилль уверен в своей победе на выборах.

— Английский народ не может забыть победителя, — согласился Сталин[15].

А вон как все повернулось: 26 июля было объявлено, что консерваторы потерпели поражение, и Черчилля заменил в Потсдаме новый английский лидер Клемент Эттли. Сталину это было непонятно. Эти "гнилые демократии" сами себя ослабляют, считал генералиссимус. Система, которую он создал, исключает такую "чехарду". Он знал, что будет находиться на вершине власти столько, сколько позволит его здоровье. (А на свое здоровье, несмотря на появившиеся симптомы переутомления, он надеялся. Ведь он же выходец с Кавказа!) Знал Сталин, что на той вершине, овеваемой ветрами истории, было место лишь для него одного.

Сталин давно уже, как французский "король-солнце", отождествлял себя с государством, обществом, партией. Председатель Совета Народных Комиссаров уже привык и к тому, что говорил от имени народа, указывал ему путь в полной уверенности, что осчастливливает его. Чем величественнее держава, тем выше и ее руководитель. Война выдвинула СССР на самые высокие рубежи в мире. И для Сталина это было его самое высокое возвышение. С первых послевоенных месяцев кривая его судьбы стала быстро приближаться к апогею всемирной славы, могущества и священного культа.

К плодам Победы Сталин относил не только разгром фашизма и превращение СССР в одно из самых влиятельных государств. Генералиссимус уже чувствовал подспудные толчки в здании антигитлеровской коалиции, которые скоро разрушат его до основания. Но он не мог и предположить, что все это произойдет так стремительно. Только проницательный глаз мог заметить, что за столом в Цецилиенгофе сидят союзники, которых можно назвать "друзья-враги". Сталина не ввела в заблуждение фраза, сказанная Трумэном при их первой встрече: он, Трумэн, "хочет быть другом генералиссимуса Сталина". Советский лидер особенно это почувствовал при обсуждении вопроса о репарациях. Американцы отошли от своей ялтинской позиции по этому вопросу и заняли сторону англичан, добивавшихся крайне невыгодного для СССР решения. В Советском Союзе была оккупирована громадная территория, на которой было уничтожено огромное число промышленных предприятий. США и Великобритания этого не испытали. Сталин подчеркивал, что СССР, как Польша и Югославия, имеют не только политическое, но и моральное право на возмещение этих потерь. Но Трумэн и Черчилль были глухи к призывам Сталина. Лишь на последнем, тринадцатом заседании Сталин был вынужден принять эти невыгодные для него условия. Он рисковал получить еще намного меньше. Но генералиссимус взял реванш в решении "польского вопроса", особенно в том, что касается границы по Одеру и Нейсе. Сталин как бы смещал Польшу на запад, желая иметь на границах с Германией сильное славянское государство.

Сталина не без оснований беспокоило, что президент и премьер-министр много и охотно говорили о Восточной Европе, но не хотели говорить о Европе Западной. Когда Сталин поднял на конференции вопрос о фашистском режиме Франко, он не встретил никакого понимания; в то же время Трумэн и Черчилль требовали поддержки противников Тито в Югославии. Западные партнеры на переговорах с тревогой говорили о положении в Болгарии и Румынии, но не хотели видеть, например, того, что в Греции, не без помощи союзников, разгорается гражданская война. Временами Сталину казалось, что за столом — не союзники, а давние соперники, пытающиеся урвать побольше от пирога, который они вместе испекли. Он не ошибался: военные проблемы (за исключением азиатских) отошли в прошлое. На первый план выступила политика — весьма лицемерная и безжалостная особа. На поприще политики у партнеров были слишком разные позиции, чтобы можно было ждать

таких же, допустим, результатов, как в Ялте. Война, общая опасность, общие стратегические цели сближали. Как только эти цели были достигнуты, на первый план выдвинулся, как всегда, политический, классовый эгоизм. Превосходные переводчики были не в состоянии заставить лидеров антигитлеровской коалиции говорить на едином политическом языке, языке союзников.

Но в целом Сталин был доволен итогами конференции, как, впрочем, и англичане, и американцы. Летом 1945 года удалось добиться того, что спустя год-два было бы просто невозможно. Сумели договориться о демилитаризации Германии, найти взаимоприемлемые решения по некоторым другим основным вопросам. Трумэн особенно настаивал на публичном подтверждении обязательств СССР выступить против Японии. И руководитель советской делегации не ушел от союзнических обязательств:

— Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа, и он сдержит свое слово.

Сталин не хотел тянуть с открытием своего "второго фронта" так же долго, как Англия и США. При этом он старался не ущемить в чем-либо союзников. Например, накануне начала войны с Японией Сталин поставил перед Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке А.М. Василевским задачу не только освободить южную часть острова Сахалин и Курильские острова, но и оккупировать половину острова Хоккайдо к северу от линии, идущей от города Кусиро до города Румои. Для этого предполагалось перебросить на остров две стрелковые, одну истребительную и одну бомбардировочную дивизии. Когда советские войска были уже в южной части Сахалина, Сталин 23 августа 1945 года распорядился подготовить к погрузке 87-й стрелковый корпус для осуществления десантной операции на Хоккайдо[16]. Однако и 25 августа, когда освобождение Южного Сахалина завершилось, приказа на погрузку соединений не поступало. Сталин размышлял: что ему может дать этот шаг? Генералиссимусу показалось, и не без оснований, что этот "десантный выпад" может привести к обострению и без того уже заметно испортившихся отношений с союзниками. Наконец он распорядился: войска на Хоккайдо не посылать. Начальник штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке генерал С.П. Иванов передал приказ главкома: "Во избежание создания конфликтов и недоразумений по отношению союзников категорически запретить посылать какие бы то ни было корабли и самолеты в сто-

рону о. Хоккайдо"[17]. Но все это будет несколькими неделями позже.

На заключительном заседании глав делегаций, которое состоялось в ночь с 1 на 2 августа, последними словами Сталина были: "Конференцию можно, пожалуй, назвать удачной". Несколькими минутами ранее три лидера подписали приветственную телеграмму Черчиллю и Идену, а затем Трумэн, открывший и закрывающий конференцию, провозгласил:

— Объявляю Берлинскую конференцию закрытой. До следующей встречи, которая, я надеюсь, будет скоро.

— Дай бог, — отозвался Сталин[18].

Генералиссимус еще не мог знать, что Акт о капитуляции Японии, который по его поручению подпишет на борту американского линкора "Миссури" генерал К.Н. Деревянко, станет на долгие годы последним документом судьбоносного значения, согласованным между бывшими союзниками. Он еще не догадывался, что скоро в Пентагоне появятся планы ядерных бомбардировок территории Советского Союза "Дропшот", "Чариотир", а журнал "Кольерс" изложит подробный сценарий "предстоящей войны с Красной Россией" и с последующей оккупацией СССР. Но это все в будущем. А пока, хотели того или нет лидеры союзных стран, в Потсдаме был сделан не только важный шаг к политическому завершению войны в Европе, но и ее дальнейшему расколу, жесткому разделу на разные миры. Антигитлеровская коалиция доживала последние часы. Западные лидеры торопились. Черчилль уже видел, по его словам, как "железный занавес", опустившись от Любека до Триеста, разделил Европу[19]. Ни Сталин, ни Трумэн, ни Черчилль и Эттли еще не знали, что тропа взаимной ненависти, на которую они вскоре все вступят, приведет их будущих преемников к историческому ядерному тупику, в котором политики, ощутив наконец угрозу реального уничтожения жизни на планете, должны будут возвыситься над своими классовыми, идеологическими интересами и вновь обратиться к общечеловеческим ценностям, как в годы ушедшей войны.

Великая Победа над фашизмом, главными творцами которой были народы Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции, для советских людей имела и горький плод. Победа еще больше утвердила Сталина в своей непогрешимости и мессианской роли в решении судеб советского народа и социализма. Великая Победа окончательно превратила Сталина в земного бога.

Советские люди отстояли свободу в борьбе с фашизмом.

Но до свободы от сталинизма было еще страшно далеко. Еще несколько десятилетий. Граждане Отечества, возвращаясь к своим разрушенным очагам, как и их далекие предки после Отечественной войны 1812 года, надеялись на благие перемены. Ветер свободы, народного торжества, Победы, доставшейся ценой миллионных жертв, рождал смутную надежду. Люди хотели жить лучше. Без страха и понуканий. Нет, Сталина по-прежнему чтили, славили, преклонялись, возносили, но в то же время верили, что не будет больше насилия, бесконечных кампаний, постоянных жестких нехваток самого необходимого, ставших одной из черт советского образа жизни.

Сталина же, наоборот, Победа убедила в незыблемости всех созданных государственных и общественных институтов, глубокой жизнеспособности системы, верности внутри- и внешнеполитического курса. Он дал вскоре понять, что во внутреннем плане в стране все останется без изменений. Нужно работать, восстанавливать разрушенное народное хозяйство на основе тех указаний, которые даст он, Сталин. В "Обращении ЦК ВКП(б) ко всем избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР", которые состоялись 10 февраля 1946 года, не было сказано ни слова о демократии, народовластии, участии простых людей труда в управлении государством. Все те же привычные слова о "блоке коммунистов и беспартийных", о том, что "советские люди могли на многолетнем опыте убедиться в правильности политики партии, отвечающей коренным интересам народа", что "не должно быть ни одного избирателя, который не использует своего почетного права"...[20] Последнее выражение звучит уже как предупреждение. Уж это-то советские люди знали!

"Обращение..." одобрил, как всегда, сам Сталин. Шестеренки созданной Сталиным бюрократической системы неумолимо вращались с заданной "вождем" скоростью... Вновь, как с конвейера, пошли одно за другим партийные постановления: об изучении "Краткого курса" истории партии; о слабой работе газет "Молот" (Ростов-на-Дону), "Волжская коммуна" (Куйбышев), "Курская правда"; о прекращении "разбазаривания колхозных земель" (запрещение создавать подсобные хозяйства и индивидуальные огороды рабочих и служащих); о слабой работе ОГИЗа (Объединения государственных издательств); об обеспечении сохранности государственного хлеба и т.д. и т.п.

На многих документах виза Сталина. Он, как и прежде, безгранично верил в магическую силу указаний, директив,

распоряжений. Если до войны сталинская командно-бюрократическая система еще только подгонялась, отлаживалась, то после Победы стала не только быстро восстанавливаться, но и набирать силу. Фактически курс, взятый Сталиным после войны, — это курс на тотальную бюрократию. Многие ведомства стали носить погоны (железнодорожники — в числе первых). Создавались все новые организации, едва ли не главной задачей которых был "контроль за исполнением указаний и решений". Чтобы намертво "закрепить" колхозника на селе, его лишили паспорта. Ссылки и высылки продолжались до конца 40-х годов, и ведомство Берии не оставалось без работы.

Всех обществоведов окончательно превратили в бездумных комментаторов "великих" догм. В обиход вновь вошли утомительные и отупляющие ритуалы славословия "вождя". По-прежнему крайне опасной была откровенность даже с близкими людьми. Интеллектуальные надсмотрщики "от культуры" под руководством Жданова убивали свободу мысли. Усилившийся бюрократизм вновь стал быстро взращивать самый опасный для общества плод: безразличие и равнодушие труженика, готовность только к исполнению; усиливалась нравственная деградация многих людей, выражающаяся в дуализме личности (одно на словах — другое на деле). Партия все больше становилась тенью государства. Или наоборот: государство становилось тенью партии. Никто не мог иметь своего мнения, отличного от официального. Слова Пушкина, сказанные так давно, вновь как будто стали актуальны: "...отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости, праву и истине... Это циничное презрение к мысли и к достоинству человека"[21]. Уравнительный социализм вопреки лозунгам стал рождать, хотя это и выглядело парадоксально, бюрократическую элиту.

Так Сталин использовал плоды Победы "для внутреннего пользования"; сознательно и решительно консервировал Систему. На подлинное социальное творчество он был так же неспособен, как и в 20-е годы. Чтобы поддерживать и поднимать свой и без того беспредельно высокий статус "гениального вождя", он эпизодически, но достаточно регулярно снимал, убирал, смещал то секретаря обкома, то министра, то маршала, то иного деятеля, обвиняя их либо в аполитичности, либо в злоупотреблении властью, либо в пренебрежении высокими указаниями, либо в слабой заботе о людях. Сталин и так был в глазах народа "добрым царем", а подобные шаги поднимали его авторитет еще выше. Даже сегодня такой стиль многим

нравится: уж Сталин-то, мол, не допустил бы рашидовщины и чурбановщины! Однако если вдуматься, то при всей внешней парадоксальности, самые глубокие корни бюрократического перерождения многих руководителей "послесталинского" времени возникли именно тогда. Попав в среду, где не было страха и "твердой руки", эмбрионы регионального, номенклатурного, ведомственного всевластия и вождизма тут же пошли в рост. Система бесконечных административных запретов при бездействии подлинно социалистических экономических рычагов, при низкой нравственной культуре, при полном отсутствии гласности оказалась неэффективной. Стоило физически, а затем в определенной мере и политически уйти Сталину, как стало ясно: консервация Системы лишь углубила кризисные явления в настоящем и будущем. Люди смогут спустя годы сказать: абсолютная власть развращает абсолютно.

Победа над фашизмом значительно укрепила единовластие и культовое поклонение единодержцу. Для народа он стал Мессией, творцом Великой Победы, непревзойденным полководцем. Но эта слепая вера одновременно обессиливала народ, надолго лишенный истины и справедливости.

Я довольно долго говорил об одном из чрезвычайно отрицательных деяний Сталина после войны — о его стремлении законсервировать политическую систему, оставить ее неизменной. Сталин никогда не мог сказать, подобно Ленину: "Нам нужны перемены в политическом строе". Его догматический ум, оценивая сложившуюся Систему, в центре которой находился он сам, был не в состоянии понять, что этой попыткой консервации он подвергал глубокой эрозии социалистические ценности и идеалы, в которые продолжали верить миллионы людей.

Наряду с этими негативными процессами жила, пульсировала, боролась надежда, воля, энергия народа. Победа над фашизмом убедила советских людей в неодолимости социализма, в верности исторического выбора, сделанного в октябре 1917 года. Несмотря на множество препон, трудностей, извращений и преступлений, народ остался главным хранителем своей духовности, своей веры в лучшее будущее. За невиданно короткие сроки ему удалось поднять из руин и восстановить экономический потенциал страны. Когда Сталину в конце 1945 года доложили обобщенные данные об экономическом ущербе, причиненном стране войной, он, знавший, может быть, больше других о ранах и шрамах на теле Отечества, переспросил Вознесенского:

— Преувеличений нет?

— Могут быть лишь преуменьшения. За короткий срок оценить глубину и масштабы всех утрат невозможно...

Он помнил совещание командующих фронтами и командующих родами войск по вопросу о демобилизации и реорганизации Красной Армии, состоявшееся 21 — 22 мая 1945 года. Тогда Верховный сказал маршалам и генералам: без армии, а точнее, тех, кто сегодня находится в армии, мы ран своих не залечим... Сталин, держа в руках листки бумаги и изредка в них заглядывая, медленно и глухо бросал в зал: "...Демобилизация должна коснуться в первую очередь частей ПВО и кавалерии. Она не должна коснуться танковых частей и ВМФ. По части пехоты демобилизация охватит 40 — 60% ее состава, не касаясь войск Дальнего Востока, Забайкалья и Закавказья... Каждому увольняемому бойцу продать по дешевой цене трофейные товары и дать жалованье за столько лет, сколько он прослужил в армии..."[22] Сталин говорил о демобилизации армии и думал, как быстрее включить эту силу в процесс, о котором ему настойчиво говорил Вознесенский: страну нужно поднимать. Все на пределе — силы, возможности, терпение. Народ страшно бедствует. Берия докладывал о голоде в Читинской области, в Таджикистане, Татарии, других местах. Сталин взял в руки сводку, перевернул страницу: нарком внутренних дел Таджикской ССР Харченко сообщал:

"В Ленинабадской области... выявлено 20 человек, умерших от истощения и 500 человек, опухших от недоедания. В Сталинабадской области — Рамитском, Пахтаабадском, Оби-Гармском и других районах умерли от истощения свыше 70 человек. Имеются также истощенные и опухшие. Такие факты имеют место и в Курган-Тюбинской, Кулябской, Гармской областях. Оказанная помощь этим районам на месте является незначительной..."[23]

В Читинской области есть факты "употребления павших животных, деревьев, коры". Сообщалось о страшном факте, когда "одна крестьянка с сыновьями убили маленькую дочь и употребили ее в пищу... Вот еще такой же случай..."[24] Сталин не стал читать дальше горестную сводку. Берия торопливо сказал, увидев недовольство "вождя":

— Выделили некоторое количество муки до нового урожая. Придется терпеть!

Впереди была война с Японией, а доклады Вознесенского свидетельствовали: предстоит колоссальная работа. Кандидат в члены Политбюро глубже других из окружения "вождя" раз-

бирался в масштабных, глубинных экономических процессах, которые шли в стране. Сталин давно к нему приглядывался и испытывал противоречивые чувства. Да, это, скорее всего, самый умный руководитель в его окружении, но ему не нравилась его независимость, иногда резкость суждений. Но, пожалуй, размышлял Сталин, без его головы трудно будет поднять экономику из руин. В феврале 1947 года на Пленуме ЦК Сталин неожиданно для многих предложил избрать Вознесенского членом Политбюро.

Читая справку Вознесенского о масштабах разрушений и первый вариант доклада Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецких захватчиков, Сталин подолгу задерживался на некоторых цифрах: разрушено 1710 городов и поселков городского типа, сожжено более 70 тысяч сел и деревень ("вождь" даже не подумал, что многие тысячи из этих деревень — на его совести), взорваны, приведены в негодность 32 тысячи промышленных предприятий, 65 тысяч километров железнодорожных путей, опустошено около 100 тысяч колхозов и совхозов, тысячи МТС... Задумавшись над этими страшными цифрами, Сталин вспоминал, как по дороге в Берлин, через окно с пуленепробиваемым стеклом, он вглядывался в просторы русской равнины, изборожденные шрамами окопов, блиндажей, пожарищ. Поезд не останавливался ни на крупных станциях, ни в городах; мимо проносились изуродованные остовы зданий с множеством пустых глазниц окон, взорванные заводы, обугленные бараки. Среди уцелевших деревень чаще встречались дотла сожженные дома, где трубы русских печей тянули к небу свои холодные руки. Даже буйная июльская зелень не могла спрятать следов страшного бедствия.

По словам Вознесенского, 25 миллионов человек в стране не имеют крова, ютятся в землянках, сараях, подвалах. И так слабое еще с начала 30-х годов животноводство полностью подорвано: десятки миллионов голов скота угнано или уничтожено. По предварительным подсчетам, пишет Вознесенский, прямой ущерб, нанесенный нашествием, исчисляется суммой около 700 миллиардов рублей (в довоенных ценах). Иначе говоря, страна потеряла 30% национального богатства[25]. Жизненный уровень народа находится на самом (мыслимо возможном) низком уровне...

Эти сентенции Сталина интересовали уже меньше: он всегда считал, что без больших жертв невозможно построить социализм, разгромить фашизм, а теперь и восстановить державу. Без поддержания общественного сознания в состоянии по-

стоянного напряжения, мобилизации, своеобразной "гражданской войны", борьбы с трудностями и внутренними врагами нельзя, в этом Сталин был уверен, решать сверхзадачи. О том, что он прав, свидетельствует, например, и докладная Хрущева, которую недавно положил в папку Поскребышев. 31 декабря 1945 года Хрущев сообщал об активизации украинских националистов в западных районах УССР в связи с приближением дня выборов в Верховный Совет СССР. В конце докладной просьба: помочь дополнительными силами Прикарпатскому и Львовскому военным округам. А разве только здесь враги? Сколько было в оккупации, плену, неволе? Сталин был убежден, что с фронта вернулось немало "декабристов".

Сталин на докладной Хрущева начертал резолюцию Булганину и Генеральному штабу выделить дополнительные войска в западные области Украины[26]. А вот аналогичный доклад "О создании истребительных батальонов для борьбы с бандитизмом в Латвии", подписанный Булганиным, который, кстати, предлагал содержать эти батальоны за счет местного бюджета[27]. И там — жертвы. Война кончилась, а число жертв бесконечно. Вот Меркулов и Круглов сообщают, что в Литве накануне выборов "усилилась активность антисоветского националистического подполья". Длинный список:

— 15 декабря 1945 года в Шяуляйском уезде уведен в лес и расстрелян член окружной избирательной комиссии Ю. Митузас;

— 16 декабря 1945 года в Вейсеяйской волости, Ладзияйского уезда бандгруппой убит председатель избирательной комиссии В. Левулис;

— 17 декабря 1945 года в Рокишском уезде группа бандитов убила председателя избирательной комиссии М. Гикелиса;

— 20 декабря 1945 года в Тауянской волости Укмергского уезда бандитами убит член участковой избирательной комиссии, председатель сельсовета Ю. Габрилавичюс[28].

Перечень новых жертв долог. Пройдет еще несколько лет, прежде чем в Прибалтике прекратит литься кровь. Но по сравнению с тем, что потеряно в войне, это доли процента. Сталин не раз задумывался о человеческой цене Победы, но, прикинув так и эдак, считал, видимо, что это тоже "вопрос политический".

Какова же цена Победы? Сколько погибло людей? Скоро Сталину выступать на предвыборном собрании, нужно сказать народу об этой человеческой цене Победы. Во время войны Верховный не задумывался о ней; человеческие ресурсы страны

казались неисчерпаемыми. Но когда отступили к Сталинграду, прикинул: на оккупированной территории осталось 70 — 80 миллионов человек.

Из справки, которую подготовили для Сталина в январе 1946 года военные и Вознесенский, выходило, что о наших потерях можно говорить лишь приблизительно. Эта кровавая статистика, особенно в начале войны, велась крайне плохо. Вознесенский сообщил при личном докладе: более или менее точно потери можно будет оценить лишь через несколько месяцев, но по имеющимся наметкам всего погибли более 15 миллионов человек. Сталин промолчал: по донесению Генштаба, убитых, умерших от ран и пропавших без вести на поле боя — 7,5 миллиона человек. В 1946 году Сталин остановился именно на этой цифре. Ему не хотелось говорить о большей цене, ведь тогда сразу потускнеет его полководческий образ. Этого допустить он не мог.

Какова же в действительности цена нашей Победы? Хрущев в 1956 году в своем письме премьер-министру Швеции Т. Эрландеру впервые пустил в оборот цифру более 20 миллионов. На чем основываются эти данные, которые используются и сейчас? На примерных подсчетах. По моему мнению, в оценке Хрущева верно только слово — более. Более 20 миллионов. Историки сейчас ведут работу по определению точной цифры: народ должен знать, сколько своих сыновей и дочерей он положил на алтарь Победы.

Опираясь на ряд имеющихся в военных архивах статистических данных, в том числе о наших военнопленных (немцы, например, педантично вели учет тех, кого содержали и уничтожали в концлагерях), анализируя результаты переписей, основываясь на количестве соединений и их численной динамике в ходе войны, учитывая данные о потерях в наиболее крупных операциях, а также принимая во внимание научно обоснованные соображения таких известных исследователей, как И.Я. Выродов, Ю.Е. Власьевич, А.Я. Кваша, Б.В. Соколов, я пришел к следующим выводам. (Не считаю, разумеется, их единственно верными и окончательными.) Число погибших военнослужащих, партизан, подпольщиков, мирных граждан в годы Великой Отечественной войны колеблется, видимо, в пределах **26 — 27 миллионов человек**, из них **около 10 миллионов** пали на поле боя и погибли в плену. Особенно трагична судьба тех, кто входил в состав первого стратегического эшелона (и основной массы стратегических резервов), вынесших главные тяготы войны в 1941 году. Основная, прежде всего кадровая, часть личного со-

става соединений и объединений этого эшелона сложила головы, а около **трех миллионов** военнослужащих оказались в плену. Немногим меньше были наши потери и в 1942 году.

Самая туманная и политически двусмысленная категория — "пропавшие без вести". Сюда относятся и те, кто пал в бою, но не "вошел" в строевые записки и сводки о потерях, и те, кто оказался в плену, в партизанах, кого судьба занесла в края чужие. Да, были среди этих людей и те, кто дрогнул, поддался на посулы и пошел в РОА, служил в полициях. Но таких было абсолютное меньшинство. Судьба подавляющего большинства пропавших без вести глубоко трагична: безвестная смерть в бою, гибель в плену или, в "лучшем случае", бесконечные проверки в лагерях НКВД с риском остаться там на долгие годы.

Если бы Сталин мог относиться к себе самокритично, то простое сопоставление своих и немецких потерь привело бы его к выводу, что блеск "полководческого гения вождя" в немалой степени основан и на неведении людей. По моим подсчетам, соотношение безвозвратных потерь составляет 3,2:1 не в нашу пользу.

Конечно, надо учитывать варварскую политику нацистов, связанную с планомерным уничтожением мирного населения, особенно славян, евреев, лиц других национальностей. Это одна из главных причин астрономических жертв советского народа. Ведь основная масса погибших — мирные граждане. Но даже если не брать во внимание катастрофическое начало войны, то и в последующем наши военные потери были несколько выше, чем у немцев. Нет, начиная, пожалуй, с 1943 года советские солдаты и командиры воевать уже научились. И неплохо. Но для Сталина всегда главенствовал принцип, который он неоднократно излагал в своих директивах и приказах: достичь цели "не считаясь с жертвами". Для человека, избавленного от любых форм критики, ценность человеческой жизни (сотен, тысяч, миллионов людей) не имела никакого значения. Это также одна из главных причин того, что цена нашей великой Победы неимоверно высока. Навсегда Победа будет окрашена горечью безмерных потерь. Сталина этот вопрос никогда не мучил. Жертвенный сталинский социализм требовал и жертвенных побед. Сама непреложность этого исторического факта не только подчеркивает великое долготерпение, подвижничество советского народа, но и напоминает: Сталину стать тем, кем он стал, позволили. Решающая роль народных масс не должна рассматриваться лишь в "конечном счете...".

...Война выиграна. Можно наконец вдохнуть полной

грудью воздух Кавказа. Берия хлопочет, хотя эта операция доставки "вождя" проще, чем в Берлин, но все же... Приведу несколько фрагментов из доклада Меркулову заместителя начальника КГБ по Краснодарскому краю Жданова:

"О проводимых мероприятиях в связи с наступлением особого периода в Сочах (так в тексте. — *Прим. Д.В.*).

...Антисоветский элемент, состоящий на учете Сочинского отдела, взят в активную разработку и наблюдение. Аресты проводятся своим чередом.

...Прочесывается лесопарковая местность от р. Головинки до р. Псоу. Увеличен цензорский центр. Ужесточен паспортный режим. Усилен контроль за автотранспортом. От вокзала до дачи установлено 184 поста. Вся трасса под охраной. Установлен энергопоезд. Тов. Власик ежедневно информируется..."[29]

"Вождь народов" не только в Германии, но и у себя на Родине боялся за свою жизнь. Часть пути проделал на машине. Вместе со Сталиным в отпуск, как всегда, ехали Власик, Поскребышев, Истомина, многочисленные порученцы, охрана и прочая "обслуга". К слову сказать, именно после этой поездки Сталин распорядился построить современную автомагистраль на Симферополь. Проезжая через Орел, Курск, другие города и села, несколько раз выходил из машины, разговаривал с людьми... Поражался самоотверженности женщин, детей, оказавшихся во время войны, пожалуй, в самом трудном положении. Города лежали в развалинах, а когда Сталин приехал на юг, то ему сказали, что под Сухуми, около Нового Афона, на Рице, Холодной речке, в других местах ведомство Берии вовсю трудилось над возведением новых госдач. Сталину скоро надоело общение с народом во время его отпускного маршрута, верноподданнические возгласы, радостные слезы женщин, бодрые заверения мужчин: "Дела пошли лучше, товарищ Сталин!", удивленные взгляды стариков и детей: "Это и есть Сталин?".

И действительно, он знал, что для широкой популярности ему лучше махать толпе рукой с трибуны Мавзолея, улыбаться с кадров кинохроники, являться народу каждодневно лишь в виде портретов, статуй, бюстов. Сталин разбирался в массовой психологии; он догадывался, что во время этих встреч у людей где-то в глубине зарождалось разочарование. Перед ними оказывался человек небольшого роста, с непропорциональным туловищем, коротким торсом и сравнительно длинными руками и ногами. Под кителем — заметный животик, обтянутый маршальским мундиром. Редкие волосы обрамляли довольно живое рябоватое лицо, бледное, как и подобает кабинетному чело-

веку. Некрасивые зубы не отличались белизной, и лишь живые, быстрые желтые глаза выдавали в человеке скрытую энергию, властность и уверенность в себе. В Курске одна женщина даже осмелилась потрогать Сталина за рукав мундира: настолько, видимо, расходился устоявшийся в сознании образ с тем, что она видела сейчас. Сталин быстро почувствовал в глазах людей не только радость, восторг, но и едва скрываемое разочарование неказистостью генералиссимуса, "вождя всех времен и народов"... На односложные вопросы "вождя" раздавались такие же односложные ответы-восклицания, в которых слышались удивление, инерция обожествления и ожидание чуда. Но чуда... не было. Люди не ждали речей от Сталина, а просто "ели" его глазами, не веря, что перед ними сам "вождь". Человек, будучи земным богом, не может не разочаровывать людей при личном контакте. Ведь он такой, как и другие, а все чудодейственное, мудрое, провидческое, былинное создали, выдумали сами люди. Целая система мифов, штампов, легенд "работает", пока люди не сталкиваются напрямую с носителем всех этих атрибутов обожествления.

Трясясь в лимузине, иногда поглядывая в зашторенные окна, Сталин еще и еще раз убеждался: загадочный, редко говорящий и показывающийся народу вождь имеет свои преимущества. Больше такого легкомыслия он не допустит. Он должен и впредь соединять в себе иллюзию всеприсутствия с божественной удаленностью. В глазах людей он должен остаться человеком, который построил социализм, сокрушил всех врагов народа, победил фашизм и вот скоро, залечив раны, позовет советских людей на новые "великие стройки коммунизма". Нет, сила его в таинственности, способности во времена триумфов, сует и томления духа народа объединить людей новой кампанией. И он, только он, способен, как Экклезиаст, определить, когда наступает "время убивать и время врачевать, время разрушать, и время строить". Сталин должен был остро почувствовать, что он нужен только той системе, которую создал. Другим быть не может. Напрасно кое-кто ждет перемен. Нужно укреплять строй, усиливать мощь государства, убирать всех, кто к этому не готов. Великая Победа, которую одержал он, — весомый аргумент его исторической правоты.

Возможно, я слишком много додумываю за Сталина. Но делаю это на основе документов, свидетельств, логики размышлений. Его дела, шаги и решения говорят с однозначной определенностью: единодержец не собирался ничего кардинально менять. Можно и нужно менять людей, но нельзя

менять главного: общего незыблемого порядка, который и вознес Сталина на самую вершину власти.

Минувшая война, хотя и потрясла Сталина до основания, в конце концов утвердила его в мысли, что исторически он прав. Диктатор понимал, что он находится на самой верхней точке славы, признания, влияния и почитания. Он окончательно освободился от "предрассудков" типа совести, несерьезной игры в "демократию", лишил людей того, что можно назвать возможностью социального выбора. Сталин был убежден, что тот строй, который он хочет законсервировать сейчас, после войны, наиболее близок к тому, о чем мечтали основоположники научного социализма. Все запрограммировано, указано, расписано, определено. Вот восстановят, отремонтируют здание социализма, поврежденное войной, и он вновь выдвинет лозунг: "Догнать и перегнать!".

Сталин не без оснований считал, что после войны в мире произошел общий сдвиг влево. Антифашистская борьба сплотила массы, оживила демократические силы, потеснила реакцию. Героизм, самоотверженность советских людей породили глубокие симпатии к Советскому государству. Даже многие белогвардейцы, интеллигенты-эмигранты, просто "бывшие" потянулись к Советскому Союзу. Сталина особенно заинтересовали "сигналы" из Парижа от грузинских меньшевиков. Ведь многих из них он знал лично. Он распорядился вскоре после окончания войны командировать в Париж секретаря ЦК КП(б) Грузии по пропаганде Шарию. Его отчет, доложенный Берией и Меркуловым, Сталин долго и внимательно читал. Грузинские имена Кедия, Арсенидзе, Церетели, Чхенкели, Гобечия, Таканшвили, другие напомнили "вождю" о годах далекой уже революции, борьбы, жестокого размежевания.

Шария сообщал, что грузинская эмиграция передала ему для возвращения на Родину старинные рукописи, золотые и серебряные изделия, нумизматические и археологические ценности. По указанию Москвы Шария встретился с Ноем Жорданией, Евгением Гегечкори, Иосифом Гобечией, Спиридоном Кедией. В начале встречи Жордания заявил, что он подтверждает свое мнение об отсутствии в СССР демократии, свободы слова, печати, выборов, частной инициативы. Затем, однако, заявил (Сталин подчеркнул эти слова): "Войну выиграл Сталин. Я считаю его величайшим человеком. Глупо было бы из-за политических разногласий отрицать его величие. История еще больше скажет о его величии. Она раскроет те стороны его деятельности, которые еще неизвестны для современников"

(вот здесь Н. Жордания совершенно прав. — *Прим. Д.В.*)[30]. Многие из бывших политических противников изъявили желание вернуться на Родину. Сталин, прочитав записку, мог подумать: победители всегда правы!

Победа над фашизмом способствовала заметному росту сторонников и друзей СССР в мире. Под ее влиянием развернулись глубинные процессы в международных отношениях. Начался распад колониальных империй, мир услышал учащенный пульс национально-освободительных движений. В восточноевропейских странах, а затем и в Китае решающую роль играли коммунисты. Сталин уже чувствовал токи нового революционного подъема. "Вождь" не без основания считал, что к коммунистическому движению пришло "второе дыхание".

Правда, это "дыхание" вскоре было сбито "холодной войной", сигналом к которой послужила речь Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 года. Обострились и внутренние проблемы в СССР. В 1946 году обширные пространства страны были охвачены сильной засухой. Обруч жестокой нехватки самого необходимого держал государство-победителя в своих тисках. Западная Украина и Прибалтика оказались ареной малозаметных, но ожесточенных столкновений правительственных сил с оппозиционными формированиями. Несмотря на ряд личных указаний Сталина "ускорить разгром банд", ликвидация очагов партизанской войны затянулась надолго. В Западной Украине еще в 1951 году эпизодически вспыхивали стычки с неразоружившимися бандами.

Экономические трудности усилили трудности и духовные. Интуитивное ожидание перемен, надежды на лучшую жизнь вновь отодвигались на неопределенное будущее. Сталин в своей предвыборной речи в Большом театре призвал напряженно трудиться и проявлять терпение. Советскому народу его было не занимать. Это тоже было составной частью платы за великую Победу.

Саван сталинских "тайн"

Читатель знает: Сталин любил тайны. Большие и маленькие. Но сильнее всего обожал тайны власти. Их было немало. Часто они были жуткими. Мы только теперь по-настоящему стали задумываться: как человек, безнравственный и физически непривлекательный, а в политическом отно-

шении — глубоко отталкивающий, смог заставить полюбить себя целый великий народ? Как ему удалось трагедию народа "переплавить" в личный триумф? Почему ему верили миллионы, и не только в нашей стране? "Тайны" этого феномена Сталин знал, любил и берег.

Сейчас, когда так много пишут о Сталине, естественно желание многих авторов отделить Сталина от социализма, от народа. Так когда-то пытался поступить и Троцкий, начав писать книгу "Сталин". В многочисленных статьях советских авторов это намерение очевидно. Близок к этому был и я, но пришел к выводу, что без ущерба для исторической истины сделать это невозможно. Разве реально, оценивая 30-е и 40-е годы, смотреть "отдельно" на народ и "отдельно" на Сталина? Разве были народ, партия отделены от своего лидера? Разве не славили они своего "вождя", заправлявшего всеми делами огромной страны?

Пожалуй, именно здесь скрывается самая большая "тайна" Сталина. Он сумел стать символом социализма. Но "отделить" Сталина от социализма в какой-то мере все же можно, если считать, что, хотя в конце 30-х годов было объявлено о построении социализма в СССР, в действительности же страна все еще переживала переходный период. Незрелый социализм "позволил", чтобы им руководил недостойный высоких идеалов человек. Триумфатор сам настолько отделил себя от народа, насколько модель созданного по его "чертежам" социализма отличалась от ленинской модели. Многое позитивное, что родилось в обществе, стало реальностью прежде всего не благодаря, а вопреки Сталину, благодаря тому, что мы называем "зарядом Октября", его социальной инерцией. Но полностью отделить Сталина от сталинского социализма невозможно. Сделав ставку на силовое решение многочисленных экономических, социальных, идеологических проблем, Сталин прекрасно понимал, что без изменения общественного сознания нельзя добиться такого положения, чтобы он постоянно был в центре Системы. Выдвинутая им идея "нового человека" кардинально отличалась от ленинских идей гармонического развития личности в социалистическом обществе. Как Сталину удавалось манипулировать общественным сознанием народа? Конечно, с помощью большого аппарата. Наряду с воспитанием некоторых позитивных элементов сознания в него обязательно вносились идеи самого "вождя". "Тайны" влияния Сталина на этот процесс, на первый взгляд, довольно просты.

Беседуя однажды с Д.Т. Шепиловым, бывшим секретарем

ЦК, я услышал от него следующее. Сталин часто приглашал к себе для беседы один на один отдельных представителей художественной интеллигенции, ученых, общественных деятелей. Я знаю, рассказывал Дмитрий Трофимович, что он мог неожиданно пригласить к себе крупного писателя, артиста, журналиста, режиссера. Для человека это было огромное событие: "вождь" сам снизошел до него! Часто во время этих высоких аудиенций давался социальный, идеологический заказ. Ненавязчиво, но властно. Однажды вечером мне сообщили: позвоните по такому-то номеру телефона. Мучаясь догадками, я набрал номер. На другом конце провода оказался Сталин:

— Товарищ Шепилов! У вас есть немного времени? Вы могли бы приехать сейчас ко мне?

— Да, конечно... — Не помню, что я говорил еще, но трубка уже молчала. Я даже не знал, куда ехать... Но тут же позвонили вновь и сообщили, что через несколько минут за мной придет машина. В полном неведении я шел по коридорам Кремля, сопровождаемый молчаливым сотрудником секретариата Сталина. Почти на каждом этаже, на каждом повороте, застыв, стояли часовые кремлевской охраны.

Беседа длилась более часа, вспоминал Д.Т. Шепилов. Сталин начал издалека: новое время требует новой экономики. У руководителей, "командиров производства", как он сказал, очень низкий уровень экономической грамотности. Нужно создать, очень быстро, хороший массовый учебник по политэкономии социализма. Как я понял, это поручалось мне и еще двум крупным ученым. Рекомендации были высказаны как давно продуманные: увеличивать степень обобществления средств производства, совершенствовать планирование, сделать план "железным законом", повысить производительность труда и еще что-то подобное в духе "силовой экономики". Когда Сталин смотрел на меня своими немигающими глазами, продолжал Дмитрий Трофимович, мне становилось не по себе. Он как будто заглядывал внутрь. Взгляд его обжигал...

Сталин сделал заказ. Жесткие сроки. Нас троих "спрятали" на одной из подмосковных дач. Суслов в конце каждой недели звонил и требовательно справлялся: как идут дела? Когда можно прочитать текст? Товарищ Сталин ждет... Помните это!

Это был один из методов личного заказа пьесы, фильма, книги, учебника. Параметры произведения задавались самим Сталиным. "Тайна" эта проста: Сталин лично влиял на процесс духовного развития общества в нужном направлении. Как писал критик М.Р. Шкерин, не раз встречавшийся с

М.А. Шолоховым, 24 мая 1942 года, в день рождения писателя, Сталин неожиданно пригласил его к себе. В долгом разговоре во время ужина вдвоем Сталин сказал наконец, зачем он пригласил Шолохова:

— Идет война. Тяжелая. Тяжелейшая. Кто о ней после Победы ярко напишет? Достойно, как в "Тихом Доне"... Храбрые люди изображены — и Мелехов, и Подтелков, и еще многие красные и белые. А таких, как Суворов и Кутузов, нет. Войны же, товарищ писатель, выигрываются именно такими великими полководцами. В день ваших именин мне захотелось пожелать вам крепкого здоровья на многие годы и нового талантливого, всеохватного романа, в котором бы правдиво и ярко, как в "Тихом Доне", были изображены и герои-солдаты, и гениальные полководцы, участники нынешней страшной войны...

Постоянная "тайна" сталинского воздействия на общественное сознание заключалась в поддержании непрерывного напряжения в обществе. Обстановка потенциально возможной "гражданской войны", а точнее, перманентной борьбы с "врагами народа", "шпионами", "маловерами", "космополитами", "перерожденцами", "вредителями" создавала атмосферу, где его указания и призывы к бдительности всегда падали на благодатную почву. Сталин почувствовал, что после окончания войны в народе, и особенно среди интеллигенции, появились едва уловимые, но реальные ожидания перемен... Война как-то духовно раскрепостила людей. Последовала команда "вождя" Жданову:

— Нужно нанести удар по безыдейщине... В литературе заметен отход от классовых принципов в творчестве. Проверьте один-два журнала. Лучше всего в Ленинграде...

После принятия печально известного постановления ЦК ВКП(б) "О журналах "Звезда" и "Ленинград" Жданов приехал в город на Неве. "Этот вопрос, — заявил он, — на обсуждение Центрального Комитета поставлен по инициативе товарища Сталина, который лично в курсе работы журналов... и предложил обсудить вопрос о недостатках в руководстве этих журналов, причем сам лично участвовал в этом заседании ЦК и дал руководящие указания, которые легли в основу решения". Уже "личное участие" секретаря ЦК в заседании Центрального Комитета — "историческое событие"... Назвав в постановлении имена писателей, произведения которых "чужды советской литературе", Сталин постарался вернуть послевоенное общество в атмосферу подозрительности, страха, "охоты за ведьмами". Он знал, что там, где существует постоянная опасность со сто-

роны внутренних и внешних врагов, нужен сильный вождь, "твердая рука", решительное руководство. Эту старую "тайну" всех диктаторов Сталин открыл для себя давно. Если в обществе нет врагов и инакомыслящих, нет борьбы, нужен ли диктатор?

Сталин знал еще одну "тайну" управления общественным сознанием: важно внедрять в него мифы, штампы, легенды, которые основываются не столько на рациональном знании, сколько на вере. "Краткий курс" истории партии, выступления "вождя" — в значительной мере пропаганда мифов и идеологических штампов. Еще в начале века социолог Ж. Сорель выдвинул теорию о том, что человеческая масса, не обладающая высоким интеллектуальным уровнем, склонна доверять иррациональным мифам, не требующим объяснения. Мифы, писал Сорель, дают "интуитивное" представление о социализме как мечте, идеале, цели[31]. Мифы совсем не обязательно понимать; в них нужно верить. Людей приучали верить в абсолютные ценности "диктатуры пролетариата", "нового человека", в высокие постановления. Ритуальные собрания, манифестации, клятвы, приветственные письма освящали, канонизировали политические мифы, делали их частью мировоззрения. Уверенность, основанная на истине, подменялась верой. Здесь Сталин многого добился. Люди верили в социализм, в него, "вождя", в то, что наше общество — самое совершенное и передовое, в безгрешность власти. "Тайна" могущества одного человека не могла существовать без системы мифов, которые постоянно культивировались и насаждались.

Разумеется, я далек от того, чтобы полностью отрицать позитивный смысл веры в идеалы и социалистические ценности. Но я также далек и от того, чтобы видеть их застывшими, вечными и единственными. Сознание, основанное лишь на мифе, утрачивает нечто очень важное — способность к постоянному социальному творчеству. Именно здесь коренится один из истоков (наряду с причинами экономического и политического порядка) формирования такого социального типа личности, которому наряду с позитивными чертами присущи равнодушие и пассивность, устойчивая вера в "указания", возможность и необходимость разрешения всех проблем "сверху", иждивенчество и безынициативность. Такое сознание, формируемое по сталинским рецептам, видело многоцветный, многострунный мир лишь в черно-белых тонах. Для такого сознания категория личной свободы имеет второстепенное значение. Человек с таким сознанием ждет, чтобы его "вели", "направляли", "вдох-

новляли". Все это стало результатом единовластия, тех сталинских "тайн", при помощи которых "вождь" осуществлял свое правление.

Не думаю, что Сталин когда-нибудь читал диалоги Платона. Во всяком случае, мне не удалось обнаружить следов его знакомства со знаменитым произведением греческого философа "Государство". Но не вызывает сомнения, что в основе многих "тайн" единовластия Сталина лежат те общие "правила", которыми пользовались многие диктаторы с древнейших времен.

Диктатор, или, как его определяет Платон, "тиран", вырастает обычно как "ставленник народа". Для него характерно, что "в первые дни, вообще в первое время он приветливо улыбается всем, кто бы ему ни встретился, а о себе утверждает, что он вовсе не тиран; он дает много обещаний частным лицам и обществу...". Тиран живет среди людей, и тайна его силы заключается в умении делать врагов друзьями и наоборот. "Когда же он примирится кое с кем из своих врагов, а иных уничтожит, так что они перестанут его беспокоить, я думаю, первой его задачей будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе..." Платон как будто смотрел сквозь века: "А если он заподозрит кого-нибудь в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю. Ради всего этого тирану необходимо постоянно будоражить всех посредством войны". Прежде всего "войны" внутренней. Ну а дальше, задаемся мы вопросом и ищем ответ у Платона о вечных "тайнах" диктаторов: "Некоторые из влиятельных лиц, способствовавших его возвышению, станут открыто, да и в разговорах между собой выражать ему свое недовольство всем происходящим — по крайней мере, те, что посмелее". Читая диалоги, порой забываешь, что они написаны... в 60 – 40-е годы IV века до нашей эры... Разве не созвучны слова Платона тому, что мы знаем о Сталине и сталинском окружении: "Чтобы сохранить за собою власть, тирану придется их всех уничтожить, так что в конце концов не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился"[32].

Можно и дальше продолжать цитировать диалоги Платона о "тиранах" и "тираническом человеке". Но и приведенного, видимо, достаточно, чтобы утверждать, что наряду со специфическими особенностями диктаторского правления в разные эпохи есть и нечто общее: "господствующая личность" не может

действовать иначе как от "имени народа". Диктаторы проводят жестокую селекцию своих "соратников" и "друзей"; они не терпят инакомыслия, стремятся поддерживать напряжение в народе, заостряя его внимание на многочисленных врагах. Угроза войны и злых сил абсолютно необходима, чтобы высветить мессианскую роль вождя... Сталин, не зная Платона, выведывал эти же "тайны", читая жизнеописания русских царей.

К 300-летию дома Романовых был выпущен роскошный фолиант наподобие тех альбомов о "великих" руководителях, которые издавались в советское время при Сталине и после него. Сталин, в душе презирая всех русских царей, императоров и императриц, вышедших из рода бояр Романовых, нашел время, чтобы перелистать толстенную книгу. Задержавшись на страницах, где описывалась смерть Александра II после покушения, Сталин прочел: "... в 2 часа 35 минут император, возвращаясь из Михайловского дворца на Екатерининском канале был смертельно ранен брошенной в него бомбой... Наклонясь к правому плечу Государя, Великий князь спросил, слышит ли его Величество, на что Государь тихо ответил: "слышу"; на дальнейший вопрос о том, как Государь себя чувствует, император сказал: "...скорее во дворец... несите меня во дворец... там умереть". То были последние слова, слышанные очевидцами злодейского преступления..."[13] Сталин захлопнул огромную книгу, может быть, подумав: был бы сильным — так не они тебя, а ты их... Он понимал более чем кто-либо из его соратников: любая власть, даже диаметрально противоположного социального и политического содержания, имеет нечто общее. Она должна быть сильной. Особенно власть диктаторская. Это Сталин хорошо усвоил.

Так же хорошо Сталин усвоил идею, лежащую в основе всех его "тайн": в обществе необходимо непрерывно поддерживать высокий накал борьбы. В этой борьбе он чувствовал себя уверенно. Для него вся дореволюционная жизнь была борьбой за выживание, за подрыв самодержавных устоев. 20-е годы сложились так, что он смог перевести эту борьбу в плоскость идейного шельмования и политического устранения почти всех, кто думал не так, как он, кто мог хотя бы теоретически претендовать на первые роли. Борьбу за выбор методов и путей развития страны Сталин превратил в борьбу за личное самоутверждение. В 30-е годы борьба по его воле заключалась в физическом уничтожении всех реальных, а главное — потенциально возможных противников. Он так преуспел в этой борьбе, что, думаю, спустя и столетия земляне, если они выживут, будут ас-

социировать варварство не только с Тамерланом, Чингисханом, Гитлером, но и с именем Сталина. Он не писал книги "Майн кампф" ("Моя борьба"), как Гитлер. Но вся его жизнь и деяния — это действительно его борьба с бесчисленным сонмом врагов: не столько реальных, сколько мнимых, предполагаемых.

Самыми реальными из всех его врагов были фашисты, с которыми он пытался, скорее всего из-за тактических соображений, поддерживать отношения, закамуфлированные под "дружбу". Но в конце концов схватка с гитлеризмом, поставившая на грань краха не только его карьеру, но и всю страну, вновь вынесла его на самую вершину власти и славы. Достигнув апогея своего могущества, он не мог не понимать, что обязан не просто стечению обстоятельств, бесспорности идеи, но прежде всего выбранной методологии. Вся она — в вечной борьбе. Неважно, какая она: борьба с фракционерами, за индустриализацию, коллективизацию, с "космополитами" и множеством других "крепостей", которые должны "взять большевики". В конечном счете лично для него, "вождя", такая борьба — это его самоутверждение, увековечение, обожествление.

Сталин всегда помнил, что для него идея классовой борьбы является основополагающей. Когда были уничтожены помещики и капиталисты, он нашел еще один "класс", который нужно было ликвидировать, — кулаков. Наконец, оставшись без явных классовых врагов, Сталин изобрел формулу, по которой они будут всегда. Сидя глубокой ночью в своем кремлевском кабинете, за неделю до зловещего февральско-мартовского Пленума 1937 года, Сталин мучительно искал определение, вывод, в соответствии с которым можно было бы борьбу внутри общества сделать "перманентной". Многократно зачеркнутые и исправленные слова ключевой фразы его будущей речи свидетельствуют, что Сталин долго вынашивал ее. Наконец, как это явствует из стенограммы Пленума, диктатор сформулировал то, что было ему так необходимо. Напомню еще раз: "Чем больше будем мы продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому обществу, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных". Дальше в речи еще одна знаменательная фраза: врагов "мы будем в будущем разбивать так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом"[34].

В ставке на бесконечную борьбу, понимаемую однозначно, как антагонистическую, жестокую, бескомпромиссную, кроется одна из главных "тайн" сталинской методологии мышления и действия. Даже добившись покорности великого народа, Сталин не успокоился. В январе 1948 года "тиранический человек" (пользуясь определением Платона) вызвал к себе министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова и отдал распоряжение: продумать "конкретные мероприятия" по созданию новых, дополнительных лагерей и тюрем особого назначения. В едва слышных токах необъятного Отечества Сталин уловил нечто тревожное. Участились случаи проявления недовольства людей, появились попытки перехода за кордон, некоторые писатели замолчали, как бы протестуя против безысходности сжимающегося обруча единовластия.

— В феврале доложите проект решения, — подытожил Сталин. — Для троцкистов, меньшевиков, эсеров, анархистов, белоэмигрантов нужно создать особые условия...

— Будет исполнено, товарищ Сталин, будет исполнено... — несколько раз повторил послушный ставленник Берии.

Пусть читатель не подумает, что я перепутал даты. Нет. В 1948 году Сталин вновь заговорил о троцкистах, меньшевиках, эсерах, анархистах... Думаю, что он искал "новых врагов" — неотроцкистов, неоменьшевиков, неоэсеров и т.д. Круглов не заставил ждать. В середине февраля Поскребышев передал Сталину документ:

"Центральный Комитет ВКП(б)
товарищу Сталину И.В.

В соответствии с Вашими указаниями, при этом представляем проект постановления Совета Министров об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные места СССР.

Просим Вашего решения.

В. Абакумов
С. Круглов"[35].

В проекте постановления говорилось, что "троцкисты, террористы, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты" должны направляться в десятки новых лагерей на Колыме, под Норильском, в Коми АССР, Елабуге, Караганде и других местах. При этом с осужденными предписывалось вести "чекистскую работу по выявлению оставшихся на воле". В отношении заключенных, указывалось в проекте, должно быть "исключено сокращение сроков изоляции и дру-

гих льгот". Более того, МВД* предлагалось "в случае необходимости задерживать освобождение заключенных, с последующим оформлением в установленном законом порядке". Звучит многозначительно: отбывшего срок задерживать "в установленном законом порядке"!

Сталинское "согласен" является лишь еще одним штрихом к его портрету. Для него борьба, насилие, несвобода стали инструментами "созидания" по-сталински. Абсолютизация чего-либо всегда опасна. Абсолютизация классовой борьбы привела Сталина к отрицанию многих подлинных ценностей социализма. Важнейшие ценности — социальная справедливость, гуманизм, свобода личности — были попраны. Сталинские "тайны" единовластия — это тайны перерождения. Если бы был жив Троцкий, уничтоженный "вождем", он мог бы повторить свои слова: "Сталин ведет к термидору".

По мере того как мир постепенно узнавал Сталина не только с помощью Фейхтвангера и Барбюса, находилось все больше людей, которые убеждались, что главная сила Сталина, "тайна" его неуязвимости — в абсолютизации феномена классовой борьбы. Многим даже начинало казаться, что Д.С. Мережковский своим антибольшевистским памфлетом "Царство Антихриста" раньше других увидел смертельную опасность этой абсолютизации. Напомню, что он писал через три года после Октябрьской революции: "Хороша или дурна идея классовой борьбы, благородна или презренна, — мы, живые люди, участники борьбы, палачи или жертвы, кое-что знали о ней, чего Маркс не знал, что и не снилось всем мудрецам социал-демократии. У них идея эта была только в уме; у нас в крови и костях: кровь наша льется, кости трещат от нее"[36]. Действительно, Сталин, как никто другой, сделал все, чтобы идея, которая раньше "была только в уме", стала господствующей в политике, экономике, идеологии, культуре, в повседневной жизни. Он не чувствовал себя спокойным, если не слышал, не ощущал конвульсий жертв этой идеи.

После войны, когда в Европе, да, пожалуй, и в мире зримо наблюдался всеобщий сдвиг влево, могло показаться, что история подтверждает правоту Сталина. Многие стали считать, что железный плуг классовой борьбы скоро вновь начнет вспарывать земную твердь. Тогда, похоже, никто не пытался мыслить планетарно; дамоклов меч ядерного апокалипсиса был еще плохо виден. Пока ветры "холодной войны" не заморозили со-

---

* В 1946 г. все наркоматы, в том числе НКВД, были преобразованы в министерства.

циальную и общественную активность антиимпериалистических сил, казалось, что дело не ограничится крахом колониальной системы.

Выступления Сталина послевоенного времени по-прежнему посвящены борьбе за восстановление народного хозяйства, борьбе за приоритетное, как и раньше, развитие тяжелой промышленности, борьбе за оживление сельского хозяйства. А ситуация там сложилась крайне напряженная. Первый послевоенный год был неурожайным. Прекращение поставок зерна из США наряду с крайне низким урожаем в европейской части страны создали критическое положение. Но Сталина эти коллизии не могли вывести из душевного равновесия. С отменой карточек пришлось повременить до осени 1947 года. С голодом страна сталкивалась не впервые. Чего стоит, например, сталинский голодный геноцид 1933 года! Сталин вспомнил, что в переломном 1943 году был тоже неурожай. Но фронту помогли американцы, а мирное население вновь стоически, с большими жертвами пережило беду. Однажды в апреле 1944 года Берия молча положил перед Сталиным доклад наркома внутренних дел Казахской ССР Богданова, адресованный Москве. Верховному было некогда читать, но вечером он перелистал восемь страниц этого доклада. Богданов писал, что неурожай 1943 года вызвал большие трудности: тысячи людей пухли от голода, многие умирали, особенно спецпереселенцы. Сталина больше волновали другие проблемы, но взгляд его зацепился за конкретные факты, приводимые Богдановым:

"Колхозница Ковалева (Каменский район Западно-Казахстанской области), муж которой погиб на фронте, имеет четырех детей, живет в исключительно тяжелых условиях, собирает падаль и отбросы...

Семья колхозницы Федосовой (колхоз имени Ворошилова Андреевского района Алма-Атинской области), у которой 2 сына погибли на фронте, а муж после трех ранений и сейчас находится на фронте, не получает никакой помощи, употребляет в пищу собак и кошек...

В 23-х колхозах Зыряновского района Восточно-Казахстанской области большинство из обследованных 110 семей фронтовиков продолжительное время не получали продуктов питания; в ряде колхозов среди детей поголовное опухание, часть находится в безнадежном состоянии...

В колхозе "5 декабря" Зеленовского района Западно-Казахстанской области колхозники вырыли на скотомогильнике труп лошади и мясо разделили между собой...

В колхозе "15 лет РККА" Приуральского района Западно-Казахстанской области покончила самоубийством колхозница Гастель, оставив записку: "Совершаю самоубийство потому, что деться некуда, нет поддержки ниоткуда..."[37]

Тогда он просто отложил доклад в сторону — и без того много забот... А сейчас? Мысль текла по привычному желобку: жертвы неизбежны. Разве не ясно всем, что война продолжает собирать свой скорбный урожай? Среди множества документов — телеграмм, докладов, рапортов о тяжелом положении с продовольствием — я не обнаружил следов конструктивной реакции Сталина, которая бы свидетельствовала о его стремлении как-то помочь.

Я видел много документов с сообщениями о голоде, о котором никогда не информировали ни печать, ни радио. В марте 1945 года, когда Сталину доложили о тяжелом положении в Читинской области, реакции опять не последовало. Правда, Молотов отдал распоряжение направить в Читу дополнительно муку. А в тот год там собрали... по 1,3 центнера зерна с гектара. Берия информировал, что, например, в селе Буторино Белейского района дети крадут корм у свиней... А цензоры, вскрывая письма, направленные на фронт из Читинской области, констатировали: в Моготуйском районе едят дохлых кур; в Сковородино подобрали павших лошадей и съели их; в Улетовском районе сьели всю лебеду, крапиву, хмель, корни пырея... Сообщали и о страшном, чудовищном: доведенная до крайнего отчаяния мать семерых опухших от голода детей А.В. Демиденко убила младшую полуторагодовалую дочь и употребила ее в пищу, чтобы спасти остальных...[38]

Неимоверно тяжело писать об этом. Такой страшной была для народа война. И эти дикие случаи, казалось, не могут быть прямо отнесены на счет Сталина. Но всю жизнь он был бесчувственным. Для него люди — это "масса", огромная и бесформенная. Страдания и горе "массы", по мысли "вождя", — суровая необходимость, и только. Он считал естественным, что великие цели требуют великих жертв. Сталин всегда думал — и здесь он был не одинок, — что верность революционному радикализму означает и беспощадность на пути к намеченным вершинам. Ведь там будет властвовать он или, в крайнем случае (если не доживет до коммунизма), там будут властвовать его идеи! Если размениваться на мелочи бытия, то можно утонуть в суете повседневности. Настоящий лидер, полагал Сталин, не должен быть сентиментальным. Но об этом он публично гово-

рить не будет. Это тоже его "тайна". Наоборот, пусть все знают, что он "заботится" обо всех.

Многие долгое время думали, что диктаторское правление Сталина держалось прежде всего на его авторитете, духовной, нравственной власти над людьми. Но сам Сталин знал, что это не так. Его главные инструменты — аппарат насилия, сосредоточенный в НКВД, и партия, которую он давно и настойчиво превращал в идеологический "орден". Это уже были не просто "приводные ремни" его воли, а главные элементы той Системы, которую он создал. Именно эти инструменты власти отождествляли социализм и "вождя". То были "тайны" его силы и влияния. Но были у него и личные тайны.

Сталин, по-видимому, не вел дневников, был осторожен в записях. Многие документы по его указанию уничтожались. В толстых томах его переписки (собственно, писали, докладывали ему, Сталину, а он лишь решал устно или письменно, оставляя короткие резолюции типа "согласен", "доложите о результатах", "дело продумано плохо" и т.д.) иногда встречаются его пометки: "Прошу эти документы уничтожить. *И. Ст.*"[39]. Как удалось установить, порой уничтожались доклады о выполнении его некоторых указаний по линии НКВД. Сталин был одним из немногих, кто имел право читать зарубежные материалы, в которых он изображался зло, карикатурно, в духе политической сатиры. Для Сталина чтение переводов этих документов играло роль аккумулятора ненависти; он "заряжался" злобой на бесчисленных врагов — в стране и за рубежом.

Например, в августе 1937 года Сталину сообщили, что один из "бывших", поэт Т.Н. Гарин-Михайловский, зарабатывая себе на жизнь, хочет опубликовать в эмигрантской прессе поэму "Пушкин и Сталин". Одновременно с сообщением прислали и текст поэмы, подготовленный в виде диалога "вождя" с великим русским поэтом. Сталин тогда со злобной брезгливостью перелистал страницы рукописи, отпечатанной еще на старинной машинке с "ятью", и остановился на заключительных строках поэмы:

"Сталин (просыпается, протирает глаза, смотрит вокруг и перелистывает тома Пушкина. Один.)

Нет, это не был Пушкинъ, ясно:
Ищу цитаты я напрасно...
И самозванец, видно, мне
Явился въ полуденном сне...
Но "Божество проголодалось"!
Недаром мне во сне являлось

Шашлык и красное вино,
Да имя новое одно... (кричит):
Эй, слуги! Мой обед всегдашний
И список ГПУ вчерашний
Я имя дать одно забыл
Проклятый Пушкинъ с толку сбил... (Довольный потирает себе руки.)
Итак, товарищи, в работе
И в государственной заботе
Течет, как Волга, жизнь моя...
Знай Пушкинъ — "Русь не ты, а Я!" [40]

Он помнил, что то же чувство ненависти овладело им, когда в 1937 году он познакомился с одной, особенно потрясшей его речью Троцкого "Я обвиняю!", которую тот произнес на нью-йоркском ипподроме: "Почему Москва так боится голоса одного человека? Только потому, что я знаю правду, что мне незачем скрывать ее. Я готов представить в международную комиссию расследований документы, факты и свидетельства, в которых и скрыта правда. Я заявляю: если эта комиссия решит, что хоть в малейшей степени я виноват в тех преступлениях, которые мне приписываются Сталиным, я добровольно отдам себя в руки ГПУ. Я делаю это заявление перед всем миром... Но если комиссия найдет, что процессы в Москве — это сознательная и преднамеренная провокация, то я потребую от своих обвинителей занять место на скамье подсудимых"[41].

Такие документы Сталин хранил, пока через какое-то время не отдавал Поскребышеву. Тот многие уничтожил, некоторые сохранились в тайниках архивов. Для Сталина это было общение наедине с теми, кого он ненавидел, с кем боролся, кто атаковал его. "Заряжаясь" ненавистью, Сталин умел и "разряжаться". Это чувствовали миллионы людей...

А.А. Епишев, который, напомню, работал одно время заместителем министра государственной безопасности, рассказывал, что у Сталина была толстая тетрадь в черном коленкоровом переплете, куда он иногда что-то записывал. Едва ли для памяти, ибо она была у него "компьютерной", хотя к концу жизни и начала сдавать. Возможно, содержание этих записей навсегда останется тайной. Я не знаю источника, на который опирался Алексей Алексеевич, но он предполагал, что Сталин какое-то время хранил и некоторые личные письма от Зиновьева, Каменева, Бухарина и даже Троцкого. Нет, Сталин не вел ежедневно записей, как Николай Александрович Романов последний русский царь. Дневник императора охватывает 36 лет, не пропущено ни одного дня, исписано пятьдесят тетрадей

в сафьяновом переплете! Думаю, Сталин не мог бы снизойти, как гимназистка, до ведения таких дневников, где, кроме мелочей, трудно что-нибудь обнаружить. Диктатор мог, судя по его характеру, записывать нечто существенное о сегодняшних и завтрашних деяниях, о людях и их грядущих судьбах. Мне, несмотря на все попытки, не удалось выяснить ни содержания, ни судьбы личных записей "вождя".

Прямой доступ к Сталину имели лишь Берия, Поскребышев и Власик. О существовании этих записей знали только они. Но Поскребышев и Власик, которым больше всего доверял Сталин, незадолго до его смерти были скомпрометированы Берией и устранены из окружения. Словом, накануне смерти "вождя" из этих троих около него оставался один Берия.

Когда к пораженному инсультом Сталину Берия и Хрущев привезли утром врачей (до этого 12 — 14 часов он оставался без медицинской помощи), сталинский Монстр сразу понял, что это конец. Оставив Хрущева, Маленкова и остальных членов Политбюро возле умирающего Сталина, Берия умчался в Кремль. Кто сегодня скажет, не в сталинский ли сейф кинулся в первую очередь этот новый Фуше? Если да, то куда он мог убрать личные записи "вождя"? другие его бумаги?

Берия не мог не видеть, что в последние год-полтора отношение Сталина к нему непрерывно ухудшалось. В свою очередь и Сталин не мог не догадываться о намерениях Берии. Может быть, генералиссимус оставил распоряжение или даже завещание? Отношение к "вождю" тогда было настолько подобострастным, что окружение исполнило бы, видимо, его волю. У Берии были основания опасаться и спешить. А проникнуть в кабинет Сталина мог только он. Ведь Сталина охраняли его люди. Как бы там ни было, насколько мне удалось установить, сталинский сейф был фактически пуст, если не считать партбилета и пачки малозначащих бумаг. Берия, уничтожив загадочную личную тетрадь Сталина (если она там была), расчищал себе путь на самую вершину. Возможно, мы никогда не узнаем этой сталинской "тайны" — содержания записей в черной тетради. А.А. Епишев был уверен, что Берия "очистил" сейф до его официального вскрытия. Видимо, это ему было очень нужно.

Сталин имел обыкновение откладывать в особую папку документы, которые почему-либо его заинтересовали, — отдельные письма, шифровки, свидетельства. Так, в начале 1946 года Берия передал Сталину фотокопии личного и политического завещаний Гитлера. (Сталин так надеялся захватить его живым!)

Он долго читал переведенные тексты завещаний фюрера, останавливаясь подолгу на некоторых фразах:

"...Я решился перед окончанием земного существования взять в жены девушку... она по своему желанию умирает со мной как моя супруга... Наше желание быть тотчас же сожженными на месте.

...Приобретенные мною в течение многих лет картины я собирал не для личных целей, а лишь для создания галереи в моем родном городе Линц на Дунае.

...Я не хочу попасть в руки врагов, которые для увеселения своих затравленных масс нуждаются в организуемых евреями зрелищах.

...Я умираю с радостным сердцем... придет сияющее возрождение национал-социалистского движения..."[42]

Сталина, глубже своих соратников понимавшего религиозный смысл, особенно возмутила одна фраза завещания: "Я решился перед окончанием земного существования..." Что же, он надеялся и на загробную жизнь? Не в раю ли?! Сталин очень жалел, что Гитлер избежал международного суда военных преступников, но эти документы, как и некоторые другие, доставленные из Берлина, позволили ему четче увидеть зловещий профиль того, с кем он вел смертельную борьбу все эти годы. Мог ли он догадываться, что придет время и многие историки, философы, писатели будут его, Сталина, сравнивать с тем, кого он поверг, искать сходные черты, присущие двум диктаторам? Это тоже вечная тайна.

Лежали в папке и другие бумаги, к которым Сталин, по-видимому, обращался. Они сохранились в его фонде. Назову лишь некоторые. В папке письмо Сталину от выпускников Института красной профессуры, подписанное 27 октября 1935 года, где новые специалисты жалуются, что их выселяют из общежития, а "классово чуждые элементы, вроде княжны Багратион оставляют"[43]. Здесь же протокол заседания комиссии о ликвидации Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В докладной записке Я. Петерса и П. Поспелова говорится, что в Обществе "преобладают бывшие эсеры и меньшевики, тесно спаянные между собой связями. После убийства Кирова было арестовано 40 — 50 членов Общества..." Далее сообщается, что в их журнале "Каторга и ссылка" особый упор делается на Бакунина, Лаврова, Ткачева, Радищева, Огарева, Лунина и других. Есть статьи о Ницше и Керенском; в журнале сообщалось, как народовольцы готовили свои бомбы (мол, подозрительно)... Кое-кто в Обществе считает, что "они должны

защищать своих членов Общества, арестуемых совластью..."[44]. После чтения Сталиным этой записки судьба Общества была предрешена.

Там же и письмо "вождю" за подписью И.А. Акулова с предложением соорудить памятник на Перекопе и Чонгаре. Резолюция: "В архив. Вопрос отложен. Средств пока нет". Письмо А.Я. Каплера из тюрьмы с просьбой о направлении на фронт; записка Берии об информации югославского генерала Стефановича относительно судьбы сына Якова, с которым он одно время вместе находился в плену; доклад Круглова о доставке в декабре 1945 года из Праги "Русского заграничного архива"[45]. Письма Сталину от Г. Ягоды, К. Радека, В. Зощенко, А. Жданова, О. Серовой, многих других. Со временем некоторые передавались в личный архив, другие, видимо, уничтожались. В "Личной переписке", кроме служебных бумаг, немало писем, адресованных непосредственно "вождю". Знакомство с этими документами также позволяет приподнять часть полога, которым диктатор укрывал свои "тайны". В закрытом обществе, которое создал Сталин, естественно, ни о какой гласности, информированности народа не могло быть и речи. Людьми, которые знают как можно меньше, руководить легче. Этим "минимумом" занимались Жданов, Суслов и их выученики.

Существует еще одна тайна, которую едва ли когда удастся полностью раскрыть: смерть жены Сталина. Официальные заявления и различные версии известны давно. Но, пожалуй, ни одна из них не убедительна. Я просто выскажу одно соображение. В архиве есть любопытный документ, адресованный М.И. Калинину: прошение о помиловании Александры Гавриловны Корчагиной, заключенной лагеря на Соловках. Прошение написано фиолетовым карандашом на нескольких листках школьной тетради 22 октября 1935 года.

Как явствует из пространного письма, член партии А.Г. Корчагина пять лет работала домработницей в семье Сталина. Была арестована, когда один из заключенных, работавших ранее в Кремле, некий Синелобов, дал показания о том, что она-де говорила, будто Надежду Сергеевну застрелил сам Сталин. В письме Корчагина не очень убедительно отрицает этот факт, ссылаясь на официальную версию о "разрыве сердца" своей хозяйки. Упоминаемые в прошении Буркова, Синелобов (инициалов в тексте нет), сожитель Корчагиной охранник Я.К. Гломе, безымянный секретарь партячейки интересовались у домработницы: почему о причине смерти не указали в газе-

тах? Из прошения явствует, что официальная версия смерти многих не удовлетворила, тем более, как пишет Корчагина, Сталин тогда же, в ночь смерти, вернулся на кремлевскую квартиру, видимо, следом за женой. По всей вероятности, эти разговоры, дошедшие до Сталина, напугали его, и он решил не только убрать Корчагину, но и фактом ее ареста заставить замолчать всех, кто что-либо знал об этом деле. Именно — замолчать.

В конце 1935-го — начале 1936 годов судили по-сталински. Корчагина пишет Калинину, что угрозы следователя Когана принудили ее признать обвинение, а затем она без суда была сослана в Соловецкий лагерь. К письму приложено заключение особо уполномоченного НКВД Луцкого, которое гласит, что А.Г. Корчагина "проходит по делу о контрреволюционных террористических группах в правительственной библиотеке, в комендатуре Кремля и др.". Резолюция "всесоюзного старосты" лаконична: "Отклонен. *М.И. Калинин.* 8.III.36 г."[46].

Следует добавить, что в то время многие считали, что Аллилуева не покончила с собой, а ее застрелил Сталин, в приступе гнева не захотев больше терпеть своенравности жены, имевшей твердый характер. И эта версия не выглядит нереальной, учитывая моральный облик "вождя". У него ни разу не дрогнула рука, не шевельнулась мысль, когда он отправлял на гильотину беззакония своих друзей, товарищей по Политбюро, боевых соратников по гражданской войне, близких родственников. Нельзя, конечно, исключать и того, что Надежда Сергеевна не просто устала от бессердечия мужа, но и выразила таким трагическим способом свой протест против того, что знала.

Среди личных тайн, а их немало, — одна, связанная со старшим сыном Яковом. По ряду свидетельств, есть основания полагать, что делались одна-две попытки организовать побег из плена старшего лейтенанта Я. Джугашвили. Об этом, в частности, пишет Д. Ибаррури. Сталин хотел не столько спасти сына, сколько обезопасить себя. Он боялся, что фашисты могут "сломать" Якова и использовать его против отца. Но постепенно немцы все реже стали упоминать о Джугашвили, а потом и замолчали совсем. Пожалуй, полностью Сталин успокоился лишь тогда, когда нарком внутренних дел доложил ему 5 марта 1945 года:

"Государственный Комитет Обороны
товарищу Сталину И.В.

В конце января с. г. Первым Белорусским фронтом была освобождена из немецкого лагеря группа югославских офицеров.

Среди освобожденных — генерал югославской жандармерии Стефанович, который рассказал следующее.

В лагере "Х-С" г. Любек содержался ст. л-т Джугашвили Яков, а также сын бывшего премьер-министра Франции Леона Блюма — капитан Роберт Блюм и другие. Джугашвили и Блюм содержались в одной камере. Стефанович раз 15 заходил к Джугашвили, предлагал материальную помощь, но тот отказывался, вел себя независимо и гордо. Не вставал перед немецкими офицерами, подвергаясь за это карцеру. Газетные сплетни немцев обо мне — ложь, говорил Джугашвили. Был уверен в победе СССР. Написал мне свой адрес в Москве: ул. Грановского, дом 3, кв. 84.

Берия"[47].

Безуспешные меры, которые Сталин с Берией предпринимали, чтобы вызволить Якова (или не дать ему "заговорить"), оказались ненужными. Но эти тайны из разряда тех, которые скрыты навсегда.

К концу жизни, по мере того как силы покидали "вождя", он все чаще задумывался: что достанется после него историкам? Какие "следы" он оставил для них? Каково его документальное и эпистолярное наследие? Видимо, этим объясняется то, что года за полтора до своего 70-летия Сталин поручил Маленкову внимательно посмотреть архивы: какие материалы, связанные с Лениным и им, Сталиным, остались неизвестны? Есть основания считать, что Ленин интересовал его меньше. Но будучи исключительно хитрым человеком, Сталин понимал, что в "соседстве" с Лениным эта "инвентаризация" архивов не вызовет ни сейчас, ни позже особых кривотолков и сомнений. Сделать это было не трудно, поскольку почти все основные архивы находились в ведении МВД. Через 8 — 10 месяцев министр внутренних дел С. Круглов доложил:

"ЦК ВКП(б)

товарищу Маленкову Г.М.

Архивными органами МВД систематически проводится работа по выявлению и учету хранящихся в архивах подлинных документов, написанных В.И. Лениным и И.В. Сталиным.

В течение 1948 года был проведен полистный осмотр 190 000 дел документальных материалов 38 важнейших архивных фондов: ЦИК, СНК СССР и РСФСР, СТО СССР, Наркомнаца, НКВД СССР, Наркомпроса, ВСНХ, газеты "Известия", Управления делами Реввоенсовета Республики и других.

В результате полистного просмотра указанного количества документальных материалов было выявлено и передано в

ИМЛ 1203 автографа и копии с подлинных документов, написанных В.И. Лениным и И.В. Сталиным...

В этом году в архиве Октябрьской революции и социалистического строительства с этой целью будет просмотрено 58 000 дел.

28 января 1949 года.

Министр внутренних дел *С. Круглов*"[48].

Судя по некоторым данным, Маленков не один раз докладывал Сталину о результатах таких "ревизий". Думается, что далеко не все документы попали в ИМЛ. Сталин очень заботился о том, чтобы в истории о нем осталось лишь то, что он "разрешил". Поэтому неудивительно, что многих подлинных документов в архивах нет, а на копиях не воспроизведены его резолюции. Это тоже чисто сталинские "тайны". Многие из них, действительно, раскрыть непросто.

Когда сразу после войны военные доложили ему, что чехословацкое правительство намерено передать в дар СССР "Русский заграничный архив", он распорядился организовать прием и просмотр документов фонда. Тот же Круглов доложил 3 января 1946 года, что под руководством НКВД в Москву доставлено 9 вагонов документов (архивы правительства Деникина, Петлюры, личные архивы Алексеева, Савинкова, Милюкова, Чернова, Брусилова и многих других русских деятелей)[49]. Там были книги и материалы по истории Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Для приема документов привлекались специалисты из Академии наук — И. Никитинский, С. Богоявленский, И. Минц, С. Сутоцкий, но руководили всем этим и докладывали Сталину о содержании и дальнейшей судьбе архива высшие чины НКВД. Ряд документов надолго осел в его шкафах и сейфах. Например, в результате разбора "Русского заграничного архива" сотрудники НКВД обнаружили рукопись А.А. Брусилова, бывшего царского генерала, командующего Юго-Западным фронтом в первой мировой войне, который осуществил знаменитый прорыв, вошедший в историю как "брусиловский". С 1920 года он служил в Красной Армии, был инспектором кавалерии РККА, состоял с 1924 года при РВС СССР для особо важных поручений. Рукопись "Мои воспоминания", завершенная в 1925 году во время лечения в Карловых Варах (в следующем году Брусилов умер), явно не предназначалась для публикации в СССР.

В записке, приложенной к рукописи, Брусилов пишет: "...Ведь всем понятно, что в СССР я не мог бы ничего написать. Оставляю эти тетради на попечение дружественных людей за

границей и прошу их не обнародовать вплоть до моей смерти... Если в Европе люди хотят спасти порядок, семью, отечество, — пусть поймут мою ошибку и не повторят ее. Наши политические партии спорили и ссорились, пока не погубили Россию!"[50]

На этой записке лежит печать смятения патриота России, не сумевшего в свои 70 с лишним лет понять и принять революционный Октябрь. Для Сталина же эта записка стала еще одним "доказательством" его правоты в том, что касается недоверия к спецам.

Сталин мог все превратить в тайну. Даже переписные листы июля 1938 года, в которых указаны члены семей руководящей верхушки, принесли диктатору для рассмотрения. Сталин водил карандашом по спискам:

...Берия Нина Теймурадовна, грузинка, научный работник, сын Сергей, 14 лет.

Каганович Мария Марковна, дочь Майя и сын Юрий.

Ворошилова Екатерина Давыдовна.

Жемчужина Полина Семеновна; дочери Светлана Вячеславовна Молотова и Рита Ароновна Жемчужина.

Андреева — Дора Моисеевна Хазан, дочь Наталья Андреевна...

Красный карандаш Сталина ставил ему одному понятные галочки, "инвентаризировал" близких лиц из его окружения. Жирно подчеркнул фамилию собственного счетчика — Харитонов И.С. Секреты, тайны... Без них общество, которое он создавал, существовать не могло.

Вся жизнь Сталина окутана почти непроницаемой пеленой, похожей на саван. Он постоянно следил за всеми своими соратниками. Ни словом, ни делом тем ошибаться было нельзя. Стоило Н.А. Вознесенскому, способному на резкие и смелые суждения, где-то переступить невидимую грань дозволенного, как судьба его круто изменилась. Об этом соратники "вождя" хорошо знали. Берия регулярно докладывал о результатах наблюдений за окружением диктатора. Сталин в свою очередь следил за Берией, но эта информация не была столь полной. Содержание докладов было устным, а значит, и сверхтайным.

Сталин любил копаться в списках партийных, государственных, дипломатических, военных работников, оставляя нередко против отдельных фамилий одному ему понятные меты. Они могли означать избрание или неизбрание в ЦК, Верховный Совет, передвижение по вертикали или по горизонтали, а иногда и самое худшее. Причины, мотивы этих решений определялись,

видимо, степенью личной преданности "вождю" и какими-то еще, только ему известными критериями.

Большим руководителям, находящимся на виду у множества людей, трудно беречь личные тайны. В демократическом обществе в этом нет нужды. Во времена Сталина государственной тайной особой важности были данные о составе семьи члена Политбюро, его привязанностях и вкусах, его отношение к тем или иным вопросам и проблемам. Таинственное в своей засекреченности и безликости руководство было призвано лишь создавать фон "окружения", "соратников", "единомышленников". В арсенале у Сталина и Берии всегда была наготове версия о возможном "заговоре", "покушении", "теракте". Сталин действительно боялся, смертельно боялся покушений. Он полагал, что в обществе могут (должны!) быть люди, подобные народовольцам, эсерам, которые делают особую ставку на террор. Сталин всю жизнь ждал покушения. А его не было... "Вождь" недооценил своих способностей заставить замолчать, притихнуть великий народ. Тех, кто знал, каким виделся социализм Ленину, диктатор уничтожил, а молодые, новые поколения, благодаря сталинской демагогии, считали, что социализм и должен быть таким, каким его строил Сталин. Окружение знало об этом патологическом страхе "вождя" и патологически боялось навлечь на себя подозрения, которые могли стать роковыми. Эту "тайну" знали все соратники Сталина.

Закрытость общества начинается с руководства. Сталин здесь многого добился. Свету гласности предавалась лишь самая малая толика его личной жизни. В стране были тысячи, миллионы портретов, скульптур, бюстов загадочного человека, которого народ боготворил, обожал, но совсем не знал. Сталин умел хранить в тайне силу своей власти и своей личности, предавая народному обозрению лишь то, что предназначалось для ликования и восхищения. Все остальное было укрыто невидимым саваном.

Пароксизмы насилия

Всем живущим на Земле время отмеряет одной мерой. Вожди не являются исключением. Годы давили на плечи, а слава Сталина росла. Она, по сути, стала планетарной. И враги и друзья были вынуждены считаться с его волей, изощренным умом, планами. Еще задолго до 70-летия по ини-

циативе Маленкова на Политбюро рассмотрели длинный перечень мер и шагов по достойному празднованию юбилея. Это не только увековечние "вождя" — новые монументы, присвоение его имени комбинатам и стройкам, но и бесчисленные трудовые рапорты. В фонде "Переписка с товарищем Сталиным" — множество рапортов, докладов наркомов (министров), директоров заводов, секретарей обкомов. Но больше всего — обращений Берии. Тот еще во время войны стал радовать Сталина "трудовыми свершениями" своего наркомата. Например, 26 января 1944 года он докладывал:

"Государственный Комитет Обороны
товарищу Сталину И.В.

Докладываю, что Челябметаллургстрой НКВД закончил строительство первой очереди теплоэлектроцентра Челябинского металлургического завода и сдал в эксплуатацию турбину № 1 мощностью 25 тысяч киловатт и котел № 1. ТЭЦ начата строительством на неосвоенной площадке в марте 1943 года и закончена в короткий срок за 10 месяцев.

Прилагаю на Ваше решение рапорт строителей и проект ответной телеграммы.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Л. Берия"[51].

Рапорты Берии шли регулярно. Складывалось впечатление, что его ведомство работало лучше других. Вот и за год до юбилея Круглов завалил "вождя" докладами такого же характера.

"Товарищу Сталину И.В.

Министерство внутренних дел СССР докладывает Вам, товарищ Сталин, что горняки Печорского угольного бассейна, борясь за досрочное выполнение плана третьего года пятилетки, 19 декабря (за два дня до 69-летия "вождя". — *Прим. Д.В.*) выполнили годовой план добычи угля... Горняки Печорского угольного бассейна до конца года дадут стране сверх плана 200 тысяч тонн угля.

Министр внутренних дел СССР

С. Круглов"[52].

Такие же "горняки" трудились на сотнях, тысячах предприятий страны под охраной конвоя. Сталин считал это совершенно нормальным: построение нового общества требует жестокой селекции. Все недостойные звания "нового человека" должны пройти длительное перевоспитание в лагерях. Даже когда фашистские войска были под Москвой на расстоянии выстрела дальнобойного орудия, десятки соединений и частей войск НКВД охраняли огромное количество заключенных,

бóльшая часть которых должна была бы быть на фронте. И не приходилось бы Жукову, другим военачальникам собирать все, что оказывалось под рукой, чтобы латать прорехи на фронте, бросать в прорыв курсантов военных училищ, ополченцев, команды военных складов, караульные роты... А в это время войска НКВД стерегли "врагов народа". Но, похоже, их Сталин боялся не меньше, чем фашистов.

Как явствует из документов, именно Сталин был инициатором превращения заключенных в постоянный источник бесправной и дешевой рабочей силы. Напомню, выступление Сталина на заседании Президиума Верховного Совета СССР 25 августа 1938 года, поощряющее беззаконие и позволяющее удерживать заключенных в лагерях и по истечении срока, было тут же оформлено как соответствующий юридический акт, цену которому испытали на себе многие-многие тысячи людей[53]. В беседе со мной А.Г. Кабаев, рабочий-пенсионер из Бугуруслана, рассказывал: его отец, инженер авиазавода в Москве, был арестован в 1936 году за "контрреволюционную троцкистскую деятельность", о которой не имел ни малейшего представления, и осужден на 5 лет. Однако без всякого суда ему к пяти годам прибавили еще шесть. Вернувшись в 1947 году к семье, сосланной в Бугуруслан, он недолго пробыл с ней. Скоро вновь арест, тюрьма, высылка без всякого суда в Красноярский край, где он и умер. Исковерканная и растоптанная жизнь. А сколько было таких жертв произвола? Кто скажет, кто знает?

Со временем Берия с полного согласия и одобрения Сталина отладил целую систему тюремной эксплуатации и интеллигенции — инженеров, врачей, архитекторов, строителей, технологов, ученых. Уже во время войны умом и руками заключенных были сделаны крупные открытия и изобретения, сыгравшие важную роль в наращивании оборонного потенциала. Были случаи, когда таким способом добывалась свобода. Вот один пример. В феврале 1944 года Берия подготовил следующий доклад:

"Председателю ГКО
товарищу Сталину И.В.

В 1942 — 1943 гг. по проектам заключенных специалистов 4-го спецотдела НКВД СССР на заводе № 16 НКАП выполнены следующие работы, имеющие важное оборонное значение:

1. По проекту Глушко В.П. построены опытные реактивно-жидкостные двигатели РД-1, предназначенные для установки на самолеты в качестве ускорителей.

2. По проекту Добровольского А.М. на базе спаривания се-

рийных моторов М-105 построены мощные авиационные двигатели МБ-100 со взлетной мощностью 2200 л/с и МБ-102 со взлетной мощностью 2425 л/с...

Учитывая важность проводимых работ, НКВД СССР считает целесообразным освободить со снятием судимости особо отличившихся заключенных-специалистов... Прошу Ваших указаний.

Берия"[54].

Далее следует список 35 заключенных: Артишевский Л.Б. (осужден на 10 лет), Бегаш Б.Л. (10 лет), Бережной Ю.М. (25 лет), Бодня М.Е. (20 лет), Брагин Д.Я. (10 лет), Витка В.А. (10 лет), Владимиров М.С. (10 лет), Вольф А.О. (10 лет), Глушко В.П. (10 лет) и другие... Эта практика сохранилась на многие годы. Сталин верил, что интеллект и в заточении способен успешно работать на общее благо.

"Вождь" не мог изменить себе. Он хотел решать все сам. Анализ его повседневных дел свидетельствует, что централизация власти еще больше усилилась. Ни одна мало-мальски важная проблема не могла быть решена без Сталина. Обруч чудовищного централизма давил инициативу, гасил живое творчество масс, вел к стагнации общественную мысль. Новое строительство, главным образом предприятий тяжелой промышленности, жесткая денежная реформа, использование труда огромного количества пленных немцев и японцев, сокращение численности сил ПВО Москвы, создание министерства лесного хозяйства... Донесения о ходе работы над новым танком Т-54, о выделении одного грамма радия научно-исследовательскому институту, о поездке советской делегации на съезд хирургов в Прагу, об открытии Дома советской культуры в Вене, об испытаниях американских атомных бомб на Бикини и многое, многое, многое другое. Все это должен был решать лично Сталин. Например, Булганин и Голиков сообщали о "своеволии" маршала Жукова, специальным приказом отметившего после концерта Русланову и других артистов московских театров... Сталин отложил бумагу без резолюции. Вот доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Карпова об очередной сессии Синода при Патриархе Московском и всея Руси... Мелочи, думал "вождь".

Решая ежедневно многие десятки вопросов, крупных и мелких, важных и второстепенных, Сталин, подчеркну еще раз, стал буквально пленником созданной им Системы. Но иначе он не мог и не хотел. Стоило кому-нибудь принять более или ме-

нее самостоятельное решение без одобрения Сталиным или хотя бы кем-либо из его окружения, следовала жесткая реакция. Так было, например, с первым секретарем Ленинградского обкома партии П.С. Попковым, опрометчиво согласившимся на проведение Всероссийской торговой ярмарки в городе на Неве без специального решения Центра. Этот шаг стал одним из "аргументов", подтверждающих "антипартийность" ленинградского руководства.

Сталин, устало перелистывая бесчисленные шифровки, доклады, сообщения, не без удовлетворения отмечал, что к приближающемуся его юбилею удалось восстановить практически все разрушенные предприятия, заложить сотни новых. Возрождение экономики шло быстрыми темпами. Во время последнего разговора с Вознесенским он вновь подчеркнул: в центре внимания — тяжелая промышленность. Сельское хозяйство, потребительские товары — фактор не решающий. Финансовые, технологические ресурсы, как и раньше, концентрировались прежде всего в промышленности. Но и там наблюдался в основном количественный, а не качественный рост. Сельское хозяйство тем временем все более деградировало. Сталин едва ли знал, что колхозники, лишенные не только паспортов, но и всяких стимулов, работали лишь под угрозой многочисленных кар и тягот (необходимости выработать минимум трудодней, все большего обложения натуральным и денежным налогом каждого живого существа в хозяйстве, даже фруктового дерева, сокращения приусадебных участков и др.). То было бесправное сословие, не имеющее возможности ни протестовать, ни что-либо изменить. Весь урожай колхозов (как правило, очень низкий) изымался за смехотворную, символическую плату. Молодежь всеми правдами и неправдами пыталась покинуть село, наполняя ремесленные училища, становясь дешевой рабочей силой на многочисленных новостройках, лесозаготовках. Коллективное хозяйство не решало ничего; зато наверху решалось все — от времени начала сева до того, кому быть очередным председателем.

Аграрная "революция сверху", начавшаяся в конце 20-х годов, показала глубокую пагубность декретирования и административного насилия. В ЦК принимались многочисленные решения по сельскому хозяйству, но все они носили верхушечный характер, означали лишь поиск новых рычагов в стремлении заставить работать людей. Фактически этот труд был подневольным. В "Справочнике советского работника" под редакцией А.Я. Вышинского излагались многочисленные извлечения

из различных постановлений Центра, где указывалось, что запрещалось, что ограничивалось, о чем предупреждалось, какие кары "социальной защиты" угрожали ссылу[55]. Хотя справочник вышел до войны, почти все его постулаты имели прежнюю карательную силу и теперь. При внимательном рассмотрении жизни гигантского государства, в котором все было построено на огромном напряжении сил народа, самоотверженности миллионов людей, терпеливо ждавших улучшения условий своего бытия было видно — путь в "светлое будущее" прокладывался с помощью насилия. Сталин усматривал в этом "закономерность" социалистического строительства.

Крестьянин-колхозник не мог по своему желанию покинуть деревню. Не пустовали многочисленные лагеря. Неосторожное слово могло стоить свободы. Директива, приказ, указание сверху, часто нелепые, не подлежали обсуждению. Особое Совещание при НКВД СССР, созданное постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 года[56], продолжало активно функционировать. Подозрение в инакомыслии или каком-либо политическом деянии по-прежнему сурово каралось. Ежемесячно Сталину шли многочисленные рапорты-доклады, очень похожие один на другой.

"ЦК ВКП(б)

товарищу Сталину И.В.

Докладываю, что 24 декабря 1948 года Особым Совещанием при МВД СССР рассмотрено следственных дел на 260 человек. Из них осуждены все на различные сроки:

на 25 лет — 8 человек

на 10 лет — 8 человек

на 7 — 8 лет — 48 человек.

К двенадцати годам каторжных работ — 29 человек.

Министр внутренних дел СССР

С. Круглов"[57].

30 декабря объем "работы" Особого Совещания не изменился, только к каторжным работам осуждено вдвое меньше — 15 человек[58]. Все решения одобрялись единодержцем. Ведь это его детище. Каторжные работы были введены по указанию Сталина.

Да, пусть читатель не удивляется. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, который не публиковался, был введен особый вид наказания — каторжные работы для фашистских убийц, предателей, пособников оккупантов. Осуждали на каторжные работы сроком от 10 до 20 лет военно-полевые суды. Но война кончилась, а прерогативу

военно-полевых судов взяло на себя Особое Совещание, решения которого никакому обжалованию не подлежали. И попасть в эти жернова могли уже не только полицаи, но и просто инакомыслящие, подозрительные. Правда, вскоре после войны к Сталину обратились несколько ведомств с предложением изменить меру наказания, которое может выносить Особое Совещание:

"В связи с окончанием войны... целесообразно предоставить право Особому Совещанию при НКВД выносить меру наказания сроком до 10 лет". Сталин с предложением не согласился... Этот внесудебный репрессивный орган недолго пережил его главного творца: в сентябре 1953 года Особое Совещание наконец было упразднено. Это был один из первых облегчающих вздохов общества после кончины тирана.

Подвижничество, самоотверженность, стоицизм советских людей сопровождались частыми пароксизмами насилия — экономического, социального, духовного. "Вождь" считал это нормой. На бесчисленных докладах о заседаниях Особого Совещания, на которых, как правило, никогда никого не оправдывали, он ставил свое неизменное — "*И. Ст.*". Многие, точнее, почти все, думали, что Сталин знает и видит все. Но он видел то, что хотел. Он никогда не желал, хотя бы мысленно, посмотреть в полные отчаяния глаза миллионов советских людей, прошедших через е г о л а г е р я. Он смог бы увидеть в них настоящую, зловещую тень своей планетарной славы. Но Сталин жил прежней идеей — он хотел могущества своей страны, которое возвеличит е г о славу еще больше.

В год своего 70-летия "вождь" осуществил одну из акций, которая и сегодня популярна у пожилых людей. Он смог в условиях фактического развала сельского хозяйства, упадка легкой промышленности пойти (как и в последующие годы) на заметное снижение цен на товары широкого потребления.

Хотя Сталин накануне подписал постановление Совета Министров СССР "О новом снижении с 1 марта 1949 года государственных розничных цен на товары массового потребления", он не отказал себе в удовольствии после позднего, как всегда, завтрака развернуть "Правду" за 1 марта. В глаза бросилась длинная колонка цифр. Взгляд задержался на некоторых строчках: "Снизить с 1 марта 1949 года государственные розничные цены на товары массового потребления в среднем в следующих размерах:

хлеб и мука	— на 10%
масло сливочное и топленое	— на 10%
мясо, колбасные изделия и консервы	— на 10%

водка	— на 28%
парфюмерные изделия	— на 20%
шерстяные ткани	— на 10%
велосипеды	— на 20%
телевизоры	— на 25%
часы	— на 30%

Снизить соответственно цены в ресторанах, столовых, чайных и других предприятиях общественного питания".

Отложив газету, Сталин задумался. Народ живет бедно. Вот органы МВД сообщают, что в ряде районов, особенно на востоке, люди по-прежнему голодают, плохо с одеждой. Но, по его глубокому убеждению, обеспеченность людей выше определенного минимума лишь развращает их. Да и нет возможности дать больше; нужно укреплять оборону, развивать тяжелую промышленность. Страна должна быть сильной. А для этого и впредь придется затягивать пояс. Каждый следующий год население ждало очередного снижения. И оно следовало. Авторитет Сталина поднялся еще выше. Люди не хотели видеть, что в условиях острейшего дефицита товаров политика снижения цен играла весьма ограниченную роль в повышении материального благосостояния. При крайне низком уровне заработной платы она фактически замораживалась этим снижением. Подобной политике была не чужда и социальная демагогия. По некоторым сравнительным показателям, пожалуй, можно утверждать, что к началу 50-х годов уровень жизни, реальная заработная плата едва превысили уровень 1913 года. Возможно, мои выводы, основывающиеся на собственных подсчетах, могут оказаться и некорректными. Однако трудно уйти от ощущения, что долгие эксперименты, круто "замешенные" на страшной войне, мало что дали народу с точки зрения реального подъема жизненного уровня.

Конечно, нельзя не упомянуть о том, как поднялся культурный уровень советских людей, окрепло их интернациональное содружество; были сделаны определенные шаги в развитии социального обеспечения населения, в частности установлены пенсии, оплачиваемые декретные отпуска, пособия семьям погибших на войне, многодетным матерям и немало другого. Но все это был социально-экономический минимум, отражавший общую бедность. Дальнейший курс на приоритетное развитие тяжелой промышленности в условиях ускоряющегося упадка сельского хозяйства рисовал далеко не радужные перспективы.

Нередко в жарких спорах о том, ушедшем времени в качестве аргументов "защиты" Сталина говорится о "порядке",

"дисциплине", "уважении законов". Мол, до чего докатились: появились проституция, наркомания! Не знаю, как насчет проституции, а все остальные язвы — пьянство, хулиганство, воровство и даже наркомания — были в нашем обществе и тогда. Только все это считалось "совершенно секретной" криминальной статистикой. Возможно, что эти пороки были в меньших масштабах, чем сейчас. Но, повторяю, даже наркомания была. В январе 1948 года Круглов докладывал Сталину:

"В ноябре 1947 года в управление МВД Фрунзенской области (Киргизская ССР) поступили данные о том, что в г. Фрунзе действует группа спекулянтов опиумом в составе Нигматжанова, Хабибулина, Хисмутдинова, Гайнуллиной (инициалов в документе нет. — *Прим. Д.В.*). Изъято 17 килограммов опиума..."[59]

Считалось, например, что бесспорным достижением государства является система подготовки рабочих кадров. Конечно, было немало сделано в этой области. А вместе с тем:

"... В 1946 году органами МВД задержано 10 563 ученика, бежавших из школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ... Много преступлений на этой почве: воровство, бандитизм. Бытовые условия в училищах неудовлетворительные: антисанитария, холодно, часто нет света...

С. Круглов"[60].

Казарменные порядки, насилие, административные методы были не в состоянии не только устранить, но и снизить преступность. Едва ли Сталин был согласен с тем, что уважение закона, высокая культура отношений и демократичность социальной среды способны успешно противостоять криминальным аномалиям.

Противоречия, рожденные единовластием — абсолютная диктатура одного и несвобода миллионов, утверждение тотальной бюрократии и жизненная необходимость социальной активности, насаждение единомыслия и естественная потребность в творчестве масс, — углубляли генезис грядущих кризисов. Сталин этого или не хотел, или не мог понять. "Букет" этих противоречий как бы обрамлял нимб триумфатора. Он все более настойчиво нажимал на рычаги идеологические вместо экономических, не видя медленного, но неуклонного угасания, революционного энтузиазма. Сталин по-прежнему делал ставку на социалистическое соревнование, сковав тем самым творческую активность масс; все чаще обращался к испытанным методам — угрозам, административным, директивным мерам. Совсем не случайно апогей культа Сталина, пришедшийся на

празднование его 70-летия, совпал с так называемым "ленинградским делом". Сталинские "триумфы", все до единого, связаны с насилием. Это закономерность диктаторского единовластия. Даже в условиях реализации крупных социально-экономических программ ему нужны были внутренние "гражданские войны", хотя бы регионального масштаба. После победы над фашизмом эпицентр этой "внутренней войны" Сталин перенес в Ленинград.

Сегодня мы знаем, что разгромное постановление 1946 года о ленинградских журналах "Звезда" и "Ленинград" было принято по инициативе "вождя". Вслед за этим постановлением были преданы остракизму кинофильм режиссера Л. Лукова и сценариста П. Нилина "Большая жизнь", опера В. Мурадели "Великая дружба", был нанесен удар по репертуарной политике театров. Сталин почувствовал, что в области литературы и искусства появились, хотя и не явно выраженные, попытки выйти за рамки установленных партией, а значит, им, параметров. "Вождь" видел в этом угрозу единомыслию, а стало быть, пусть в перспективе, и единовластию. Его духовный мир, опирающийся на систему незыблемых постулатов, не мог мириться с таким вольнодумством. Травля Зощенко и Ахматовой стала сигналом к кампании идеологической чистки. Ленинград, еще не оправившийся после нечеловеческих испытаний, выпавших на его долю в годы войны, был поставлен в положение идейного еретика. И это не случайно. Сталин дал понять: если нет спуску героическому городу Ленина, то тем более его не дадут никому другому.

В фонде Жданова есть большое письмо Веры Зощенко Сталину.

"Уважаемый товарищ Поскребышев!

Очень прошу Вас передать письмо на рассмотрение тов. Сталина или, если оно утомит его, вкратце передайте его содержание...

8.IX.47 г.

С сердечным приветом

Вера Зощенко".

В письме, особенно вначале, есть строки, почти обязательные для того времени, но которые сегодня горько читать. "...Самой большой радостью в моей жизни является мысль, что на свете существуете Вы, и самым большим желанием, чтобы Вы существовали как можно дольше". Далее жена писателя пишет: "Дорогой Иосиф Виссарионович! Я была буквально потрясена постановлением ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и

"Ленинград"... Как все это могло произойти, ведь Зощенко все любили. Признавали (Горький, Тихонов, Шагинян, А.А. Кузнецов, Майский). Ни о каком бегстве из Ленинграда не могло быть и речи... Он всю зиму 44 года работал над книгой о партизанах... Ни о какой клевете и злопыхательстве не может быть и речи в его книгах..." Мужественная женщина фактически отвергает все наветы и обвинения в адрес мужа. В порыве откровения, защищая писателя, она говорит о сокровенном: "...он тяжелый психопат-неврастеник... странные мании. Он очень боялся сойти с ума, как Гоголь. Стал лечить себя самоанализом и... вроде вылечил. Его болезнь одарила его талантом сатирика, и в этом его беда. Но он не может подчиняться чужой воле, не может действовать по чьей-то указке..."[61]

Судя по всему, Сталин прочел письмо, т.к. есть подчеркивания тем же карандашом, которым он адресовал послание Жданову. "Вождь" не мог не почувствовать, что неприятие его оценки не только точка зрения жены писателя. Удивительно, что Сталин ограничился в отношении Зощенко и его семьи лишь моральным террором, не прибегнув к большему.

Нанеся по Ленинграду удар идеологический, через два года Сталин дополнил его жестоким ударом политическим, карательным, в котором многие не без оснований усмотрели "репетицию" новых возможных массовых репрессий. В середине февраля 1949 года "вождь" направил в Ленинград Маленкова, предварительно проинструктировав его. Формально повод был — нарушение норм внутрипартийной жизни во время партийной конференции Ленинграда. Выразилось оно в факте, едва ли единичном в то время. Несмотря на то что областные руководители П.С. Попков, Г.Ф. Бадаев, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин получили во время выборов в обком партии по нескольку голосов "против", председатель счетной комиссии А.Я. Тихонов, сообщая о результатах голосования, заявил, что все эти товарищи были избраны единогласно. Тут же один из членов счетной комиссии написал в ЦК анонимное письмо. И хотя Сталин сам еще в 1934 году прибег к грубой фальсификации результатов голосования на XVII съезде, его реакция была жесткой:

— Накопилось слишком много опасных сигналов о деятельности ленинградского руководства, чтобы можно было и дальше не реагировать. Поезжайте, товарищ Маленков, и хорошенько разберитесь во всем. У товарища Берии еще есть некоторые данные...

— Хорошо, товарищ Сталин, сегодня же выезжаю ночным поездом.

А "сигналы" были такие. Мол, обком партии, при поддержке секретаря ЦК А.А. Кузнецова, не считается с центральными органами партии. Факты? Организация в январе 1948 года в Ленинграде Всероссийской торговой оптовой ярмарки. Без специального решения центральных органов. Маленков, как прилежный выученик Сталина, нанизывал одну за другой "ошибки" ленинградских руководителей на бичеву обвинений, выступая на объединенном заседании бюро Ленинградского обкома и горкома партии. Притихший зал подавленно слушал, как Маленков, распаляясь, выдвигал все новые и новые обвинения. Случай с ярмаркой он квалифицировал как антипартийную групповщину, противопоставление Ленинградской парторганизации Центральному Комитету. Но главное было дальше. Следуя линии, намеченной в Москве, Маленков, использовав неудачные выражения П.С. Попкова, сформулировал и основное обвинение — попытку создания компартии России с далеко идущими целями. Все поняли: выступление Маленкова — предвестье большой беды.

Сидящие в зале еще не знали, что их бывший секретарь А.А. Кузнецов, ставший недавно секретарем Центрального Комитета, уже неделю как отстранен от работы. Естественно, после доклада Маленкова все руководство области и города было освобождено от своих постов. Но это было только началом. За каждым из подозреваемых тянулись нити быстро фабрикуемого "дела". Затем последовали аресты. Сразу же нашлись и "шпионы", вроде Капустина, и "перерожденцы", типа Попкова, и "вдохновители антипартийного курса", как Кузнецов.

В марте 1949 года еще один ленинградец — Н.А. Вознесенский, был выведен из состава Политбюро. Подлинный полководец экономики в годы Великой Отечественной войны, академик, человек с прямым, открытым характером, стал казаться Сталину слишком опасным. Круглов, Абакумов, Гоглидзе, ведомые Берией, буквально из ничего состряпали громкое "дело". Начались допросы, цель которых — любой ценой добиться признания в антипартийной, антигосударственной деятельности. Один из главных исполнителей крупной провокации против Ленинградской партийной организации Маленков довольно потирал руки: указание Сталина выполнено. Он "хорошенько" разобрался. Тем более что он, равно как и его ближайший приятель Берия, откровенно недолюбливал и Вознесенского, и Кузнецова. В них они видели потенциальных соперников в борьбе за лидерство в партии (ведь "вождь" быстро старел). В стране вновь, как и в 1937 году, началась "охота за ведьмами".

Не без основания все вновь со страхом ожидали самого худшего, тем более что бывшие ленинградцы "изымались" из различных республик и областей, куда в разное время были направлены для работы.

Что руководило Сталиным в организации этой преступной акции? Почему он затеял ее в канун своего 70-летия? Почему после идеологического удара по Ленинграду в августе 1946 года через два с лишним года последовал еще один, более страшный удар — карательный? Все мотивы этого преступления были известны лишь диктатору. Но я, опираясь на документы, анализ материалов того времени, сохранившихся в ряде архивов, могу предположить следующее.

Сталин никому не прощал независимости и "вольнодумства". И Вознесенский, и Кузнецов менее других славили его устно и письменно. Их бóльшая, чем у других, независимость постоянно настораживала Сталина. "Вождь" какое-то время колебался, не внемля наветам Берии и Маленкова. Известны лестные эпитеты Сталина в адрес двух ленинградцев, которые, учитывая преклонный возраст единодержца, могли потенциально рассматриваться и как возможные преемники первого лица. Вот этого камарилья из сталинского окружения допустить не могла. В тайных докладах Сталину вновь и вновь указывалось, что Вознесенский накануне войны фактически не нашел "врагов" в Госплане, возможно, покрывая их. Берия не раз между делом жаловался, что Вознесенский, курирующий химическую и металлургическую промышленность как председатель Госплана, явно занижает задания этим отраслям, а лесной, за которую отвечает Берия, завышает. Сталин пропускал пока все это мимо ушей. Но как-то его неприятно поразило выступление Вознесенского на Политбюро, когда тот высказал целый ряд убедительных доводов против дополнительного обложения новыми налогами колхозников; не понравилось намерение Кузнецова, ведавшего в ЦК кадрами, взять под более жесткий контроль министерства внутренних дел и государственной безопасности. Сталину стали известны также высказывания Кузнецова о том, что расследование "дела Кирова" не вскрыло подлинных вдохновителей преступления.

"Вождь" всегда исходил из того, что даже самые ценные, нужные люди должны были отвечать главному критерию — полной надежности и преданности лично ему. В этих строптивых ленинградцах он уже не просто засомневался, он увидел в них потенциальных оппонентов. Сталин помнил, например, что когда он познакомился с рукописью Вознесенского, на которой

Народный Комиссариат
Обороны Союза С С Р
НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО
ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
5 " Ноября 1941 г.
№ 22/585222
г. Москва.

Экз. №........

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР - тов. С.Т.А.Л.И.Н.У.

По плану обороны г. Москва строятся следующие полосы и временные оборонительные полосы:

1-ая полоса по линии построенного электро-кольца на фронте - ДИМРЫ, ХЛЕБНИКОВО, НАХАБИНО, КР. ПАХРА, ст. ГРИВНО, ст. ПАХРА, СЕРПУХОВ, ... , КОЛОМНА.

Рубеж находится в ведении Командующего Западным фронтом Генерала армии т. ЖУКОВА. На данном рубеже на 2.11.41 г. построенно 300 деревоземляных и железобетонных сооружений, для занятия их требуется сформировать шесть пулеметных батальонов, до настоящего времени построенные сооружения на рубеже войсками не заняты.

2-ая полоса, внешний обвод г. Москва на фронте - КОРОВИНО, ХИМКИ, ... , НИКОЛЬСКОЕ, СЕРЕБРЯННЫЙ БОР, КУНЦЕВО, ВОРОНЦОВО, КОТЛЯКОВО, ...

Рубеж находится в ведении Командующего МВО Генерал-лейтенанта т. АРТЕМЬЕВА. На данном рубеже к настоящему времени построенно 329 сооружений. По плану намечено к строительству 800 сооружений.

Рубеж занят полевыми войсками со своим вооружением в составе: московской стр. дивизии Московских рабочих с арт. полком ПТО /282, 276, 278 АД ПТО/, 488 ГАП, 10 гвардейск. минометным дивизионом, ротой собакистребителей танков.

40

Карта находится в папке приложений Тылового упр. за 1942 год

184

Следы колебаний Верховного...

И. В. Сталин и Б. М. Шапошников. 1939 г.

Командование Западного фронта: генерал армии Г. К. Жуков, член Военного совета Н. А. Булганин, генерал-лейтенант В. Д. Соколовский. 1941 г.

Маршал А. М. Василевский (слева) и маршал Ф. И. Толбухин (крайний справа) на командном пункте во время боев за освобождение Севастополя. Май 1944 г.

Выступление Председателя СНК УССР Н. С. Хрущева на митинге во Львове. 1944 г.

Карта, утвержденная Сталиным.

Гитлеровский лагерь смерти Клоога. Эстония. 1944 г.

Фонтан "Веселый хоровод" среди руин Сталинграда. Май 1943 г.

ОБРАЩЕНИЕ РУССКОГО КОМИТЕТА

к бойцам и командирам Красной армии, ко всему Ру... народу и другим народа...

Др...

БОЛЬШЕВИЗМ — ...
ствия принес он ...
в кровавую войну з...
честву невиданные ...
своей жизнью за п...
ром, за сверхпри...
русских людей ис...
щины, старики и ...
Сотни русских г...
по приказу Ста...

... ы
... н-
... да.
... ны

История наш... уде-
лом Красной а... бой-
цов и команди... о на-
рода, проигр... лость
всей больше... авного
штаба.

Сейчас, к... оборону
страны, Ст... лживой
пропаганд... ского на-
рода удер...

СОЮЗ... ИЕ КАПИ-
ТАЛИСТ... пользовать
большевизм ... Родины, эти
плутократы не только ... миллионов
русских людей, но и заключили со Ста... ые договоры.

...нией Русской Освободительной Армии. При этом, всем перешедшим на сторону борцов против большевизма гарантируется неприкосновенность и жизнь, вне зависимости от их прежней деятельности и занимаемой должности.

Русский Комитет призывает русских людей встать на борьбу против ненавистного большевизма, создавать партизанские освободительные отряды и повернуть оружие против угнетателей народа — Сталина и его приспешников.

Русские люди! Друзья и братья!

Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу!

На бой за святое дело нашей Родины! На смертный бой за счастье Русского народа!

Да здравствует почетный мир с Германией, кладущий начало вечному содружеству Немецкого и Русского народов!

Да здравствует Русский народ, равноправный член семьи народов Новой Европы!

Председатель Русского Комитета

Генерал-лейтенант (подпись)

(А. А. Власов)

Секретарь Русского Комитета

Генерал-майор (подпись)

(В. Ф. Малышкин)

27 Декабря 1942 г.
г. Смоленск.

Воззвание предателей.

Власов на строевом смотре. Германия. 1944 г.

Сборище предателей. Берлин. Ноябрь 1944 г.

Страшный лик войны. На берегу Днепра. 1943 г.

Руины Сталинграда.

Атака: кульминация боя.

Панфиловцы у могилы погибшего однополчанина.
Северо-Западный фронт. 1943 г.

В плену... В центре фельдмаршал Паулюс. 1944 г.

Они все же оказались в Москве, но в колоннах пленных... Июль 1944 г.

Сталин на выставке военных трофеев в Москве. 1943 г.

Н. Н. Бурденко и члены комиссии по расследованию фашистских злодеяний проводят эксгумацию. 1943 г.

Иосип Броз Тито подписывает Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией. Москва. 11 апреля 1945 г.

"Большая тройка" на Крымской конференции. Ялта. 1945 г.

Неподдельная радость. Встреча советских воинов в Прибалтике.

Освободители. Пешком до Берлина...

Возвращение из неволи. Выборг.

Домой с Победой. Берлин. 1945 г.

Калинин вручает Сталину его первый орден "Победа". 5 ноября 1944 г.

Генералиссимус. "Отец". "Учитель". "Гениальный вождь"...

Верховный Главнокомандующий во время Берлинской конференции. 1945 г.

Сталин и Жуков на Параде Победы. 1945 г.

"Отец народов" на первомайской демонстрации. 1952 г.

Союзники-соперники. У. Черчилль, И. Сталин. 1945 г.

За столом переговоров в Потсдаме. 1945 г.

Сталин среди военачальников — депутатов Верховного Совета СССР. 1946 г.

МОСКВА.

Тов. СТАЛИНУ И.В.

Для обеспечения выборов в Верховный Совет Союза ССР в западных областях Украины почти во всех населенных пунктах были выставлены мелкие гарнизоны Красной Армии или войск НКВД.

Присутствие этих войск усилило разложение оуновского подполья, заставило бандитов уйти в леса, где они подвергаются непрерывному преследованию и уничтожению.

В результате значительно повысилась политическая активность местного населения, о чем свидетельствуют успешно проведенные выборы в Верховный Совет СССР. Население само стало активно помогать выявлению и ликвидации остатков действующих бандгрупп.

Видя безвыходность положения и бесцельность дальнейшей борьбы, часть бандитов сложила оружие и явилась с повинной. Бандпроявлений в последние дни почти не наблюдается. Однако оставшаяся часть бандитов прекратила борьбу на время, рассчитывая после вывода войск Красной Армии возобновить свою террористическую деятельность.

Было бы крайне желательно продлить срок пребывания воинских гарнизонов в местах настоящего их расположения, так как войска, принимавшие участие в активных действиях против бандитов, изучили их тактику и методы, приобрели необходимый навык и помогли бы окончательно завершить ликвидацию оуновского подполья и бандгрупп.

Прошу Вашего указания командующим войсками Львовского и Прикарпатского военных округов об оставлении выставленных гарнизонов в местах настоящей дислокации их сроком до 1 апреля 1946 года.

Н.ХРУЩЕВ.

16.II.1946 г.
Принято по ВЧ.

Зп

Т. Антонову А.И. Прошу сделать приказание и дать просьбу удовлетворить, войска оставить до 1 апреля. И. Сталин

18.2.46

19.2

Вх. № 526 с [illegible] 1946

Н.к. Лаврентьевич сообщил [illegible]

Сталин с детьми Василием и Светланой. Черная речка. 1947 г.

Похороны Калинина. 1946 г.

Мао Цзэдун, Сталин, Хрущев, Булганин в президиуме
торжественного заседания, посвященного 70-летию Сталина. 1949 г.

Торжественное заседание, посвященное 31-й годовщине Октября. 1948 г.

Предвыборное собрание Сталинского избирательного округа г. Москвы. Февраль 1946 г.

Московские пионеры преподносят цветы Сталину в день его 70-летия. 1949 г.

70-летие Сталина. Маленков, Берия, Ворошилов в президиуме торжественного заседания.

Приветственный адрес Москвы к 70-летию Сталина.

В одном из киевских специализированных магазинов Главхлеба.

Еще один подарок "вождю".

Фото Я. Халипа

Предвыборный митинг Сталинского и Бауманского районов, посвященный выдвижению Сталина в Верховный Совет СССР. Москва. 18 февраля 1950 г.

Памятник Сталину на канале Москва—Волга. Один из многих тысяч...

Земные боги смертны. Похороны Сталина.

На улице Горького в день похорон.

Траурный митинг. На трибуне Мавзолея: Тольятти, Ибаррури, Червенков, Ракоши, Кенни, Дюкло, Готвальд, Булганин, Молотов, Ворошилов, Маленков, Хрущев, Берия, Чжоу Эньлай, Юдин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин, Шверник.

Без "Хозяина"... (Рабочий кабинет Сталина в кремлевской квартире.)

и оставил свою роспись в знак согласия, то не мог не оценить интеллектуального размаха и глубины анализа самого молодого члена Политбюро.

С.И. Семин, работавший начальником управления Госплана при Вознесенском, отмечал его исключительную энергию и прекрасную подготовку в области планирования развития народного хозяйства. При всей жесткости директивной экономики председатель Госплана пытался, где только мог, более широко вовлечь трудящихся в процесс планирования, контроля, определения перспектив развития каждого предприятия. Не знал отпусков и выходных дней. После Бухарина это, пожалуй, был второй и, наверное, пока последний крупный экономист в нашем высшем руководстве.

Хотя еще до ареста Сталин получил записку от Вознесенского и некоторых других ленинградцев, в которой они утверждали свою полную невиновность, "вождь" почти не колебался. Правда, сначала он хотел отправить Вознесенского директором Института Маркса—Энгельса—Ленина, но передумал: пусть вся ленинградская "обойма" полностью выпьет "чашу Иосифа". Суд, состоявшийся в сентябре 1950 года, действовал в соответствии с его указаниями. К расстрелу были приговорены Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, М.И. Родионов. Несколько позже эта же участь ждала и многих других ленинградцев — Г.Ф. Бадаева, И.С. Харитонова, П.И. Кубаткина, П.И. Левина, М.В. Басова, А.Д. Вербицкого, Н.В. Соловьева, А.И. Бурлина, В.И. Иванова, М.Н. Никитина, В.П. Галкина, М.И. Сафонова, П.А. Чурсина, А.Т. Бондаренко, всего около двухсот человек[62].

На суде, проходившем в здании Дома офицеров на Литейном проспекте, присутствовавшие не услышали покаянных речей Вознесенского и Кузнецова. Свой шанс совести они реализуют через годы, посмертно. Те, кто был на процессе, знают, что Алексей Александрович Кузнецов в последнем слове сказал: "Я был большевиком и останусь им; какой бы приговор мне ни вынесли, история нас оправдает..."

Верховный суд СССР под председательством А.А. Волина, прекративший в апреле 1954 года "ленинградское дело", извлек из него обвинение, которое было предъявлено в сентябре 1950 года. В нем говорилось, что "Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Турко, Закржевская, Михеев (в документе не проставлены инициалы. — *Прим. Д.В.*) признаны виновными в том, что, объединившись в 1938 году в антисоветскую группу, проводили подрывную деятельность в партии,

направленную на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б) с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК... Для этого пытались возбуждать недовольство среди коммунистов Ленинградской организации мероприятиями ЦК ВКП(б), распространяя клеветнические утверждения, высказывали изменнические замыслы... А также разбазаривали государственные средства. Как видно из материалов дела, все обвиняемые на предварительном следствии и на судебном заседании вину свою признали полностью..."[63] Как эти признания добывались, сообщил 29 января 1954 года Турко, тогда еще заключенный:

"... Я никаких преступлений не совершал и виновным себя не считал и не считаю. Показания я дал в результате систематических избиений, т.к. я отрицал свою вину. Следователь Путинцев начал меня систематически избивать на допросах. Он бил меня по голове, по лицу, бил ногами. Однажды он меня так избил, что пошла кровь из уха. После таких избиений следователь направлял меня в карцер, угрожал уничтожить мою жену и детей, а меня осудить на 20 лет лагерей, если я не признаюсь... В результате я подписал все, что предлагал следователь..."[64]

Старые испытанные методы, освященные волей и мыслью диктатора. В этом сталинском приступе насилия пали три большевика, связанные и родственными узами: братья Николай Алексеевич Вознесенский, член Политбюро, Александр Алексеевич Вознесенский — ректор Ленинградского университета и их сестра Мария Алексеевна Вознесенская — партийный работник. Вырублена целая поросль замечательных патриотов Отечества. О том, что "дело" было шито белыми нитками, свидетельствует один факт. М.А. Вознесенской в качестве главного обвинения вменялось в вину, что она "разделяла в 20-е годы взгляды "рабочей оппозиции". Кстати, основанием для реабилитации послужили тоже смехотворные выводы, что "не имеется доказательств в том, что Вознесенская разделяла взгляды "рабочей оппозиции"..."[65]. А если бы имелись? Такое было тогда правосудие... Сталинское.

Всех расстреляли в Ленинграде. С.И. Семин утверждает, что, по некоторым сведениям, Н.А. Вознесенского еще три месяца после приговора продержали в тюрьме (может быть, "вождь" колебался — всю войну проработали вместе в ГКО; никто так много не сделал для развития экономики, как его заместитель). А в декабре, по чьей-то команде, рассказывал мне Сергей Ильич, Вознесенского в легкой одежде повезли в грузо-

вой машине в Москву. Дорогой он то ли замерз, то ли его застрелили...

После ленинградской расправы волны насилия еще долго смывали людей в безвестье. Не только тех, кто знал осужденных, но и работников "органов". Правда, иногда Сталин, по ему одному известным причинам, проявлял "милость". В октябре 1949 года Круглов сообщал Сталину:

"С 1943 года генерал-лейтенант И.С. Шикторов работал начальником УВД Ленинградской области; с 1948 года — в Свердловске. После ареста ленинградского руководства Шикторова вернули в Ленинград. Однако, как нам доносят, он "не очищает органы МВД области от лиц, не внушающих доверия". Шикторов продолжительное время работал при старом вражеском руководстве Ленинградской области"[66]. Предлагалось отстранить Шикторова и заменить его Т.Ф. Филипповым.

Сталин отстранить соглашается, но повелевает найти Шикторову другую работу. Случай крайне редкий. Обычно любые доклады-предложения подобного рода кончались однозначно трагически.

"Вождь" не мог допустить, чтобы его жертвенник был пуст. Сталин привык к насилию. Его поощряли безропотность обреченных, смиренность партии и народа. Он как-то прикинул: даже в пик "чисток" (в конце 30-х гг.) они прямо коснулись лишь 3 — 4% населения. Это же сущий пустяк! Но зато какой послушной и управляемой становится масса, очищенная от скверны! Не все тогда видели, что растущая слава "вождя" сопровождалась спазмами, конвульсиями нового насилия. Этот пароксизм насилия труднообъясним. Страна быстро залечивала раны. Внутреннее положение отмечалось стабильностью. Никаких оппозиционных выступлений не было. Сплочение народа вокруг политического руководства, которое олицетворял Сталин, было реальным. Межнациональные отношения характеризовались внешней прочностью. Идеологическое влияние партии было безраздельным. И тем не менее в этих условиях Сталин, находясь в апогее своей славы, по-прежнему прибегал к насилию. Его пароксизмы временами захватывали то какой-либо регион, то ту или иную социальную группу или ведомство. Сталин, пробыв четверть века на вершине власти с помощью насилия, уже не мог обходиться без него. Именно этим объясняется его особое внимание к органам государственной безопасности и внутренних дел.

Берия, Круглов, Серов, Абакумов, другие "деятели" этих ведомств регулярно докладывали ему о положении дел в

ГУЛАГе, явившемся одним из важных резервуаров бесплатной рабочей силы. Однажды Маленков, зайдя к Сталину с очередным докладом, вынудил "вождя" совершить "гуманный акт". Он положил перед генералиссимусом справку, составленную начальником ГУЛАГа МВД СССР Добрыниным. Из нее вытекало, что в год 70-летия "вождя" в лагерях и колониях находится 503 375 женщин.

— Надо рассмотреть вопрос об освобождении тех, с кем находятся дети до 7 лет...

Сталин долго всматривался в графы справки и в конце концов согласился с предложением Маленкова под влиянием его главного аргумента: на содержание детей в ГУЛАГе тратится 166 миллионов рублей в год... Вот чем объяснялась "гуманная акция" Сталина, предписавшего женщинам с детьми до 7 лет отныне заниматься принудительным трудом по месту жительства! Но к этой категории, как повелел Сталин, нельзя было относить женщин, осужденных за контрреволюционную деятельность[67].

Однажды (дело было в сентябре 1951 г.) находящаяся в СССР делегация английских женщин — весьма редкое тогда событие - обратилась к пригласившей их стороне с просьбой разрешить посещение женского лагеря. Естественно, хозяева растерялись. Звонок в соответствующее управление МВД. Там, конечно, решить не могут. Обращение выше — к заместителю министра госбезопасности Серову. Тот тоже в этом вопросе бесправен. К министру Круглову. Та же картина. Выход на Суслова. И он ничего не может решить. Тот — к Маленкову. Лишь член Политбюро, переговорив со Сталиным, поставил свою подпись на разрешении... Лагерь, конечно, готовили, чистили, прибирали, инструктировали всех. 70% женщин (кто выглядел хуже) вывели на работы вне лагеря. Английские гостьи встретились с вполне "сознательными гражданами", которые временно оказались здесь. Делегация даже оставила запись в книге "гостей", которую срочно изобрели: "На нас произвело большое впечатление, с какой непосредственностью люди подходили к нам. Везде чисто. Мы считаем, что это ценный эксперимент, который имеет успех..."[68]

Маленков иногда доводил до сведения "вождя" и такие данные, от которых Сталина оберегали, дабы не волновать. Но Сталин никогда не волновался. В сентябре 1949 года, когда приближался "великий юбилей", Маленков после рассмотрения ряда текущих дел положил перед Сталиным еще один документ.

"ЦК ВКП(б), товарищу Маленкову Г.М.

12 августа в поле совхоза имени Сунь Ят-сена Михайловского р-на, Приморского края были обнаружены трупы убитых троих детей работницы совхоза Дмитриенко: Михаила 11 лет, Павла 9 лет и Елены 8 лет.

Убийство совершила мать, Дмитриенко Л.А., 1917 г.рожд. Она показала, что совершено убийство на почве крайне тяжелых материальных условий, в которых она оказалась после осуждения в 1946 году (по Закону от 7 авг. 1932 г.*) ее мужа Дмитриенко Д.Д., 1912 года рождения, и особенно после того, как ее уволили из школы, где она работала учительницей, и выселили из квартиры. С апреля работала в колхозе. Администрация никакой материальной помощи не оказала...

С. Круглов"[64].

Читать это донесение крайне тяжело. Это — апогей горя, пришедшего не только в семью Дмитриенко, но и в семью народов нашего Отечества. Как реагировал Сталин и Маленков на безумный акт пришедшей в крайнее отчаяние матери, сказать трудно: на документе нет резолюций. Нормальные люди на их месте должны были бы содрогнуться, но им были безразличны страдания людей.

Среди всех государственных институтов карательные органы фактически всегда были бесконтрольны. Именно Сталин вывел их из-под контроля государства, единолично осуществляя руководство ими. Пожалуй, только во время войны он больше времени уделял армии, чем НКВД. Все остальное время — это главный объект его внимания. Более того, в конце 30-х годов, сразу после войны и до своей кончины Сталин занимался делами этих ведомств больше, чем партийными. Об этом, в частности, свидетельствует фонд "Переписка с товарищем Сталиным". Большая часть документов — докладов, сообщений, телеграмм, оперативных сводок, отчетов, донесений о проведенных заседаниях Особого Совещания, открытии новых лагерей, подготовке кадров для этих органов и многое другое — касается работы НКВД (МВД). Похоже, ежедневно Берия, Круглов, Меркулов, Абакумов и другие подписывали по нескольку документов в адрес Сталина. "Вождь" просматривал их все, но резолюции удостаивал лишь некоторые документы:

* Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., согласно которому за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте, равно как и за хищение колхозного имущества, применялась высшая мера наказания — расстрел или, при "смягчающих" обстоятельствах, лишение свободы на срок не менее 10 лет.

"согласен", "проработайте дополнительно", "доложите о выполнении", "накажите примерно виновных за затяжку", "не держите либералов" и т.д. Для Сталина "органы" в огромной степени олицетворяли его власть, могущество и волю. Он привык к насилию и возможности его применения как обязательному атрибуту своего единовластия. Не случайно именно по его инициативе после войны карательный аппарат все усиливался, а для поддержания народа и "органов" в состоянии перманентной "мобилизованности и бдительности" нужно было постоянно демонстрировать наличие "врагов", "террористов", "предателей".

Какова цена сталинского единовластия? Каково количество его жертв? Сколько человек безвинно погибло по воле тирана и созданной им машины репрессий? Думаю, абсолютно точного ответа мы уже никогда не получим. Наиболее полный могла бы дать созданная Верховным Советом СССР Комиссия по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начале 50-х годов. "Тайны" диктатуры Сталина превратились в тайны исторические. Существует много оценок различных исследователей, в которых приводится общая численность погибших советских людей в годы сталинского культа. Основываясь на целом ряде не обобщающих, а, если можно так сказать, "промежуточных" показателей, которые мне удалось обнаружить в архивах, я приведу такую статистику. "Революция" на селе в 1929 — 1933 годах обошлась нашему крестьянству в 8,5 — 9 миллионов репрессированных земледельцев. В 1937 — 1938 годах репрессии коснулись 4,5 — 5,5 миллиона советских граждан. Но и между этими двумя большими "волнами" ведомство Ягоды — Ежова не оставалось без дела; было арестовано примерно около миллиона граждан. После войны, особенно в конце 40-х годов, даже учитывая, что в 1947 году была отменена смертная казнь, заметно увеличилось количество лагерей, число ссыльных, высланных, которые составили эту третью "волну". В ней оказалось 5,5 — 6,5 миллиона человек. Можно возразить: сидели не только политические, но и уголовные преступники... Правильно. Но до самой смерти Сталина в лагерях, даже по данным Берии, содержалось 25 — 30%, осужденных "за контрреволюционную деятельность"[70]. Всего же с 1929 по 1953 год жертвами сталинских репрессий стали 19,5 — 22 миллиона советских граждан (исключая годы войны). Из них не менее трети были приговорены к смертной казни или погибли в лагерях и ссылке. Возможно, мои оценки слишком осторожны, но все они основываются

на известных мне документах. Я вполне допускаю, что многое мне не удалось узнать.

Пожалуй, это самый страшный и чудовищный пир насилия в истории, который когда-либо удавалось справлять на Земле диктаторам. Сталин всегда следовал своему кредо, которое им было высказано ранее: "...Мы будем уничтожать каждого такого врага, (хотя бы) был он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, да, и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать". Кажется, что это слова средневекового инквизитора. А ведь им следовали, они были целой программой! Вот уж воистину прав Шиллер: "Злое семя злой приносит всход!"

После войны общество в социально-политическом плане не просто "законсервировалось", а приобрело некоторые новые мрачные черты бюрократического, полицейского характера. Сталин сумел сочетать несочетаемое — всячески поддерживать внешний энтузиазм, подвижничество миллионов советских людей, веривших, что вот-вот, рядом, уже за ближайшим перевалом те самые, сияющие вершины. И тут же постоянная угроза индивидуального или массового террора. Но... люди верили Сталину. Не случайно, что накануне ареста Н.А. Вознесенский дописывал последние главы своей новой книги "Политическая экономия коммунизма". Даже он, один из самых образованных людей в руководстве, допускал, что общество, ведомое Сталиным, приближалось к "светлому будущему". К слову сказать, в определении военной коллегии Верховного суда СССР Н.А. Вознесенскому, осужденному сразу по четырем статьям (58-1"а", 58-7, 58-10 ч.2, 58-11), вменялось в вину то, что он "составлял и издавал политически вредные работы"[71]. Даже если академик писал о коммунизме, но сам был подозрителен "вождю", то это делало его научное творчество "опасным". Такова была логика диктатора, дававшего свою интерпретацию "грядущему коммунистическому обществу".

Все считали естественным, что главными двигателями вперед становились сила, могущество, беспощадность, вера в единственного носителя истины. Разум, человечность, верность свободе и гуманизму, сама свобода отодвигались куда-то в неопределенное будущее. Ни в одном учебнике философии, крупной монографии нельзя было найти глав о демократии, свободе и правах личности. Все оказалось покрыто коростой насилия, всепроникающей классовой борьбы. Николай Бердяев, один из оригинальных русских мыслителей, депортированный в

1922 году за рубеж, с болью наблюдал, как идея силы подвергает эрозии все другие ценности. Еще в 1930 году он писал: "В русском коммунизме, согласно русскому душевному типу, победили не столько научные элементы марксизма, сколько мессианские его элементы — идея пролетариата, как освободителя и организатора человечества, как носителя высшей истины и высшей справедливости. Но эта мессианская идея — воинственная, агрессивно-наступательная и победная, идея поднимающейся силы. Страдательные, пассивно претерпевающие элементы старого русского мессианского сознания тут совершенно вытесняются. Мессия-пролетариат совсем не страдалец, не жертва, а победивший мировой организатор, конденсатор силы"[72].

Можно соглашаться или не соглашаться с выводами русского философа, но его наблюдение о примате силы, ставке только на силу, на которую все больше уповали Сталин и его единомышленники, верно отражает магистральное направление избранного ими социального развития. Может быть, это направление и не было бы столь ущербным, если бы Сталин не распял попутно основные гуманистические ценности, отдав их на заклание идее силы. "Вождь" всегда был верен этой идее, с той лишь особенностью, что в социальном контексте она трансформировалась в перманентное насилие, которое, правда, имело свои приливы и отливы. Каждому приливу предшествовал пароксизм, приступ злобы стареющего "вождя".

Стареющий "вождь"

Приближалось 70-летие Сталина. Он знал, какая суета идет в Политбюро, на других, более низких этажах власти. Но его это уже мало занимало. Он, казалось, пресытился славой, но не пресытился властью. Вызвал Маленкова и предупредил:

— Не вздумайте там опять осчастливить меня "Звездой"!

— Но, товарищ Сталин, такой юбилей... Народ не поймет...

— Не ссылайтесь на народ... Я не намерен препираться... Никакого своеволия! Вы меня поняли?

— Конечно, товарищ Сталин, но члены Политбюро считают...

Сталин перебил Маленкова, давая понять, что тема исчерпана, и приказал принести сценарий его чествования, который

намечалось провести в Большом театре. А о "Звезде" он заговорил не случайно.

После Парады Победы и приема в честь командующих фронтами в июне 1945 года группа маршалов обратилась к Молотову и Маленкову с предложением отметить "исключительный вклад вождя" самой высокой наградой Отечества — присвоением звания Героя Советского Союза. При этом обращавшиеся учли, что в связи с 60-летием Сталину было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а в годы войны он был награжден тремя орденами — орденом "Победа" № 3 (ордена № 1 и № 2 были вручены ранее маршалам Г.К. Жукову и Ф.И. Толбухину), орденом Суворова I степени, орденом Красного Знамени. Причем этим орденом он был награжден, как отмечалось в Указе, за "выслугу лет в Красной Армии".

После разговора военачальников с членами Политбюро те в течение суток-полутора "проработали" со своими коллегами вопрос, и 26 июня состоялось сразу два Указа Президиума Верховного Совета СССР: о присвоении Маршалу Советского Союза И.В. Сталину звания Героя Советского Союза и награждении его вторым орденом "Победа". В тот же день, 26 июня 1945 года, специальным Указом было введено звание "Генералиссимус Советского Союза", а назавтра, 27 июня, его был удостоен И.В. Сталин. Это, пожалуй, был единственный случай, когда "вождя" не послушались. Утром Сталин по привычке развернул перед завтраком "Правду" и пришел в ярость. С ним не посоветовались! Его не спросили! Он же предупреждал Маленкова... Холуи и поддакиватели... Приехав в Кремль, сразу же пригласил к себе Молотова, Маленкова, Берию, Калинина, Жданова и учинил им разнос. Больше всех были перепуганы Калинин (ведь это по его "ведомству" произошло своеволие) и Маленков, который не смог умерить верноподданнические чувства соратников. Но Молотов, Берия и Жданов понимали: гнев напускной, наигранный.

Сталин вознесся уже на столь высокую точку славы, что эти награды, предназначенные для обычных смертных, его уже мало занимали. Они для него, в сущности, ничего не значили. Это для простых людей награда имеет большое значение. А для него она имеет значение "обратное": ставит в ряд многих таких же награжденных... В конце концов человек с такой властью может усыпать себя наградами и... тем самым развенчает себя полностью! Этого не понимал Л.И. Брежнев. Впрочем, похоже, не понимал не только это...

Сталин не мог вспомнить, где он читал, кажется в

"Мыслях" у Наполеона, о том, что человеку можно вручить "пуговицу" (так император пренебрежительно в конце жизни говорил об орденах), а за это потребовать у него жизнь. Неужели эти люди, которых в печати называют его "соратниками", не понимают, что мера его величия уже не может быть отмечена какими-то обычными орденскими знаками! Возможно, этого его приближенные и не понимали. Но они знали другое: "вождю" нужен новый импульс и повод для пропаганды его скромности, непритязательности, отсутствия какого-либо тщеславия. Берия это уловил лучше всех. В своей статье "Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма" сталинский Монстр писал: "Гениальность нашего вождя сочетается с его простотой и скромностью, с исключительной личной обаятельностью, непримиримостью к врагам коммунизма – с чуткостью и отеческой заботой о людях. Ему присущи предельная ясность мысли, спокойное величие характера, презрение и нетерпимость ко всякой шумихе и внешнему эффекту"[73]. Берия, пожалуй, лучше других изучил повадки и намерения своего патрона. Он знал, что Сталин понимает под скромностью у других лишь покорность.

Сталин, любивший книги о полководцах, мог бы сказать словами Александра Македонского, когда тому предложили участвовать в соревнованиях: "Я бы принял участие, если бы со мной рядом бежали цари!" Наивный "всесоюзный староста", никогда и никому не возражавший, добросовестно исполнявший свою ритуальную роль, не чувствовал, что те награды, которые могут получать другие, для него, Сталина, уже не награды. Свой разнос "вождь" закончил словами:

— Выкручивайтесь, как хотите, а ордена я не приму... Слышите, не приму!

И долго не принимал. Два-три раза соратники пытались уговорить его согласиться на вручение наград. К уламыванию "вождя" подключали Поскрёбышева и Власика. Все напрасно. Почти через пять лет сам Сталин за ужином на даче вдруг заговорил о давних наградах, тем более что на портретах, фотографиях "вождь народов" давно уже изображался с двумя геройскими звездами и двумя орденами "Победа". Накануне первомайских праздников 28 апреля 1950 года Шверник вручил наконец Сталину награды из 1945 года плюс орден Ленина, которого он был удостоен в связи с 70-летием. Н. Шверник и А. Горкин подписали 20 декабря 1949 года Указ, в котором говорилось: "В связи с 70-летием со дня рождения товарища И.В. Сталина и учитывая его исключительные заслуги в деле укрепления

и развития Союза Советских Социалистических Республик, строительстве коммунизма в нашей стране... наградить товарища Иосифа Виссарионовича Сталина орденом Ленина"[74]. Получив из рук Шверника медаль "Золотая Звезда" и сразу три ордена, Сталин мрачно заметил:

— Ублажаете старика... Здоровья это не прибавляет...

За этими словами стояли новые страхи, пришедшие к нему накануне юбилея. Собираясь вечером на дачу, отдав напоследок какие-то распоряжения Поскребышеву, Сталин вышел из-за своего стола и хотел идти одеваться, как вдруг его "повело". В глазах поплыли оранжевые круги... Сталин тут же пришел в себя. За локоть его цепко держал двумя руками перепуганный Поскребышев:

— Товарищ Сталин, разрешите, я вызову врачей... Вам нельзя сейчас ехать... Нужны врачи...

— Не суетись...

Головокружение быстро прошло. Сталин задержался на несколько минут. Выпил чаю. Тупо ныло в затылке. Но врачей вызывать запретил. Он уже не верил не столько им, сколько Берии, который хозяйничал в Четвертом Главном управлении Минздрава... Черт его знает, что у него на уме... Да и не хотел, чтобы распространялись слухи о его болезни. Вот приедет сейчас на дачу, выпьет чай с настоем, который ему давно советовал Поскребышев. Всегда помогало... Поможет и теперь.

На Политбюро решили отметить юбилей Сталина с размахом. Председателем Комитета по организации подготовки и проведения празднеств назначили Н. Шверника. Вскоре на его стол легла записка, подписанная П. Пономаренко, В. Абакумовым, Н. Парфеновым, А. Громыко, В. Григорьяном, в которой "стоимость" юбилея оценивалась в сумму около 6,5 миллиона рублей. Шверник после проработки поставил свою подпись под следующим документом:

"Утвердить смету расходов по приему и обслуживанию делегаций, прибывающих в связи с 70-летием тов. И.В. Сталина, и по организации выставки подарков тов. И.В. Сталину в общей сумме 5 623 255 руб., согласно приложению..."[75]

В состав комитета вошли множество известных лиц. Назову хотя бы нескольких: Г.Ф. Александров, М.-Д.А. Багиров, С.М. Буденный, С.И. Вавилов, Я.Э. Калнберзин, О.В. Куусинен, А.Н. Поскребышев, А.А. Фадеев, М.Ф. Шкирятов, Д.Д. Шостакович, ну и, естественно, члены Политбюро. Было определено, кто и когда принимает подарки для "товарища Сталина", — Н.М. Шверник, Т.Д. Лысенко, П.Н. Ангелина,

А.И. Покрышкин, другие лица. На самом высоком уровне утверждались тщательно составленные списки приглашенных с женами на торжественное заседание, посвященное 70-летию "вождя".

Но готовился и приятный сюрприз. Окружение Сталина намеревалось учредить "орден Сталина". Был заготовлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР.

"Об учреждении ордена Сталина

Президиум Верховного Совета Союза ССР постановил:

В ознаменование 70-летия со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина и принимая во внимание его исключительные заслуги перед советским народом в деле создания и укрепления Советского государства, строительства коммунистического общества в СССР и обеспечения исторических побед СССР в Великой Отечественной войне, учредить орден Сталина. .

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. Шверник

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин

" " декабря 1949 г.".

Здесь же проект статута ордена, его описание и проект Указа об учреждении юбилейной медали "В ознаменование 70-летия И.В. Сталина". Дотошные проработчики Указа подсчитали, что стоимость медали будет 7 рублей 64 копейки, а на 1 миллион медалей потребуется 24 тонны меди и 6 тонн никеля. Был подготовлен также Указ об учреждении международных Сталинских премий "За укрепление мира между народами"[76].

На рассмотрение "вождя" были представлены тринадцать эскизов ордена, подготовленных художниками Н.И. Москалевым, А.И. Кузнецовым, И.И. Дубасовым. На одном эскизе, повторяющем орден Ленина, вместо привычного профиля Владимира Ильича — силуэт человека с усами. Тут и орден в виде золотого знамени; в форме старинного орденского знака с портретом; изображение "вождя", осененного красным знаменем; его силуэт в овале из колосьев; на золотом плато в маршальской форме... Фантазия не богата: золото, знамя, человек в мундире.

Все было готово к тому, чтобы в стране появился по тем временам, пожалуй, самый престижный орден. Но в последний момент "вождь" заупрямился, хотя раньше предварительное согласие дал. Рассмотрев макеты и эскизы, прочитав проекты Указов (а в это время его соратники напряженно смотрели на

своего патрона, возможно, думая, кто из них первым удостоится этого ордена), Сталин неожиданно сказал:

— Утверждаю лишь Указ о международной премии. — Помолчав, добавил. — А ордена подобные учреждаются лишь после смерти...

Все загалдели, не соглашаясь. Но Сталин поднял руку, успокаивая окружение:

— Всему свое время...

Я думаю, что диктатор посчитал, что, перешагнув через какой-то рубеж, можно добиться обратного эффекта. На каждом шагу, везде был в стране только он: фотографии в журналах и газетах, на каждой странице — десятки упоминаний его фамилии, скульптуры, барельефы, монументы, названия проспектов и комбинатов, колхозов и городов... Что же добавят о нем после смерти? Ясно, орден...

Кстати, после смерти никто в комиссии по похоронам не вспомнил об этом сталинском пожелании.

...В день юбилея, встав как обычно в 11 часов утра, Сталин чувствовал себя нормально. Происшедшее вчера показалось ему малозначащим эпизодом. А ведь сегодня — тяжелый день. После чествования на Политбюро весь вечер предстоит выслушивать бесконечные панегирики и славословия в его честь. Все будут соревноваться: кто найдет новые эпитеты, кто осветит новые заслуги "великого вождя". Весь декабрь "Правда" печатала статьи, рапорты, репортажи о подготовке страны к юбилею. С каждым днем вал славословия нарастал. Приехав в Кремль, Сталин долго изучал газеты, подробно знакомился с кипой производственных рапортов о выполненных обязательствах в честь его 70-летия. Доклады шли из всех республик, краев, областей. Но, пожалуй, не меньше торжествующих донесений шло из бесчисленных организаций ГУЛАГа. Там тоже выполняли, перевыполняли и ликовали, ожидая амнистии. Правда, докладывали не "зэки", а должностные лица МВД, представлявшие своих подопечных.

Сталин, листая в тиши кабинета бумаги, не раз ловил себя на мысли: неужели вся эта коленопреклоненная любовь обращена к нему? Что это? Игра исторического случая? Фантастическое везение? Или действительно он — редчайший самородок? Отгоняя эти, теперь уже совсем не нужные мысли, Сталин не без торжества отмечал про себя: главное — он сильнее их всех духом. Никто не способен так целеустремленно идти к цели, как он...

Перелистывая страницы газет, почти полностью посвящен-

ных ему, он уже несколько раз натыкался и на неюбилейные материалы, совпавшие с его датой. В Болгарии шел процесс над "государственным преступником Трайчо Костовым и его сообщниками" и почти одновременно в СССР — над группой бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Печать была лишь отголоском его планетарной славы: он знал, что в тысячах, сотнях тысяч коллективов (и не только в нашей стране) шли и идут собрания, посвященные его юбилею.

Почти за час до начала торжественного собрания Большой театр был полон. Тщательно отобранные и "просеянные" люди заполнили празднично украшенный зал. За полчаса до начала подъехал и Сталин. В комнате президиума встреченный аплодисментами генералиссимус тепло поздоровался с Пальмиро Тольятти, Мао Цзэдуном, Вальтером Ульбрихтом, Юмжагийном Цеденбалом, Иоганом Копленигом, Долорес Ибаррури, Георге Георгиу-Дежем, Вылко Червенковым, Вильямом Широким, Матьяшем Ракоши, Франтишеком Юзвяком, Ким Ду Боном, Анри Мартелем, Вилле Песси, советскими товарищами.

Когда президиум вышел на сцену, зал никак не мог успокоиться. Овации были долгими и бурными. Накануне Маленков показал Сталину план размещения гостей в президиуме, но Сталин тут же внес свои коррективы. Он не пожелал сидеть в центре. Мы знаем, что часто на съездах, пленумах, совещаниях он садился во второй ряд, пользуясь случаем подчеркнуть свою "скромность". Сейчас это сделать было невозможно, ведь юбиляр! Сталин "сдвинул" свое место значительно правее председателя, указав карандашом, что справа от него должен сидеть Мао Цзэдун, а слева Хрущев.

После короткой вступительной речи Шверника, многократно прерываемой бурными аплодисментами, как только оратор упоминал имя "вождя", начались выступления. Весь вечер в зале звучало: "гений", "гениальный мыслитель и вождь", "гениальный учитель", "гениальный полководец"... Только Мао Цзэдун назвал его "великим". Может быть, в этом был потаенный смысл? Множество ораторов сменяли друг друга на трибуне. Выступали посланцы союзных республик, коммунистических и рабочих партий, представители молодежи, творческих организаций. Это было концентрированное выражение "любви народов". К концу заседания в президиуме многие устали. На фотографиях и кадрах кинохроники того далекого дня видно, что Берия, Ворошилов, Молотов и Микоян, явно утомленные от бесконечных вставаний и аплодисментов, думают о чем-то

своем. Возможно, один — о честолюбивых планах, другой — о долгой опале, третий ... впрочем, у каждого из них были поводы для размышлений. Сталину было уже трудно сосредоточиться и вникать в тот обвал славословия, который продолжался несколько часов. "Вождь", если бы знал диалоги Платона, мог бы всерьез подумать, что ему удалось осуществить вековую мечту человечества — создать "идеальное государство", в котором устранено главное разрушающее начало: противоборство богатства и бедности[78].

Действительно, в его государстве не было ни богатых, ни нищих. Он не хотел ответить в эти часы даже себе: были ли несчастные? Были. Тысячи. Сотни тысяч. Если точнее — миллионы. Было среди них немало полицаев, шкурников, расхитителей, валютчиков, обыкновенных воров и грабителей. Но, пожалуй, более половины — те, кто лишь показался опасным триумфатору и его "органам".

За несколько дней до этого торжественного собрания Сталин утвердил доклад министра внутренних дел С. Круглова о результатах очередного Особого Совещания, заседавшего почти ежемесячно. К докладу был приложен протокол более чем на сто человек "по делам на членов семей изменников Родины". Все они "осуждены к ссылке в северные районы Союза ССР". Закон суров, а он действует по закону. Поэтому кто говорит, что Сталин беспощаден? Почему на Западе до сих пор перепевают на старый троцкистский мотив "выдумки" о его жестокости? Разве не он совсем недавно одобрил представление Круглова, в котором тот писал:

"В исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД в настоящее время содержится вместе с осужденными матерями 14 170 детей в возрасте до 4-х лет, а также 7220 беременных женщин. Это количество детей более чем в 3 раза превышает **лимиты** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*) имеющихся в лагерях и колониях "домов младенца". А посему предлагаю освободить этих женщин, заменив им тюремное заключение исправительно-трудовыми работами по месту жительства..."[79]

Сталин, слушая бесконечные хвалебные речи, иногда устало откидывался на спинку стула: бремя славы утомляло "вождя", но и обходиться без нее он уже не мог. Генералиссимус заметно оживлялся, когда его славили стихами. Якуб Колас, выступая от Белоруссии, прочел свое длинное стихотворение, куда была втиснута вся биография Сталина, заканчивающееся словами:

Ты знамя победы. Ты символ свободы.
Ты к счастью народы ведешь.
Живи же, учитель наш, долгие годы.

Тебя прославляют в песнях народы,
Великий отец наш и вождь.

Как хорошо, что он не поддался искушению уступить Маленкову, который настойчиво поддерживал предложение группы писателей опубликовать ранние стихи Джугашвили. "Вождь" не должен поддаваться сиюминутным соблазнам. Откуда он мог знать, что через 30 лет человек, который тоже будет Генеральным секретарем, удостоится Ленинской премии по литературе, не написав ни строки "своих" сочинений!

Бурные аплодисменты вызвало чтение стихов А. Твардовским. Сталину могли особо понравиться слова поэта:

Пусть вёсны долгой, долгой чередой,
Листву листве, цветы цветам на смену
Несут над Вашей славной сединой,
Над жизнью, в мире самой драгоценной!

Думаю, что Твардовский говорил эти слова искренне. И в них — выражение нашего общего ослепления, веры в идолы, а не идеалы. Все были как в религиозном экстазе, славя "вождя". Он олицетворял социализм. Веря в "вождя", верили и в идеалы, которые, казалось, он воплощал. Степень этого славословия равна степени унижения народа.

Цепкая память "вождя" закладывала в "компьютерные" ячеи слова Мао Цзэдуна: "вождь рабочего класса всего мира", Пальмиро Тольятти: "обязуемся и впредь быть верными Вашему учению"; Ким Ду Бона: "да здравствует великий Сталин — спаситель корейского народа"; Анри Мартеля: "Вы — гениальный теоретик и великий революционер"; Вальтера Ульбрихта: "честь и слава Вам, гениальному кормчему"; Матьяша Ракоши: "венгерские рабочие и крестьяне называют товарища Сталина "родным отцом"... Зал оживился, когда Вылко Червенков преподнес благодарственное письмо, подписанное пятью миллионами (!) трудящихся Болгарии — почти всем взрослым грамотным населением страны.

70-летний "вождь", отправляясь на следующий день на банкет, еще успел прочесть в Кремле десятки телеграмм от зарубежных государственных деятелей. Поскребышев, стоявший рядом, внимательно следил, как старческие руки "Хозяина" откладывали в сторону один лист за другим. Закончив, встал и, уже выходя из кабинета, вдруг обернулся к своему помощнику:

— Кто это тебя надоумил написать о цитрусовых?

Поскребышев не ожидал этого вопроса, смутился, но быстро ответил:

— Суслов и Маленков порекомендовали. Читали в отделе пропаганды; сам Михаил Андреевич смотрел.

Сталин ничего больше не сказал и пошел к выходу. Нужны силы и на долгий банкет с речами и бесконечными тостами. А вопрос к Поскребышеву был связан с сегодняшней большой статьей в "Правде" его помощника "Любимый отец и великий учитель". В одном из ее разделов говорилось, что Сталин не только помог мичуринцам разгромить вейсманизм-морганизм, но и показал, как надо на практике внедрять передовые научные методы. "Товарищ Сталин, занимаясь в течение многих лет разведением и изучением цитрусовых культур в районе Черноморского побережья", показал себя "ученым-новатором". Далее Поскребышев писал, что можно "привести и другие примеры новаторской деятельности товарища Сталина в области сельского хозяйства. Известна, например, решающая роль товарища Сталина в деле насаждения эвкалиптовых деревьев на побережье Черного моря, в деле разведения бахчевых культур в Подмосковье и в распространении культуры ветвистой пшеницы".

Выставка подарков, которую Сталин посмотрел глубокой ночью, впечатляла. Здесь были экспонаты, подаренные Сталину и раньше, до юбилея. Переходя из зала в зал, Сталин задержался у целого моря знамен от республик, областей, предприятий. Он остановился около одного-двух, поднял полотнище: "Выше знамя Ленина — Сталина! Оно несет нам победу!", "За Родину, за Сталина!". Дальше около тридцати знамен только от китайского и корейского народов. Подписи весьма впечатляющие: "Самоуправление города Сапшилин преподносит подарок спасителю человечества Генералиссимусу Сталину", "Светочу пролетариата Генералиссимусу Сталину", "Да здравствует спаситель народов мира Сталин!", "Спасибо Великому Сталину за освобождение нас от японского гнета. От русского населения г. Мулин". А вот знамя 26-й стрелковой Сталинской Краснознаменной ордена Суворова дивизии... Море позолоченного кумача.

Сотни картин. Живопись, графика, акварель. И. Бродский, П. Васильев, Е. Голяховский, В. Дени, Н. Долгоруков, А. Кручина, И. Павлов, Н. Соколов, Н. Шестопалов, другие известные мастера. Скульптуры Н. Томского, П. Кенига, Л. Едунова. Скользя взглядом по бесчисленным ликам человека с усами, Сталин не чувствовал себя помещенным в какой-то иррациональный, перевернутый мир, а воспринимал это всеобщее ослепление как признание его гениальности.

Неторопливыми шагами "вождь" проходил мимо бесчи-

сленных ваз, альбомов, шкатулок, статуэток к целому арсеналу оружия — десятки подаренных пистолетов, винтовок, автоматов... Пройдя, как сквозь строй, через выставку подарков, Сталин не спеша, как и положено земному богу, нес свое стареющее тело к лимузину, чтобы вновь уединиться за зубчатыми стенами...

Весь декабрь газеты и журналы были заполнены приветствиями, юбилейными статьями, верноподданническими излияниями. Шел процесс унижения великого народа. Сталин считал это естественным. Да, пожалуй, Карл Каутский, давний критик большевизма, оказался прав в отношении личности Сталина. Еще в 1931 году, когда только монтировалось здание единовластия, он не без иронии вопрошал: "Что еще остается сделать Сталину, чтобы прийти к бонапартизму? Вы полагаете, что дело дойдет до своей сути не раньше, чем Сталин коронуется на царство?"[80] Все более пристально всматриваясь в то, что было, убеждаешься: для тотальной бюрократии просто необходим хотя бы первый консул, если нет императора. Сама бюрократическая система с формальной демократией на фасаде не может существовать без политической фигуры деспотического типа.

Сталина благодарили за все сделанное народом, говорили о "великом счастье" для советских людей, которое он им принес, на все лады расписывали все его добродетели и благодеяния. Даже императоры не доводили до подобного унижения свой народ. Сталин не только не пресек это унижение, но и инициировал его. Стареющий "вождь" олицетворял уже не социализм, а его больную тень. Я столь подробно остановился на 70-летии диктатора потому, что в этой кульминации, апогее цезаризма особенно наглядно стали видны черты его исторической обреченности.

После юбилея Сталин стал "сдавать" еще быстрее. Все время держалось высокое кровяное давление. Но он не желал обращаться к врачам; просто не доверял им. Еще как-то он прислушивался к советам и рецептам академика Виноградова, но постепенно Берия внушил Сталину, что "старик подозрителен", и пытался прикрепить к "вождю" новых врачей. Но Сталин уже не хотел других эскулапов. Когда же он узнал, что Виноградов арестован, то грязно выругался, но вмешиваться не стал. После устранения академика Сталин наконец бросил курить. В остальном вел такой же нездоровый образ жизни: поздно вставал, работал ночью. Несмотря на гипертонию, продолжал, по старой сибирской привычке, ходить в баню. За обе-

дом, как всегда, тянул маленькими глотками ароматное грузинское вино, избегал лекарств. По совету Поскребышева иногда принимал какие-то пилюли, перед едой выпивал полстакана кипяченой воды, предварительно накапав туда несколько капель йода. Сталин боялся доверить себя, свое здоровье врачам. Он не доверял им так же, как не доверял никому.

Такова судьба диктаторов. Хотя вокруг них всегда суетится множество людей, они одиноки. Диктатор сам лишает себя нормальных, обычных человеческих контактов; заискивание, угодничество, поддакиванис, лесть, славословие окружения лишь подчеркивают его одиночество среди толпы. Слава, власть, могущество так отгородили Сталина от людей, что он, живя среди них, давно утратил способность к подлинным человеческим отношениям и настоящим чувствам. Как-то сразу подошедшая старость все чаще заставляла его возвращаться мыслью в прошлое. В старости это самая доступная роскошь для всех. Не исключая и старых диктаторов.

Рядом с большим домом в Кунцево для него построили еще один, поменьше. В одной комнате соорудили камин. Часто Сталин, выходя из кабинета, час-полтора сидел у камина, наблюдая, как возникают и рушатся сказочные замки из раскаленных углей, как кроваво-багровые отблески каминного пламени отражаются на голенищах его мягких сапог. Раньше Сталин редко предавался праздным размышлениям. Теперь его все чаще тянуло, влекло прошлое. На днях он распорядился сделать две увеличенные фотографии Надежды Сергеевны; одну в рамочке поставили в кабинете на столе, другую повесили на стене в спальне. Было ли то признанием своей вины? Косвенной или прямой? Зная теперь очень многое из того, что совершил Сталин, я почти уверен, что раскаяния он не испытывал. Он просто мог еще раз пережить ту холодную ноябрьскую ночь, когда произошло непоправимое. В жизни ничего вернуть нельзя, но мысленно можно побывать в том, навсегда ушедшем времени. Диктатор уже не мог только действовать. Пришло время и воспоминаний. Он всего достиг, но чувствовал, что все ближе подходит к той черте, из-за которой возврата нет. Ни для кого. Для вождей — тоже.

Может быть, он в конце жизни понял, что, победив всех, он все же проиграл? Может быть, его пугала историческая обреченность его личной победы? Может быть, тени тысяч погибших его товарищей, друзей, соратников, которых он сам отправил на смерть, тронули глубоко запрятанные в его душе струны совести? Что он видел, всматриваясь слезящимися

от жара глазами в превращающиеся в пепел угли? Зная, что писал, говорил и делал этот человек, не могу поверить, чтобы он мог о чем-либо сожалеть. Его угнетала, наверное, лишь беспощадность времени, которое одинаково безжалостно и к палачам и к жертвам, с той, однако, разницей, что одних оно навсегда метит презрением, а других выделяет вечной скорбью мучеников.

Он, как земной бог, оглянувшись вокруг на "седьмой день творения", мог сказать, что достиг всего: создал могучее государство, сделал послушным великий народ, победил всех своих врагов, добился неподдельной любви миллионов своих сограждан. Но почему его не покидает тоска? Может быть, потому, что не получилось с мировой революцией? Или он убедился, что его долгие кровавые социальные эксперименты не смогли, в конце концов, противопоставить частному предпринимательству нечто более весомое? А может, он увидел обреченность своих идей, основанных на насилии? Не думаю. На Сталина это непохоже. Он просто боялся смерти. Так же как всю жизнь боялся покушений, заговоров, диверсий. Он боялся, что после смерти станут известны все его злодеяния. Боялся за созданное детище. Не хотел, чтобы оно стало другим. Ибо там для него не окажется места. Как вспоминал Хрущев, в последние годы жизни Сталин часто говорил своим соратникам: "Что будете делать без меня? Пропадете, как котята!" Здесь он не ошибся: его мир, его порядки, его божественный культ просуществовали совсем недолго.

Стареющий "вождь" боялся. Его покрасневшее к концу жизни лицо (видимо, от гипертонии), несмотря на исключительное умение напяливать на себя нужную маску, не могло скрыть в последние годы жизни глубокой усталости, за которой был страх. Его дочь, создавая психологический портрет отца, писала, что, идя к своему концу, он чувствовал себя опустошенным, "забыл все человеческие привязанности, его стал мучить страх, превратившийся в последние годы жизни в настоящую манию преследования, — крепкие нервы в конце концов расшатались. Но мания не была больной фантазией: он знал и понимал, что его ненавидят, и знал почему..."[81]. Его уверенность в особом кавказском долголетии становилась все меньше после очередного головокружения, когда его вело куда-то в сторону. Так уже было несколько раз.

Раньше он почти никогда не думал о своих детях. Было просто не до этого. Он их, по сути, и не знал. Со смертью Якова исчезло куда-то вечное раздражение, когда он слышал имя

старшего сына. С Василием спокойно разговаривать не мог. Отцу далеко не все говорили, но он чувствовал, что его безвольный сын держится на службе лишь благодаря фамилии и высокопоставленным покровителям-"друзьям", которые вьются пока вокруг него. Выдумали для генерал-лейтенанта должность — "помощник командующего ВВС Московского военного округа по строевой части", а затем назначили исполняющим обязанности командующего ВВС округа. В июне 1948 года Булганин уговорил его, Сталина, назначить сына командующим. Сталин понимал, что Василия "тащат" наверх, чтобы угодить ему, но он только отмахнулся: "Делайте что хотите!" Если бы Сталин был самокритичным, он бы мог сказать: дети не получились. Но Сталин никогда не подвергал себя внутреннему суду, не прибегал к самокритике. Хотя призывал к этому других: "Самокритика нужна нам, как воздух, как вода... Если наша страна является страной диктатуры пролетариата, а диктатурой руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не может делить власти с другими партиями, — то разве не ясно, что мы сами должны вскрывать и исправлять наши ошибки, если хотим двигаться вперед..."[82]

Дочь, та совсем от рук отбилась. После того как она ушла от очередного мужа, отец распорядился выделить ей квартиру и фактически махнул на нее рукой. Она иногда наезжала к нему на дачу: послушать его стариковское брюзжание, поживиться деньгами. Сталин, который был на полном государственном обеспечении, совал дочери пачку купюр из своего депутатского жалованья. За последнюю четверть века он ни разу не истратил ни рубля, не был ни в одном магазине, не знал, как живут люди на скромную зарплату и едва-едва сводят концы с концами. Для него деньги давно стали ничем. Зато многочисленная челядь, обслуживавшая Сталина, толк в них знала.

Однажды, уже в начале 50-х, когда Светлана стала учиться в аспирантуре Академии общественных наук, Сталин поинтересовался, что за диссертацию она там пишет. Ему доложили, что ее тема — "Развитие передовых традиций русского реализма в советском романе". Сталин хмыкнул, но ничего не сказал. В автореферате диссертации, датированном 1954 годом (уже после смерти отца), на соискание ученой степени кандидата филологических наук С.И. Аллилуева пишет, что для раскрытия проблемы ей пришлось опираться на ряд положений И.В. Сталина, изложенных в "Экономических проблемах социализма в СССР". Ортодоксальная, в духе того времени работа совсем не свидетельствовала о будущей крутой ломке мировоззрения до-

чери Сталина. Впрочем, о дочери он знал гораздо меньше, чем знают нормальные отцы.

Пожилые люди любят внуков. Им они отдают всю нерастраченную на детей любовь, отдают с такой страстью, как будто от каждой встречи, слова, поступка зависит вся жизнь их любимцев. Сталин не хотел видеть внуков и половину из них совсем не знал. Человеческие чувства — сыновняя, отеческая, стариковская любовь — были ему неведомы. Диктатор потому и становится им, что он не только многое приобретает, но еще больше теряет. Прежде всего — из сокровищницы общечеловеческих чувств. Похоже, что любовь к власти затмила у него не только чувства отца и деда, но и привязанность к матери. С. Аллилуева вспоминает, что мать Сталина, не избалованная его вниманием и дожившая до гигантской славы сына, сказала ему во время последней встречи:

— А жаль, что ты не стал священником!

С ней трудно не согласиться.

К закату жизни Сталин стал еще более раздражительным и нетерпимым. Его окружение и дочь вспоминали, что были случаи, когда он запускал телефонный аппарат в стену, грязно поносил помощника, собеседника. Повторюсь: его интеллект в старости оказался полностью не способным на проявление простых человеческих чувств. Приведу еще одно место из книги его дочери "Только один год". Она верно отмечает, что, отправляя людей на смерть, он тут же отворачивался от несчастных и как бы забывал о них. "Многим кажется более правдоподобным представить его себе физически грубым монстром, — пишет С.И. Аллилуева, — а он был монстром духовным, нравственным, что гораздо страшнее..."[83]

Что его раздражало? Скорее всего, пресыщенность властью. Он мог все. Но все и испробовал. При полной безропотности исполнителей убедился вместе с тем, что даже абсолютная власть бывает бессильна. Сколько он одобрил, например, постановлений и законов, чтобы "осчастливить" крестьян, а ему между тем постоянно докладывали, что не растет урожайность, падает продуктивность животноводства, многие колхозники не вырабатывают минимума трудодней, ропщут при урезании приусадебных участков. Понимал ли он, что его власть бессильна в сравнении с объективными законами бытия, хозяйствования, экономики? Трудно сказать. Это бессилие его лишь раздражало. Может быть, он раздражался и потому, что начал понимать: история судит не только побежденных, но, кто знает, может судить и победителя? А может быть, старческое раздра-

жение в последние годы не покидало его и потому, что он все больше убеждался в тщетности создать нечто великое и вечное? Ведь он хотел остаться великим навсегда. Он всю жизнь клялся в верности марксизму. Но в душе считал, что Маркс и Энгельс не "очистили" свои идеалы от буржуазной, мещанской культуры. Они слишком часто использовали сомнительное понятие гуманизма, "заземляли" социалистический идеал. А он, Сталин, внес в марксизм готовность к революционному чуду, способность пожертвовать почти всем сегодня во имя лучезарного завтра...

Диктатор всю жизнь считал, что бесчисленные жертвы — необходимая, естественная, обязательная плата за верность Великой идее, готовность максимально приблизить ее реализацию. Сталин никогда не замечал, что человек, масса для него стали средством достижения Великой цели, которую он видел уже совсем другой, нежели основоположники марксизма. Цель, идея, идеал для него были **все**. Но цели крайне деформированные, искаженные сталинским ви́дением. Для их достижения допустимо тоже все. Об этом бездумном революционном русском радикализме очень хорошо сказал еще в начале века выдающийся мыслитель Сергей Булгаков: "Он делает исторический прыжок в своем воображении и, мало интересуясь перепрыгнутым путем, внедряет свой взор лишь в светлую точку на самом краю исторического горизонта. Такой максимализм имеет признаки идейной одержимости, самогипноза, он сковывает мысль и вырабатывает фанатизм, глухой к голосу жизни". Думаю, что С. Булгаков очень верно подметил один из истоков революционного, но в конечном счете трагического русского радикализма, который, в свою очередь, явился одним из истоков пренебрежения всем во имя Великой идеи. Сталин оказался последовательным проводником этого максимализма, представшего в его исполнении преступным. Как мудро и провидчески об этом писал С. Булгаков: "Я осуществляю свою идею и ради нее освобождаю себя от уз обычной морали, я разрешаю себе право не только на имущество, но и на жизнь и смерть других, если это нужно для моей идеи. В каждом максималисте сидит такой маленький Наполеон от социализма или анархизма"[84].

Но в Сталине сидел не "маленький Наполеон". Это был один из величайших цезарей, для которого макиавеллизм давно стал неотъемлемой частью его мышления и действий. Хотя при всем том Сталин не мог не понимать, что присвоенное им право "на жизнь и смерть других" не смогло решить многого из того, что он задумал. Страшное предчувствие уже прокрады-

валось к нему в душу. Он его отгонял, по долгой привычке погружаясь в бездну текущих дел. А они были непростыми не только внутри страны, но и за ее пределами. На многих международных событиях того времени была заметна печать и его личного участия.

Ледяные ветры

Оглядываясь с высоты прошедших десятилетий на те почти восемь лет, которые Сталину довелось прожить после Победы, видишь, что они были во многом необычными. Внутри страны — вновь предельная мобилизация всех человеческих сил для восстановления и роста могущества государства.

В международном плане эти же восемь лет характерны тем, что все сильнее дули холодные ветры. "Мы вышли из этой войны, — заявил президент США Г. Трумэн, — как наиболее мощная в мире держава, возможно, наиболее могущественная в человеческой истории". Администрация США, страны, монопольно обладавшей самым страшным оружием массового уничтожения, не смогла избежать соблазна извлечь из этого обстоятельства максимальную выгоду. Выступление Сталина в феврале 1946 года на предвыборном собрании — достаточно спокойное и даже миролюбивое — Запад воспринял чуть ли не как вызов. Этот вызов многим за океаном просто был нужен. США на деле стремились к "руководству миром". Были в ходу и более сильные выражения вроде необходимости "перестроить мир по образу и подобию Соединенных Штатов".

Ночью 6 марта 1946 года, когда Сталин уже собирался ехать к себе на дачу, в кабинет быстро вошел Поскребышев и положил перед генералиссимусом только что полученную шифровку. Сталин вновь сел за стол и погрузился в чтение. Посольство в Вашингтоне сообщало: в Фултоне состоялось необычное выступление Черчилля в присутствии Трумэна (президент — уроженец штата Миссури). Речь бывшего премьера была до предела воинственной. Сталин, имевший четыре встречи с Черчиллем, которому он никогда не доверял, но ценил его энциклопедический ум, был поражен жесткостью его выражений. Хотя в начале речи Черчилль хорошо отозвался о нем: "Я от души восхищаюсь и отдаю должное героическому русскому народу и моему боевому товарищу маршалу Сталину". А далее

Черчилль предупреждал, что над западными демократиями нависла "красная угроза". Но, слава богу, Соединенные Штаты находятся ныне на "вершине мирового могущества", что дает надежду на защиту от "замыслов злонамеренных личностей и агрессивного духа сильных наций". Черчилль сообщил миру, что "от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике опустился над Европейским континентом железный занавес". Здесь бывший премьер был близок к истине. Сразу же после войны Сталин предпринял ряд энергичных шагов, направленных на сокращение всяческих контактов с Западом, остальным миром. Занавес — "железный" или "идеологический", это как посмотреть — действительно опустился. Один из членов "большой тройки" всегда боялся влияния "гнилых демократий". Долгие годы в СССР могли знать о Западе лишь то, что сочтут нужным люди типа Суслова. Информационная пропасть между двумя мирами обедняла интеллекты, резко ослабляла связи мировых культур. Мы стали беднее духом...

Но Черчилль не остановился в своей речи на этом, он предупредил, что "вдали от русских границ... пятая колонна коммунистов ведет свою работу... она представляет собой нарастающую угрозу для христианской цивилизации". Тут великий англичанин явно преувеличивал. Даже он оказался в плену шпиономании и кампании по "охоте за ведьмами". Гость американского президента, явно сочувствующего высказанным идеям, призвал повсюду в мире защищать "великие принципы свободы и прав человека, которые являются общим историческим наследием англоязычного мира".

Сталин, отодвинув шифровку, долго немигающими глазами смотрел сквозь окно в темень мартовской ночи. Робко начинавшаяся весна была быстро и цепко схвачена морозцем. Речь Черчилля была и сигналом и вызовом. Затем "вождь" подошел к столу и позвонил Молотову. Тот был на месте. Обычно члены Политбюро следили за тем, когда уезжал Сталин, и только после этого сами отправлялись домой.

Когда пришел Молотов, разговор двух "архитекторов" внешней политики страны затянулся еще на добрый час. Они не знали, что речи Черчилля предшествовала "длинная телеграмма" американского поверенного в делах в Москве, направленная в Вашингтон, в которой он дал искаженную трактовку февральской речи Сталина. Дж. Кеннан утверждал, что советские руководители считают третью мировую войну "неизбежной"[85]. И советские руководители, жившие постоянной борьбой, увидели в этом откровенном вызове Запада естественный ход вещей.

Ни Черчилль, ни Трумэн, ни Сталин не смогли тогда подняться до понимания тщетности попыток построить "новый порядок", основанный на страхе взаимного уничтожения. Они были продуктом своего времени. Положение Сталина было трудным. К тому времени США, обладающие атомной бомбой, были неизмеримо сильнее СССР. Достаточно сказать, что за годы войны промышленный потенциал США вырос на 50%. Соединенные Штаты выпускали в 4 раза больше оборудования, в 7 раз больше транспортных средств. Сельхозпроизводство выросло на 36%.

Все это страшно контрастировало с положением в СССР. Тысячи населенных пунктов лежали в руинах. Впереди был страшный неурожай 1946 года. Почти вся западная часть страны находилась в огне партизанской войны. Но этот огонь был наподобие того, что случается на торфяниках. За внешним дымком, в толще слоя огонь только и ждет доступа воздуха, чтобы жадно пожирать все вокруг. В советской истории это пока малоосвещенная тема. Вооруженные отряды, в основном в Западной Украине и в Прибалтике, где выделялась Литва, после изгнания немецких войск продолжили борьбу с Советской властью. Сталин несколько раз отдавал указания Берии покончить с "бандитизмом в возможно короткий срок", но он еще не знал, что эта борьба затянется почти на целые пять лет после окончания войны, особенно в западных районах Украины. Скоро министр внутренних дел СССР С. Круглов доложит о результатах этой борьбы за март, когда состоялось выступление Черчилля. Приведу в сокращении этот пространный документ, адресованный Сталину:

"Товарищу Сталину И.В.

12 апреля 1946 года.

За март месяц 1946 года в западных районах Украины ликвидировано 8360 бандитов (убито, пленено, явилось с повинной), захвачено 8 минометов, 20 пулеметов, 712 автоматов, 2002 винтовки, 600 пистолетов, 1766 гранат, 4 типографских станка, 33 пишущие машинки... Захвачены подрайонный проводник ОУН Федорук Ф.И., подрайонный референт СБ Черный В.Г., подрайонный референт Горинь И.Г., зам. районного господарчего Варваричев И.И., шеф связи областного провода ОУН Кравчук Л.И. Погибло партийного, советского актива, офицеров и солдат МВД, МГБ и Красной Армии более 200 человек.

Литовская ССР. Уничтожено бандитов 145, явилось с повинной — 75, задержано — 1500 человек. Захвачено пуле-

тов — 44, винтовок — 289, пистолетов — 122, гранат — 182, множительных аппаратов — 12. Ликвидированы бандгруппы Иодепукиса А., Норейкиса И. и ряд других. За месяц в республике зафиксировано 122 бандитских проявления. Погибло актива и бойцов МВД, МГБ и Красной Армии — 215 человек..."[86]

Дальше в донесении сообщалось о вооруженных столкновениях в Белорусской, Латвийской, Эстонской республиках. Сталин, расписавшись на докладе, сказал Берии и Круглову, что очень недоволен неэффективными действиями регулярных частей и истребительных батальонов.

Трудности повсюду, а здесь еще этот откровенный вызов Запада. В Организации Объединенных Наций СССР — в глубокой изоляции. Хорошо, что есть право "вето" в Совете Безопасности. Сталин чувствовал, что началось тяжелое, неравное противоборство. Но он и не думал уступать. Он превратит страну в крепость. Провозглашенная антикоммунистическая "доктрина Трумэна" сделала, по мысли Сталина, невозможным принятие и "плана Маршалла". СССР была крайне нужна экономическая помощь, и ее, возможно, можно было бы получить по этому плану, но ценой фактического контроля над советской экономикой. Сталин устами Молотова сказал на Парижском совещании (27 июня — 2 июля 1947 г.) "нет". Видимо, "вождь" верно угадал цели этого плана, ибо позже Трумэн в своих воспоминаниях откровенно писал: "Маршалл своей концепцией выдвигал цель — освободить Европу от угрозы порабощения, которое готовит для нее русский коммунизм"[87]. В общем, началась долгая "холодная война". Французский политолог Лилли Марку, с которой мне довелось встречаться в Москве, справедливо пишет в своей книге "Холодная война", что с 1946 года, почти десятилетие, продолжалась "эскалация, спираль напряженности которой неудержимо раскручивается как низвергающаяся вниз лавина, подчиняясь своей внутренней логике, не признающей здравого смысла"[88]. А эта логика была такой, что Сталин видел выход лишь в ликвидации ядерной монополии США. Ценой колоссального напряжения к 1952 году в СССР было почти удвоено производство стали, угля, цемента по сравнению с довоенным уровнем, резко увеличено производство нефти, электроэнергии. Сталин не переставал утверждать, что абсолютный приоритет тяжелой промышленности является "постоянным законом" развития социализма. Сверхусилия в тяжелой индустрии, в науке создали предпосылки для рывка и в ядерной области. Сталин, как я уже говорил, поручил куриро-

вать все эти сверхсекретные работы Берии и еженедельно требовал доклада о состоянии дел.

Здесь существовала хорошая школа. Еще до войны идеи А.Ф. Иоффе, И.В. Курчатова, Г.Н. Флерова, Л.Д. Ландау, И.Е. Тамма дали возможность приступить к созданию первого уранового реактора. Затем работы были приостановлены. И лишь с 1942 года они широко развернулись под руководством Курчатова. Сталин торопил, торопил... Он приказал не жалеть средств для форсированной реализации программы. В фонде Сталина сохранился ряд документов-докладов, напоминающих о драматической "ядерной гонке". Точнее — погоне за ушедшим в отрыв соперником. Например, такое донесение:

"По поручению Специального Комитета при Совете Министров СССР нами на месте в первой декаде октября месяца 1946 года проверено строительство спецобъектов Курчатова и Кикоина..."[89] Далее говорится, что приняты меры по ускорению этого строительства; количество работающих непосредственно на объектах доведено до 37 тысяч. Подписи под документом: *С. Круглов, М. Первухин, И. Курчатов.*

Почти одновременно С. Круглов и А. Завенягин докладывают Сталину и Берии, что для форсирования работ по продуктам атомного распада дополнительно привлечены специалисты-заключенные, осужденные на 10 и более лет: С.А. Вознесенский, Н.В. Тимофеев-Ресовский, С.Р. Царапкин, Я.М. Фишман, Б.В. Кирьян, И.Ф. Попов, А.С. Ткачев, А.А. Горюнов, И.Я. Башилов и другие[90].

В декабре 1946 года советские ученые осуществили первую цепную реакцию, на следующий год запустили первый ядерный реактор, что дало основание Молотову заявить в ноябре 1947 года, что секрета атомной бомбы больше не существует. Летом 1949 года было произведено испытание советской атомной бомбы; в 1953 году — термоядерного устройства. Наращиванию экономической и оборонной мощи была посвящена вся деятельность Сталина. Свое величие диктатор мог теперь поддержать только величием и мощью государства. Значительная часть ГУЛАГа была нацелена на оборонные работы. Часто правительственные задания многие министры начинали с "обычного" первого шага — обращались к Берии.

"Товарищу Берия Л.П.

Учитывая исключительную необходимость создания научно-исследовательской базы на востоке, прошу Вашего указания министру внутренних дел т. Круглову об открытии на площад-

ке филиала ЦАГИ лагеря из числа заключенных сибирских лагерей в количестве 1000 человек.

23 июля 1946 года.

М. Хруничев"[91].

Или еще более цинично:

"Товарищу Берия Л.П.

Для развертывания строительства прошу организовать еще лагерь на 5 тысяч человек, выделить 30 000 метров брезента для пошива палаток и 50 тонн колючей проволоки.

22 марта 1947 года.

А. Задемидко"[92].

Вдумайтесь: как низко пала нравственность, какой предельно циничной стала социальная политика, как обесценилась человеческая жизнь! Судьба и жизнь "зэков" сопрягается лишь с их количеством, колючей проволокой и брезентом над головами! Думаю, что эта короткая, лаконичная и жуткая в своем исключительном цинизме докладная может служить трагическим и глубоким отражением той пропасти, куда скатился сталинизм. По моему мнению, потомкам нужны не только мартирологи — бесконечные списки погибших невинно, но и такие документы, обнажающие до конца преступления сталинизма. Этот документ — апогей антиморали.

Через сорок с лишним лет после появления на свет этого документа мне довелось побеседовать с Александром Николаевичем Задемидко, бывшим министром строительства предприятий топливной промышленности. Я показал ему документ (такие подписывали во множестве почти все министры), датированный 22 марта 1947 года:

— Как Вы относитесь сегодня к этой записке, адресованной Берии?

— Время было такое... Социализм строили с помощью огромной армии заключенных. Сегодня все это, конечно, мне кажется диким... — Помолчав, рассказал об одном из элементов "технологии" насилия в строительстве.

— Как-то однажды ночью, часа в два, нас с заместителем вызвали к Берии. Зловеще поблескивая глазами из-за стекол пенсне, он негромко спросил:

Почему не докладываете о сдаче объекта? (На одном комбинате строили специальный цех.)

Не закончили монтаж установки...

Кто не закончил? — И не дожидаясь ответа: — Вызовите директора комбината, — бросил вошедшему по вызову помощнику.

Минуты через три-четыре на дальнем конце провода в Донбассе послышался голос. Берия, не слушая, бросил в трубку несколько фраз:

— Здравствуйте. Говорит Берия. Почему в срок не выполнили задание? Сегодня же к 8 утра завершить монтаж. Спокойной ночи!

Можно представить, какая "спокойная ночь" была у этого директора и всего комбината! Берия тут же приказал помощнику:

— Вызовите начальника управления.

— Слушаю Вас, товарищ Берия!

— Я приказал директору комбината (Берия называет фамилию, я ее сегодня уже не помню, говорит Задемидко) к 8 утра завершить монтаж установки. Не справится, посади к себе в подвал. До свидания!

Мы с заместителем знали об этих методах "работы" Берии, но когда смотрели на его спокойные и короткие, даже деловые распоряжения, мурашки бегали по телу.

Помолчав, Александр Николаевич вновь негромко произнес:

— Время было такое...

Несмотря на низкую эффективность подневольного труда, Сталин верил, что широкое использование заключенных на оборонных работах — не только дешевый способ наращивания военных мышц, но и проверенный способ "перевоспитания" сотен тысяч "врагов" и "предателей". Сталин давно уже привык смотреть на них, как на "бывших" людей.

Но как бы мы ни относились к Сталину, следует констатировать: своей беспощадной волей, ценой неимоверных усилий советских людей, огромных материальных и человеческих жертв он добился, казалось, невозможного рывка. Атомная монополия США была ликвидирована. Было заложено начало стратегического паритета. Интеллект Сталина, как и его оппонентов за океаном, не был приспособлен для нового политического мышления. Он мыслил лишь в плоскости "черного" и "красного", постоянной борьбы, соперничества и, даже уступая по большинству параметров своему главному противнику, смотрел на конечный исход противостояния оптимистично.

Чтобы увеличить свои шансы в этой борьбе, Сталин считал необходимым всячески способствовать зарождающемуся движению широких масс за мир и предотвращение войны, активизировать антиимпериалистические выступления всех отрядов международного рабочего и коммунистического движения.

Сталин после долгих обсуждений с Молотовым и Ждановым решил пойти на шаг, который, как можно было заранее предвидеть, будет встречен на Западе крайне негативно. Сталин счел необходимым в условиях обострившегося противоборства создать орган по координации деятельности компартий. В европейских столицах и за океаном этот шаг расценили как официальное принятие вызова в "холодной войне".

Сталин не забыл, как в свое время он долго думал, прежде чем распустить Коминтерн после 24 лет его существования. Ему подсказывали осуществить этот шаг в самом начале войны, но у него хватило мудрости понять, что это было бы расценено как слабость перед фашизмом и союзниками. Сталин выбрал очень удачный момент — весной 1943 года, когда у него в активе был Сталинград. Советский лидер, целиком захваченный войной, надеялся, что это будет должным образом оценено Соединенными Штатами и Англией, подтолкнет их к ускорению открытия второго фронта. Сталин не мог не видеть, что Коминтерн давно уже говорил только "по-советски" и стал его личным рупором и инструментом. После долгих размышлений "вождь" пришел к выводу, что роспуск Коминтерна даст ему больше плюсов, чем минусов. Но это все было уже в прошлом. И вдруг вновь — создание международного коммунистического центра. Чем руководствовался Сталин? Какие соображения приходили ему в голову?

Когда рождался Коммунистический Интернационал, его вожди верили в близкую мировую революцию. Особенно Ленин, Троцкий и Зиновьев. Но когда революционный паводок сошел, обнажив прочные устои старого мира, выявилась его высокая жизнестойкость. Стало ясно, что в условиях относительной стабилизации капитализма Коминтерну уготована весьма ограниченная роль, подчиненная стране пребывания. Руководство из одного центра серьезно дискредитировало коммунистическое движение, давая возможность всем врагам и критикам постоянно и не без оснований говорить о "руке Москвы". Но сейчас, в обстановке "холодной войны", Сталин почувствовал, что двухполюсность мира, образование двух лагерей вновь ставят на повестку дня вопросы взаимодействия компартий. Вместе с тем он понимал, что полного возврата к старому, хотя бы по форме, не должно и не может быть.

По инициативе польских товарищей, поддержанной Сталиным, с 22 по 27 сентября 1947 года в городе Шклярска Поремба (Польша) состоялось совещание представителей девяти коммунистических партий Европы. Накануне совещания

А.А. Жданов, которому Сталин поручил представлять ВКП(б), прислал "вождю" шифровку, в которой докладывал о предварительных наметках рабочей группы. Он сообщал, что собравшиеся сходятся в том, что:

"Работу совещания предполагается начать с информационных докладов от всех компартий, участвующих в совещании. Затем выработать повестку дня. Мы будем предлагать такие вопросы:

1) о международном положении, — выступим мы;

2) о координации деятельности партий. Предложим доклад сделать польским товарищам. Итогом должно быть создание координационного центра с резиденцией в Варшаве. Думаю, особый упор следует сделать на добровольные начала в этом деле.

Прошу указаний.

А. Жданов"[93].

Сталин одобрил. В результате обмена мнениями через четыре года после роспуска Коминтерна было создано Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Информбюро). На Западе его сразу нарекли "Коминформом". В шифрованном сообщении Жданова Сталину излагались доклады представителей партий, прибывших на совещание. Наиболее активно и позитивно, по словам Жданова, вели себя югославы, которые не знали, что новый орган в ноябре 1949 года примет резолюцию, которая получит название "Югославская компартия во власти убийц и шпионов". Интересная деталь. Жданов по содержанию, направленности и конструктивности выше других оценил два доклада: Э. Карделя — представителя СКЮ и Р. Сланского — секретаря ЦК КПЧ[94]. И вновь ирония судьбы: менее чем через год Жданов заклеймит Карделя как "империалистического шпиона", а Сланский через несколько лет сложит голову в результате постыдного процесса, который будет проведен по бериевскому сценарию.

В докладе Жданова "О международном положении", одобренном Сталиным, был сформулирован тезис, который на долгие годы станет едва ли не центральным в советской пропаганде — "раздел мира на два противоположных лагеря". Это, пожалуй, было ответом на антикоммунистическую "доктрину Трумэна". В докладе изложена оценка и "плана Маршалла" — "программы закабаления Европы". Жданов вновь крайне критически оценил роль социал-демократических партий, не поскупился на оскорбительные эпитеты в их адрес. Сталин упорствовал в своих ошибках в течение всей жизни; до конца своих дней

он сохранил глубокую неприязнь и недоверие к социал-демократам, что в конечном счете постоянно ослабляло не только прогрессивные силы, но и широко развернувшуюся борьбу за мир.

На совещании в Шклярска Поремба было условлено следующую встречу провести в Белграде. Но, увы, она там так никогда и не состоялась.

Народы Югославии внесли крупный вклад в разгром фашизма, ни на минуту не прекращая своей героической борьбы против агрессора. Первый Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве со странами, вставшими на путь социалистического развития в Восточной Европе, который подписал СССР, был договор с Югославией, заключенный в апреле 1945 года во время приезда И. Броз Тито в Москву. Сталин несколько раз с ним встречался, вел весьма теплые беседы. В результате состоявшихся переговоров было решено передать Югославской Народной армии (ЮНА) боевую технику и вооружения для 12 стрелковых и двух авиационных дивизий, танковых и артиллерийских бригад[95]. Дружеские отношения, казалось, могут развиваться только по восходящей. В ЮНА работала большая группа советских военных специалистов, в СССР учились тысячи югославских военнослужащих. Тесным было сотрудничество и между ВКП(б) и СКЮ, и вдруг — конфликт. И какой!

Ряд текущих вопросов (подготовка болгаро-югославского договора о дружбе, направление югославского авиаполка в Албанию, заявление Димитрова на пресс-конференции о принципиальной возможности создать в будущем федерацию или конфедерацию европейских народно-демократических государств), по которым с Москвой не посоветовались, вызвали гневную реакцию Сталина. Слава, власть, могущество затуманили ему разум. Не только у себя дома, но и среди своих союзников, считал диктатор, он может распоряжаться, как в собственной усадьбе. Глубинные корни конфликта — в политическом цинизме единовластия.

Сталин предложил провести советско-болгаро-югославскую встречу. Она состоялась 10 февраля 1948 года в Москве. Делегации возглавляли Сталин, Димитров и Кардель. От СССР в совещании участвовали несколько членов Политбюро — В.М. Молотов, Г.М. Маленков, А.А. Жданов, а также М.А. Суслов. Известные деятели входили в состав болгарской делегации — Т. Костов и В. Коларов; югославскую представляли М. Джилас и В. Бокарич. Сталин с самого начала в раздра-

женной форме выразил неудовольствие расхождениями по внешнеполитическим вопросам. Он квалифицировал некоторые шаги Болгарии и Югославии как "особую внешнеполитическую линию". На заявления болгар и югославов, что для этих упреков нет оснований, что инкриминируемые им обвинения носят частный характер, Сталин вдруг выдвинул неожиданное предложение о необходимости создания федерации Болгарии и Югославии. Сталин, привыкший, что его пожелания в собственной стране всегда воспринимаются как решение, вдруг ясно почувствовал внутреннее сопротивление. И Димитров и Кардель, не отвергая в принципе возможности федерации, ответили, что для этого еще не созрели условия. Кардель заявил, что он не может высказать более определенного ответа до решения политического руководства страны. Сталин, привыкший повелевать во всех делах как Председатель ГКО или Верховный Главнокомандующий, пожалуй, впервые за многие годы встретил сопротивление... коммунистов! Это было неслыханно! Уже очень давно никто не возражал диктатору. Он совершенно не был готов к этому. Приступ глухой злобы требовал выхода.

Когда же Сталин узнал, что в Белграде решили не спешить с созданием федерации, рассматривать этот вопрос лишь в исторической перспективе, пришел в бешенство.

Милован Джилас, описывая встречу югославской и болгарской делегаций со Сталиным, вспоминал: Димитрову после его выступления "вождь" бросил:

— Ерунда! Вы зарвались, как комсомолец. Вы хотели удивить мир, как будто вы все еще секретарь Коминтерна. Вы и югославы ничего не сообщаете о своих делах, мы обо всем узнаем на улице — вы ставите нас перед свершившимися фактами!

Карделю Сталин, по существу, так и не дал выступить, прерывал его не менее злобно, хотя и менее оскорбительно, чем Димитрова:

— Ерунда! Расхождения есть, и глубокие! Что вы скажете насчет Албании? Вы нас вообще не проинформировали о вводе войск в Албанию!

Кардель возразил, что на это существовало согласие албанского правительства.

Сталин закричал:

— Это могло бы привести к серьезным международным осложнениям... Вы вообще не советуетесь. Это у вас не ошибки, а принцип — да, принцип!

Далее М. Джилас пишет: "Мы отбыли через три-четыре дня, — на заре нас отвезли на Внуковский аэродром и без всяких почестей запихнули в самолет..."[96]

Встреча эта была мало похожа на диалог. Сталин сразу же хотел поставить собеседников на место, как республиканских секретарей своей страны.

Единовластие лишает человека элементарной самокритичности. Самосознание личности, которое, по Гегелю, освещает себя как бы изнутри и может в союзе с совестью быть судьей, у Сталина не способно было даже заронить малейшее сомнение в собственной неправоте. Сталин привык, что его боялись, безропотно подчинялись, со всем соглашались. И в этом случае он был уверен, что его слова-требования будут непременно приняты. И вдруг — отпор!

Последовали импульсивные санкции: отзыв советских военных советников из Югославии, резкое письмо Сталина и Молотова югославскому руководству. Тито подготовил взвешенный ответ, одобренный ЦК СКЮ. Он отвергал обвинение в недружественных действиях, в троцкизме. В нем, в частности, говорилось: "Как бы кто из нас ни любил страну социализма СССР, он не может ни в коем случае меньше любить свою страну, которая тоже строит социализм..." В мае пришел ответ из Москвы на 25 страницах. Сталин, известный своей выдержкой, способностью собраться, действовал спонтанно, без анализа реальной ситуации. Голос амбиции заглушил голос разума, а "органы" по инициативе Берии быстро собрали множество "фактов", подтверждающих "отход", "предательство" Тито и всего югославского руководства. Сталин еще не понял, что он потерпел первое чувствительное послевоенное поражение.

Эскалация мер была стремительной. Сталин решил подключить к конфликту Информбюро. В Белград поступило два послания из Москвы с приглашением югославской делегации прибыть на заседание Информбюро в Бухарест. Югославы ответили вежливым, но твердым отказом, расценив это как вмешательство в их внутренние дела, одновременно выразив готовность нормализовать отношения.

Сталин решил проводить заседание Информбюро без "обвиняемых". Но это был уже разрыв. Накануне, 15 июня 1948 года, Сталин рассмотрел проект доклада Жданова в Бухаресте, озаглавленный "О положении в КП Югославии". В сопроводительной записке Жданов писал, что "текст доклада рассмотрен мною, Маленковым и Сусловым". Все они по решению Стали-

на поехали в Бухарест. Сталин собственноручно внес ряд поправок. В докладе Жданов сформулировал такие положения: "Всю ответственность за создавшееся положение несут Тито, Кардель, Джилас и Ранкович. Их методы — из арсенала троцкизма. Политика в городе и деревне — неправильна. В компартии нетерпим такой позорный, чисто турецкий террористический режим. С таким режимом должно **быть покончено** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*). Компартия Югославии сумеет выполнить эту почетную задачу..."[97]

Как говорил Хрущев на XX съезде партии, Сталин, потеряв чувство реальности, даже заявил:

— Достаточно мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет. Он падет.

Тем более что Жданов сообщил из Бухареста: беседы с Костовым, Червенковым, Тольятти, Дюкло, Ракоши, Георгиу-Дежем, другими товарищами показывают, что все "без исключения заняли непримиримую позицию по отношению к югославам"[98]. Великодержавное давление, выдаваемое за пролетарский интернационализм, осуществлялось явно в угоду разгневанному диктатору. Сталин не остановился перед денонсацией Договора о дружбе, отзывом посла, прекращением экономических связей. Кульминацией конфликта явилось принятие совещанием Информбюро, состоявшимся в Будапеште в ноябре 1949 года, постыдной резолюции "Югославская компартия во власти убийц и шпионов". Над текстом резолюции на сей раз хорошо "поработал" М.А. Суслов, ставший секретарем ЦК. Чего в ней только нет! Сравнение югославских руководителей с гитлеровцами, обвинение в шпионаже, блокировании с империализмом, кулацком перерождении и т.д. Специфические особенности внутриполитического развития Югославии, отдельные шаги, отличные от сталинских схем, как и некоторые жесткие ответные меры, предпринятые в пылу борьбы югославским руководством, квалифицировались как действия "прислужников империализма", как "ликвидация народно-демократического строя в Югославии". Сегодня даже трудно представить, как далеко завела ВКП(б), другие коммунистические и рабочие партии амбициозность и великодержавность Сталина. На всей этой истории особенно рельефно лежит печать крайней ущербности единоначалия.

Все это теперь принадлежит истории. В "отлучении" Югославии от социализма, предпринятом Сталиным, в попытках применить диктаторские методы в отношениях с суверенными странами и партиями чувствуется его почерк 1929 — 1933,

1937 — 1939 годов. Н.С. Хрущев, "обремененный" близостью со Сталиным, тем не менее показал, что шанс совести лучше использовать поздно, чем никогда. Его поездка в Белград в конце мая — начале июня 1955 года — одна из ступеней, по которым он мужественно взошел на трибуну XX съезда партии.

Те несколько лет, что судьба отвела Сталину после окончания второй мировой войны, были для "вождя" бурными, как и вся его жизнь после победы Октября. Его заботы простирались теперь дальше границ собственного государства. В социалистических странах, которые с легкой руки Жданова стали именовать "лагерем", давал о себе знать целый ряд проблем. Каждая из стран получила возможность идти по пути социалистического строительства на основе принципов и особенностей, отвечающих национальным традициям, историческому опыту, конкретной ситуации. Никто не может отрицать успехи стран социалистического содружества. Наш общий опыт имеет непреходящее значение. Вместе с тем вмешательство Сталина, его требование придерживаться одной модели, насаждение бюрократических и догматических штампов в политической структуре и общественном сознании нанесли немало вреда общему делу. Особенно когда пытались применять сталинские методы в ликвидации инакомыслящих. Сталин, никогда не понимавший глубин экономики, фактически способствовал механическому перенесению советского опыта в страны с разным уровнем экономического развития, которые встали на путь социализма. Ошибочность таких шагов давно стала очевидной.

Есть основания полагать, что перед смертью он, возможно, начал убеждаться в неэффективности "единого центра". "Югославское поражение" Сталина, скорее всего, заставило его кое-что пересмотреть в своем догматическом арсенале. Об этом свидетельствует постепенная потеря интереса Сталина к Информбюро. После "югославского дела" созывались еще одно-два совещания, а потом незаметно Информбюро прекратило свое существование. Насаждение командных методов в международном коммунистическом движении оказалось явно неудачным.

В эти мрачные годы "холодной войны" наряду с образованием социалистического лагеря Сталин мог отнести к крупным положительным факторам, пожалуй, лишь два события: создание Китайской Народной Республики и оформление мощного движения народов за сохранение мира, предотвращение новой мировой войны. Конец 40-х — начало 50-х годов были крайне тревожными. Иногда могло показаться, что политические ли-

деры потеряли рассудок. Даже папа римский провозгласил, что любой католик, который будет оказывать содействие коммунистам, будет отлучен от церкви. Везде шла "охота за ведьмами". Трудно было поверить, что державы-победительницы спустя всего три-четыре года стояли на пороге новой войны, на этот раз друг против друга. Америка, ослепленная мощью, не могла мириться, что поднимается еще один колосс. В Пентагоне готовили планы ядерных бомбардировок СССР. Сталин в этих условиях продолжал вести осторожную политику, наращивая военные мышцы, но стараясь в то же время не провоцировать своего бывшего союзника. Он, правда, не говорил, как Мао, что атомная бомба — это "бумажный тигр", но неоднократно давал понять, что и в возможной войне решающая роль останется за народными массами. Был, правда, момент, когда забрезжила узенькая полоска света на горизонте, обещавшая, казалось, ослабление стылых ветров. 1 февраля 1949 года европейский директор агентства "Интернэшнл ньюс сервис" Кингсбери Смит прислал из Парижа Сталину следующую телеграмму: "...Официальный представитель Белого дома Чарльз Росс сегодня заявил, что президент Трумэн был бы рад иметь возможность совещаться с Вами в Вашингтоне. Будете ли Вы, Ваше Превосходительство, готовы поехать в Вашингтон для этой цели? Если нет, то где бы Вы были готовы встретиться с президентом?"

На следующий день Сталин ответил:

"Я благодарен президенту Трумэну за приглашение в Вашингтон. Приезд в Вашингтон является давнишним моим желанием, о чем я в свое время говорил президенту Рузвельту в Ялте и президенту Трумэну в Потсдаме. К сожалению, в настоящее время я лишен возможности осуществить это свое желание, так как врачи решительно возражают против моей сколько-нибудь длительной поездки, особенно по морю или по воздуху"[99]. Сталин предложил местом этой встречи Москву, Ленинград, Калининград, Одессу, Ялту, Польшу, Чехословакию, зная, что Трумэн обязательно откажется от встречи. Беседовать им было не о чем. Президент полагал, что у Америки есть большие шансы заставить СССР говорить то, что он хотел бы услышать. Но, думаю, Трумэн со временем убедился в эфемерности этих надежд. Сталин и не думал поддаваться диктату. Не случайно 26 июня 1949 года передовая "Правды" была озаглавлена "Трумэн расхвастался"...

И вдруг неожиданно в этом притихшем и смятенном мире, где слышался только топот солдатских сапог и бряцание ору-

жием, раздались первые, хотя и слабые голоса, взывающие к разуму. В 1948 году во Вроцлаве собрались пацифисты, приехавшие из обоих "лагерей", где тон задавали деятели мировой культуры. Следующим шагом этой, раньше других прозревшей части человечества был созыв Всемирного конгресса сторонников мира в Париже.

Сталин, вначале скептически смотревший на это "интеллигентское течение", вдруг почувствовал в нем большие подспудные возможности. Он понимал, что в условиях, когда Америка, имеющая атомное оружие, практически неуязвима, война ставит социалистический лагерь в крайне невыгодное положение. Поэтому нужно максимально использовать мировое общественное мнение против тех, кто хочет разрешить основное противоречие эпохи ядерным путем. В 1950 году сторонники мира предприняли самую грандиозную акцию — организовали кампанию по сбору подписей под Стокгольмским воззванием мира. Размах кампании был грандиозен. Члены комитета по организации акции менее чем через год объявили, что на планете свою подпись с требованием не допустить войны поставили более 500 миллионов человек! Сталин, официальная советская пропаганда выражали поддержку идее мирного сосуществования. Мне иногда кажется, что Стокгольмская кампания была истоком, началом формирования планетарного сознания человечества, суть которого в признании приоритетов общечеловеческих ценностей. Сейчас к этой цели мы стоим ближе, чем тогда, но как важно было сделать первые шаги!

Когда в апреле 1949 года в Париже, в зале "Плейель" открылся Всемирный конгресс сторонников мира, собравший около двух тысяч делегатов со всех концов света, Сталин напряженно следил за его ходом как политическим событием первостепенной важности. Они с Молотовым сами определили состав советской делегации: А.А. Фадеев, И.Г. Эренбург, В.Л. Василевская, А.Е. Корнейчук, М. Турсун-заде, В.П. Волгин, П.Н. Федосеев, Л.Т. Космодемьянская, А.П. Маресьев. Сталин не мог не испытать глубокого волнения (если был на него способен), когда "Правда" 21 апреля сообщила, что американский певец Поль Робсон, заканчивая свое выступление на конгрессе, прямо на трибуне запел на русском языке арию из оперы И.И. Дзержинского "Тихий Дон" "От края и до края...". Мог ли Сталин не чувствовать, что начинается эра подлинно народного влияния на судьбы мира и войны?

В этой схватке миров, когда ледяные ветры, заморозив разум политиков и генералов, могли вот-вот опрокинуть барьер,

отделяющий мир от войны, Сталин получил огромную поддержку в лице китайской революции. Победа революции в Китае заметно изменила соотношение сил и их структуру в мире.

20-летняя борьба китайского народа за свое социальное и национальное освобождение триумфально завершилась провозглашением 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики. По указанию Сталина 5 октября "Правда" опубликовала передовую "Историческая победа китайского народа", а рядом четыре портрета — Мао Цзэдуна и несколько меньших размеров Чжу Дэ, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая. В передовой приводились слова лидера китайской революции: "Если бы не существовало Советского Союза, если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский империализм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии... то нажим международных реакционных сил, конечно, был бы гораздо сильнее, чем сейчас. Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет". Так писал Мао Цзэдун в своей статье "О диктатуре народной демократии". Далее в ней говорилось, что "сбывается гениальное предвидение товарища Сталина, заявившего еще в 1925 году, что "силы революционного движения в Китае неимоверны. Они еще не сказались как следует. Они еще скажутся в будущем. Правители Востока и Запада, которые не видят этих сил и не считаются с ними в должной мере, пострадают от этого...".

Сталин чрезвычайно внимательно следил за ходом событий в Китае. Когда ему сообщили, что в Пекин приехал новый американский посол Хэрли, заявивший о полной поддержке Чан Кайши, Сталину многое стало ясно. Он понимал, что если в Китае возобладает влияние Соединенных Штатов, то положение СССР станет еще более тяжелым. Первоначально в борьбе Мао и Чан Кайши для Сталина было много непонятного, он даже одно время полагал, что восстание миллионов голодных масс не имеет какого-либо отношения к социалистическому или демократическому движению. Узнав о переговорах по внутренним вопросам между Чан Кайши и Мао Цзэдуном, которые состоялись в октябре 1945 года в Чуньцине, Сталин убедился, что позиция коммунистов более реалистична и прогрессивна [100].

Сталин немало писал в свое время о Китае. В его собрании сочинений опубликовано около десятка работ о китайской революции. Некоторые из них политически чрезвычайно примитивны. Например, он утверждал, что "революционизирование Востока должно дать решающий толчок к обострению револю-

ционного кризиса на Западе. Атакованный с двух сторон — и с тыла и с фронта — империализм должен будет признать себя обреченным на гибель"[101]. Характерно, что Сталин, высказывая некоторые правильные положения о китайской революции, часто прибегал к политическому менторству: "коммунисты Китая **должны** (здесь и далее выделено мной. — *Прим. Д.В.*) обратить особое внимание на работу в армии, **должны** вплотную взяться за изучение военного дела... Китайская компартия **должна** участвовать в будущей революционной власти Китая"[102] и т.д. Пожалуй, особая уверенность в победе коммунистов появилась у Сталина не в результате их военных успехов, а когда в январе 1945 года Чан Кайши произнес речь, из которой вытекало, что он намерен сохранить антидемократический режим[103].

После окончания второй мировой войны Сталин немало сделал для оказания помощи китайской революции: Народно-освободительной армии Китая (НОАК) было передано большое количество разного вооружения и боевой техники, была оказана и иная помощь. Со второй половины 1947 года ветер победы стал надувать паруса НОАК, вынудив в конце концов Чан Кайши бежать на Тайвань. Мао, в условиях американской враждебности, окончательно остановил свой выбор на Советском Союзе. После победы китайской революции отношения стали быстро развиваться по самым различным направлениям. Их кульминацией явилось приглашение Мао Цзэдуна в Москву на празднование 70-летия Сталина.

Сталин с большой долей недоверия ждал встречи с вождем китайского народа. Хотя он немало говорил и писал раньше о Китае, китайской революции, в сущности, он не знал его истории и культуры, не видел многих особенностей национальной психологии китайского народа, не понимал до конца, что же представляет собой сам Мао Цзэдун. После приезда 16 декабря 1949 года Мао в Москву Сталин имел с ним несколько встреч. Большинство их бесед не протоколировалось, и поэтому для уяснения их сути, содержания и направленности большое значение имеют воспоминания известного советского синолога Н.Т. Федоренко, выступавшего тогда в роли переводчика.

Надо думать, что и для Мао все было необычным; он никогда не бывал за пределами Китая, не участвовал в работе органов Коминтерна, имел слабые контакты с представителями других компартий. Можно даже сказать, что эти люди, несколько раз садившиеся за стол переговоров друг против друга, мыслили по-разному; у них была разная шкала ценностей, они были представителями разных цивилизаций. Это не были

"инопланетяне", но были очень разные по своей социальной и культурной природе лидеры. Марксизм их связывал весьма слабо. Мао при случае мог сослаться на колларий из Чунь-цю (классическое произведение Конфуция "Весна и осень"), а Сталин, знавший множество цитат классиков марксизма, теперь предпочитал повторять самого себя. В одном у них было много общего: оба были прагматиками.

Сталин с любопытством и тщательно скрываемым недоверием присматривался к своему собеседнику. А тот, вдруг отойдя от беседы по конкретным злободневным вопросам, вовлекал советского вождя в сказочный, таинственный мир китайских притч. Мао рассказал Сталину одну из них о том, как "Юй-гун передвинул горы". В древности на севере Китая жил старик по имени Юй-гун ("глупый дед") с северных гор. Дорогу от его дома на юг преграждали две большие горы. Юй-гун решил вместе со своими сыновьями срыть эти горы мотыгами. Другой старик по имени Чжи-соу ("мудрый старец"), увидев их, рассмеялся и сказал: "Глупостями занимаетесь: где же вам срыть две такие большие горы!" Юй-гун ответил ему: "Я умру — останутся мои дети, дети умрут — останутся внуки, и так поколения будут сменять друг друга бесконечной чередой. Горы же эти высоки, но уже выше стать не могут; сколько сроем, настолько они и уменьшатся; почему же нам не под силу их срыть?" И Юй-гун, нимало не колеблясь, принялся изо дня в день рыть горы. Это растрогало Бога, и он послал на Землю своих святых, которые и унесли эти горы[104]. Сталин слушал витиеватый китайский фольклор, наполненный глубоким философским смыслом. Сейчас тоже две горы давят тяжестью на китайский народ: гора империалистическая и гора феодальная. Компартия Китая давно решила срыть эти горы. Она тоже "растрогает" бога, который называется китайским народом. Советский вождь согласился с китайским вождем и в унисон с Мао говорил, что вместе мы не только две горы сроем. Как вспоминает Н.Т. Федоренко, беседы были долгими, неторопливыми. Собеседники не спеша пробовали хорошо приготовленные блюда, делали глоток-другой сухого вина и неспешно говорили о делах международных, экономических, идеологических, военных. В ходе таких ночных застолий обсуждались и принципиальные положения готовящегося Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Однажды, вспоминает Федоренко, Мао рассказал один случай из истории борьбы с гоминдановцами. Оказавшись в окружении, бойцы не сдавались, следуя призыву командира: "Не взирать на трудности, не страшиться испытаний,

смотреть на смерть как на возвращение". Сталин долго пытался уяснить смысл "возвращения". Мао терпеливо объяснил, что в данном случае иероглиф "возвращение" означает презрение к смерти, как форме возвращения к своему первосостоянию, т.е., пожалуй, неисчезновению как материи. Сталин, проницательный собеседник и внимательный слушатель, отметил не только бесстрашие, но и мудрость командира[105].

Так беседовали два лидера двух гигантских стран. Их встреча была оценена как поистине историческая, знаменующая крупные перемены на глобальной шахматной доске мировой политики. У Сталина медленно отступало предубеждение; он долго не доверял Мао Цзэдуну. Видимо, тогда сказалась имевшаяся информация о Мао: его неприязнь к китайским кадрам, учившимся в Москве, демонстративная безучастность китайского лидера во время критических ситуаций под Москвой и Сталинградом в годы войны и другие подобные факты.

Но постепенно, по мере сближения Китая и СССР, усиления антиамериканской позиции Пекина, его роли в корейской войне, отношение Сталина к китайскому вождю менялось. Думаю, и советский лидер произвел на Мао весьма сложное впечатление. Но одно несомненно: державность, величавое спокойствие, которое хорошо умел демонстрировать Сталин, абсолютная уверенность в себе утвердили в сознании китайского руководителя силу и целеустремленность партии и Советского государства. Подписание Договора 14 февраля 1950 года ослабило опасное воздействие ветров "холодной войны". Кульминация напряженности как раз пришлась на год скрепления узами дружбы двух великих народов. Думаю, преемники Сталина (как и сам Мао) сделали тогда далеко не все возможное, чтобы сохранить те добрые отношения, которые начали складываться в 50-е годы. Одна из этих причин — специфическое, а порой и просто негативное отношение Мао к разоблачению культа личности, XX съезду КПСС, всему, что с ним связано. Крепкое рукопожатие двух гигантов длилось исторически недолго. Слава богу, сейчас лидеры двух стран вновь обменялись рукопожатиями. Хотелось, чтобы оно было долгим.

Холодные ветры овевали страну не только на Западе, но и на Востоке. Дислокация сразу после войны американских и советских войск в Корее предопределила создание разных политических структур как на севере, так и на юге полуострова. После того как 10 мая 1948 года в Южной Корее состоялись выборы и были созданы законодательные и исполнительные органы, 25 августа того же года прошли выборы и на Севере.

Фактически образовалось два государства, искусственно разделивших корейскую нацию надвое. После вывода советских войск из Северной Кореи то же сделали и американцы. Каждая из сторон считала, что большинство населения полуострова поддерживает ее правительство. К сожалению, какие-либо другие советские, китайские и корейские документы, кроме тех, что публиковались тогда в газетах, общественности неизвестны. Но ясно, что конфликт начался из-за стремления каждой из сторон обеспечить свое господство над всей территорией Кореи. Мне удалось установить из ряда косвенных источников, что Сталин очень настороженно относился к обострению ситуации на полуострове. С самого начала он делал все возможное, чтобы избежать прямой конфронтации СССР с США. Мао был настроен в этом вопросе решительнее. Во время нескольких встреч, которые состоялись у Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949-го и феврале 1950 года, они обсуждали проблемы Корейского полуострова. Но Сталин понимал, что американцы ушли от Потсдамских соглашений по Корее уже так далеко, что какого-то единого государства безболезненно создать не удастся. Он так же подозрительно относился и к американской идее опеки над Кореей, как и к "свободным" выборам. Ведь в Южной Корее, где находились американские войска, проживало значительно больше населения. Линия по 38-й параллели в 1945 году была определена без какого-то политического обоснования, как временная демаркация между американскими и советскими войсками. В последующем, когда она стала государственной границей, выявилась ее географическая несправедливость, ибо она серьезно ущемляла северян.

Маятник войны резко качнулся несколько раз. Высокая напряженность на демаркационной линии непрерывно усиливалась. С началом боевых действий 25 июня 1950 года войска КНДР нанесли сильный удар, затем овладели Сеулом и вышли на реку Нактонган. Казалось, победа достигнута. Но для американцев это было бы страшным ударом. Они только что утратили свои позиции в Китае и не могли допустить, чтобы их выбросили еще из одной страны. В сентябре американские войска, заручившись поддержкой Совета Безопасности ООН (советский представитель не участвовал в голосовании и не смог применить право "вето"), организовали высадку крупного десанта в Инчоне и контрнаступление с Пусанского плацдарма. Удар был столь сильным, что американские и южнокорейские войска, не задерживаясь на 38-й параллели, заняли Пхеньян, а к концу октября оккупировали значительную часть КНДР. Те-

перь, наоборот, сложилась ситуация, когда казалось, что добились своего американцы. Тем более что в ряде мест американские войска вышли к границе с КНР. Сталин, по имеющимся данным, был вынужден согласиться с предложением Мао Цзэдуна об оказании китайцами непосредственной помощи КНДР, хотя это вело к усилению опасности эскалации. Американцы прикрылись голубым флагом ООН, а китайцы обратились к "добровольчеству".

Нужно сказать, что корейский конфликт укрепил доверие Сталина к Мао, а следовательно, и отношения между СССР и КНР в целом. После того как около 30 китайских дивизий двинулись вперед, обстановка вновь резко изменилась. Китайские и северокорейские войска не только освободили территорию севернее 38-й параллели, но и продвинулись южнее до 100 километров. Моральный дух американских войск и военный престиж США к середине лета 1951 года заметно упали. Сталин почувствовал, что наступил самый ответственный и опасный момент. Американцы не вынесут поражения и могут схватиться за последний, ядерный аргумент. Пожалуй, тогда, после 1945 года, это была самая очевидная угроза третьей мировой войны. Американский генерал Макартур стал настойчиво требовать бомбардировки Маньчжурии; Трумэн дал понять, что не исключено применение ядерного оружия. Дули уже не холодные ветры, а полярный ураган. Ни Сталин, ни Мао уже сами не могли допустить поражения американцев. Наступили долгие два года переговоров, во время которых не прекращались ожесточенные бои на Корейском полуострове. Американская авиация господствовала в воздухе, на земле — китайские добровольцы. В этой ситуации Сталин понимал, что у обеих сторон нет иного выхода, кроме как пойти на компромисс. И здесь он не ошибался. Но окончательное соглашение было достигнуто лишь через несколько месяцев после его смерти, в июле 1953 года.

Анализируя роль Сталина в корейской войне, которая была во многих отношениях сильно закамуфлирована, я пришел к важному выводу, не связанному, казалось бы, прямо с конкретными национальными интересами воюющих сторон. Думаю, война в Корее впервые показала, что в современном мире, разделенном все еще на блоки, при критическом столкновении интересов Запада и Востока неизбежна патовая ситуация. Первый пат обе стороны получили именно в Корее, второй — во время Карибского кризиса. Но здесь, во второй раз, мудрость проявила себя быстрее. Успел или нет Сталин осмыслить корейские

уроки, сказать трудно. Ясно лишь, что в Америке это осознают, пожалуй, позднее. Напалм, угроза ядерными бомбардировками, содержание войск за многие тысячи километров от собственной территории, многолетнее непризнание Китая, авантюра во Вьетнаме показали, что ставка лишь на силу доживает свой век. Советский Союз это болезненно почувствует много позже, в результате афганской авантюры. После корейской войны мир увидел, что Америка не всесильна. В корейском конфликте Сталин был более осмотрительным. После югославского холодного "душа" к нему вернулась его традиционная осторожность. Может быть, его чему-нибудь научило поражение в схватке с Тито, когда он очертя голову наделал кучу ошибок, цену которым не так легко установить и сегодня?

Апогей культа, совпавший с 70-летием "вождя", причудливым образом был достигнут благодаря Великой Победе 1945 года, на волне личной славы и апологии насилия. Консервация Системы сопровождалась ледяными ветрами как на просторах Отечества, так и за ее пределами.

глава 5

Реликты цезаризма

Негоже было Цезарю справлять триумф над несчастиями отечества...

Плутарх.

Перелистывая однажды сборник документов Отечественной войны 1812 года, я долго не мог оторваться от письма М.И. Кутузова к своей жене.

"Августа 19-го 1812. При Гжатской пристани.

Я, слава богу, здоров, мой друг, и питаю много надежды. Дух в армии чрезвычайный, хороших генералов весьма много. Право, недосуг, мой друг. Боже, благослови детей.

Верный друг *Михайло* (*Голенищев*) *Кутузов*".

Прелестный лаконизм, полный глубокого смысла, силы и благородства. На такие письма способны люди, обладающие нравственным величием. У Сталина его никогда не было. Для него человеческие отношения ограничивались рамками классовой борьбы и политики.

В обширном многотомном фонде "Переписка с товарищем Сталиным" переписки как таковой нет. "Вождю" докладывают. Он реагирует. Часто устно. Иногда просто адресует донесения, сообщения Берии, Молотову, Маленкову, Вознесенскому, Хрущеву, кому-либо еще. В его "Переписке..." нет того, что мы могли бы отнести к эпистолярному жанру. Он был не способен написать короткую, волнующую и сегодня записку товарищу, просителю. Все его резолюции сухи, однообразны: "согласен" – "не согласен". Сохранилось всего лишь несколько писем Сталина, которые, за исключением одного-двух к дочери, полностью лишены человеческого начала. Огромное количество документов, ежедневно поступающих к нему, он быстро просматривал, направляя для решения конкретных вопросов исполнителям или коротко высказывая Поскребышеву свое отношение к докладу. В послевоенных резолюциях нет и тени сомнений, размышлений, колебаний. Если они у него были, он их излагал устно. "Железный" человек хотел таким же остаться и в истории.

Сталин, который эпизодически делал какие-то загадочные пометки в своей черной тетради, не раз возвращался мыслью к

созданию вместо "Краткой биографии" крупного, монументального труда о себе. Об этом свидетельствуют его указание об "инвентаризации" архивов, отрывочные размышления вслух в присутствии А.А. Жданова, Н.А. Булганина, А.Н. Поскребышева, неоднократное обращение к Г.Ф.Александрову, М.Б.Митину, П.Н.Поспелову (создателям его официальной биографии) по вопросам партийной историографии, освещения "роли учеников Ленина". В прошлое его нередко возвращало настоящее. С годами он все чаще уносился мыслью к подножию века, к послереволюционной борьбе, именам, лицам тех, чьей судьбой он распорядился сам. Порой о прошлом напоминали ему и люди — родственники бывших его соратников. Иногда Берия, после очередного доклада о своих делах, выкладывал на его стол списки родственников известных деятелей партии, расстрелянных как "враги народа" или осужденных на беспросветность лагерей, которые обращались с письмами лично к нему, Сталину. "Вождь" молча пробегал списки и обычно, не говоря ни слова, возвращал Берии. Тот понимающе смотрел на "вождя", убирал бумаги в папку и уходил. "Пусть несут свой крест", — думал диктатор. Его совсем не радовала перспектива, что сотни, тысячи жен, детей, племянников, внуков его товарищей по партии вернутся в Москву, Ленинград, другие города. Сколько новых забот властям, "органам"! Нет, пусть будет так, как будет.

Правда, иногда он все же спрашивал о некоторых:

— А ей что нужно? Тоже просит об освобождении? — с укоризной смотрел на Берию. Тот с готовностью доставал из папки перепечатанное на машинке письмо человека, фамилия которого заинтересовала "вождя".

В прошлый раз это было письмо от родственницы Феликса Эдмундовича Дзержинского — Ядвиги Иосифовны, проживающей в Москве в Потаповском переулке. Просительница хлопотала о своей матери — Дзержинской Ядвиге Генриховне, которая была осуждена Особым Совещанием и находилась уже много лет в карагандинских лагерях. Дочь писала, что "мама очень больна, у нее туберкулез легких, цинга и бруцеллез. Она находится в очень тяжелом положении..."[1].

Сталин сразу перенесся мыслью в далекие годы, когда по заданию Ленина он вместе с Дзержинским ездил на Восточный фронт, под Вятку, в Петроград для организации отпора Юденичу... О, боже, как давно все это было! И образ самого Дзержинского давно уже стерся в памяти. Но почему у таких людей сомнительные родственники, дети, внуки? А потом, при чем

здесь какая-то Ядвига Генриховна? Нет, пусть этими вопросами занимается Берия.

Сталин был лишен элементарного человеческого сострадания. Но, пожалуй, страшнее всего было то, что "вождь" никогда не умел и не хотел хотя бы мысленно поставить себя на место жертвы, человека, судьба которого зависит от его воли. Холод — самая страшная болезнь души — навсегда "заморозил" в нем человеческие чувства. Вглядываясь в очередной список, диктатор удивлялся: как много еще живых из тех, кого давно не должно быть на этой Земле!

— Эта тоже о ком-то просит? — разговаривая как бы сам с собой, негромко произнес Сталин, ткнув пальцем в фамилию Радек.

— Нет, это его дочь, хлопочет о себе, — пояснил сталинский Инквизитор.

"Я, Радек Софья Карловна, 1919 года рождения, пишу Вам это письмо и прошу Вас оказать моему письму внимание..." Сталин вспомнил, что, пожалуй, никто не писал о нем так возвышенно, как Радек. Хорошее было у него перо. Например, здорово он сказал о нем как вожде: "В годы Октябрьской революции Сталина видели не только в штабе революции, но чаще в передовой боевой линии. Когда Москве угрожает петля голода, он добывает хлеб; когда кольцо враждебных сил угрожает сомкнуться в Царицыне, он там организует отпор; когда опасность угрожает Петрограду, он там проверяет бастионы. Он видит революцию не через сообщения, он смотрит ей прямо в лицо, он видит ее величайшие взлеты и он видит ее дно. И в этом один на один завершается окончательное развитие Сталина как вождя революции"[2].

Тогда ему, Сталину, эти слова очень понравились. А потом он посадил его на скамью подсудимых вместе с Пятаковым прежде всего потому, что подозревал Радека в устойчивых симпатиях к Троцкому. Ведь доложили же ему, что Радек писал в Алма-Ату ссыльному "выдающемуся вождю". Так же, как и тот ему[3]. Хотя он и старался вновь вернуть себе его, Сталина, доверие. Вон даже письмо от Троцкого, которое привез ему Блюмкин, отдал тогда, не распечатывая, Ягоде... Но ведь изгнанник писал письмо не кому-нибудь, а Радеку... Нет, троцкистом был, троцкистом и остался. Правда, он, вождь, когда утверждал проект приговора, доложенный ему Ульрихом, заменил Радеку расстрел на лагеря. Позже ему сказали, что он вскоре там скончался... Так о чем же пишет дочь Радека?

"...Мой отец Радек Карл Бернгардович, как враг народа

был осужден 30 января 1937 года к 10 годам тюремного заключения. Полгода спустя я и моя мать — Радек Р.М. были высланы в г. Астрахань решением Особого Совещания на пять лет. В Астрахани моя мать была арестована и выслана на 8 лет в темниковские лагеря, где и умерла... В ноябре 1941 года меня выслали из Астрахани с отметкой: "Имеет право проживать только в Казахстане". Излишне описывать все мытарства, которые мне пришлось пережить. Срок моей ссылки кончился в июне 1942 года... Ведь я тоже человек; если я дочь врага народа, то разве это значит, что я тоже враг? Когда в 1936 году моего отца арестовали, мне было 17 лет, и вот с 17 лет я хожу с клеймом "врага". Я грамотный человек, но в Челкаре нет работы по специальности. До сегодняшнего дня я не имею паспорта. Нач. НКВД г. Челкара тов. Иванов на мой запрос никакого ответа не дает. Помогите мне искупить вину своего отца!"[4]

Вот это разговор, подумал Сталин. Не прошли бесследно ссылки, высылки, кое-что стала понимать. Так и должно быть: все эти "родственнички" должны сидеть до тех пор, пока не поймут, что они тоже виноваты. А затем пусть вину эту искупают! Но это дело человека, который не сводит с него сейчас своих маленьких глаз...

Такие письма возвращали его в прошлое. Как и сегодняшняя статья в "Правде" — "Выдающийся документ большевизма", — посвященная очередной годовщине его выступления на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году. Пожалуй, Н. Михайлов, подписавший статью, размышлял Сталин, верно отметил, что тогда он "мобилизовал партию и советский народ на полное уничтожение агентуры иностранных империалистических разведок. Это привело к дальнейшему укреплению Советского государства...". Но с высоты прожитых лет он хотел смотреть не на тени ушедших навсегда людей, что были с ним когда-то рядом, а на то, что он создал.

Менее чем за три десятилетия под его руководством возникло могучее государство, с которым теперь вынуждены считаться все в мире. Разве это не так? Однако между результатом и процессом так часто возникают несоответствия, противоречия. Почему так много недовольных? Почему ни одно крупное дело не трогается с места, пока он не даст команду? Почему не становится меньше врагов, изменников и предателей? Вот на днях ему пришлось утвердить ходатайство министра внутренних дел: "Численность состава особых лагерей установлена теперь в 180 тысяч человек. МВД просит разрешения увеличить емкость особых лагерей на 70 тысяч человек и довести ее до

250 тысяч". Ведь там должны сидеть особые, неразоружающиеся враги. Что, число их растет? И вообще Берия говорит, что заявки министерств на рабочую силу из числа спецконтингента столь велики, что, несмотря на его рост, удовлетворить эти просьбы не представляется возможным. Сколько миллионов людей пропустили через лагеря, а количество подозрительных людей не уменьшается! Вон на Западе утверждают, что, мол, общество, которое он создал, "тоталитарное". Пишут, что он "отец" нового явления в общественной жизни и политике сталинизма. Вначале "вождь" не придавал этому особого значения. Он, пожалуй, и сам считал, что пора говорить о "марксизме-ленинизме-сталинизме"; но вообще это сейчас пока ни к чему. Время придет. А враги... На то они и враги, чтобы поносить все, созданное им в течение всей жизни. Л.Троцкий, Р. Гильфердинг, А. Розенберг, Р. Абрамович утверждали, что сталинизм есть "измена большевизму". А К. Каутский незадолго до своей смерти договорился до того, что в России "появились еще более сильные и жестокие хозяева, а перед пролетариатом на его пути к социализму возникли еще большие препятствия, чем те, которые существуют в развитых капиталистических странах с укрепившейся демократией"[6]. Что можно ждать от таких людей? Они и Ленина не щадили.

Думаю, что подобные размышления могли приходить к Сталину. Он всю свою жизнь молился борьбе, только ей. И в новых "выдумках" буржуазных апологетов ему слышится лишь отзвук этой вечной борьбы, их страх и злоба. Вот и "Правда", посвятив недавно последнему изданию Британской и Американской энциклопедий большую статью под заголовком "Энциклопедии мракобесия и реакции", верно пишет, что в статьях "о социализме и коммунизме клеветнически утверждается, что при коммунизме нет заботы о счастье людей"[7]. А что они могут писать еще? Это те же писаки, которые невесть что пишут и о сталинизме, думал "вождь". Он не знал, что в стране, где он считался земным богом, придет время, когда люди тоже зададутся вопросом: что такое сталинизм и какова его природа?

Аномалия истории

Не скрою, что когда я начинал собирать материал для этой книги, то мне казалось, что все, что создал народ, -- это одно, а Сталин с его преступлениями -- другое. История сразу же становилась проще, понятней, доступнее. Но по

мере погружения в прошлое — разбор многочисленных архивных дел, беседы с участниками и очевидцами минувших событий, размышления о постигнутом — я утверждался в мысли, что все значительно сложнее. Заманчиво осудить не одного Сталина, но и его окружение со всей могущественной бюрократической прослойкой, как Каутский говорил, "новым классом". И многое в этом верно. Но также многое и неверно. Мы порой забываем, что Сталин и все связанное с ним родилось в значительной мере на марксистской почве. Сталин не "перебежал" в большевистскую партию из другой партии, не совершил буквально, как иногда сейчас говорят, государственный переворот. Он создал сталинский социализм. И все время клялся, ссылался, цитировал Маркса, Энгельса, Ленина. Вся партия вторила ему.

С поразительной проницательностью Ленин писал, что ценность теории Маркса — в ее критичности и революционности. "И это последнее качество действительно присуще марксизму всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер..."[8] Да, именно преходящий характер. Почему-то многие марксисты решили, что это относится лишь к эксплуататорскому обществу. Сталин с помощью партии все более отходил в сторону от ленинской концепции. Когда наиболее светлые умы в партии это поняли, было уже поздно. Бюрократическая система имеет особенность: она очень быстро формируется. И она страшно живучая.

Одна из главных бед всего социалистического развития как раз и заключается в том, что, воспевая диалектику на словах, мы часто лишь "кокетничали" с ней, абсолютизируя одновременно многие выводы и формулы научного социализма. А ведь сами основоположники марксизма предостерегали от этого. В одном из своих писем к Энгельсу Маркс утверждал, что политическую экономию в подлинную науку можно превратить "только в том случае, если вместо противоречащих друг другу догм рассматривать противоречащие друг другу факты и действительные противоречия, являющиеся скрытой подоплекой этих догм"[9].

В канун Октября, когда Ленин скрывался от ищеек Временного правительства, он написал знаменательные строки о развитии будущего коммунизма: "Он происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая рожде-

на капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя"[10]. Зачем я повторяю эти известные истины? Дело в том, что после смерти Ленина от них быстро отступили. Марксизм стал использоваться выборочно, и самое главное — не творчески.

Ни Маркс, ни Энгельс не могли предвосхитить не только детали, но и крупные "блоки" конструкции будущего сооружения. Однако с самого начала многие догмы прошлого просто принимались на веру. В 20-е годы вожди часто говорили: "рабочий класс не может ошибаться", "партия не может ошибаться", а ведь ошибались... Мы все согласны с тем, что в теории научного социализма Сталин ничего "не выдумал", ни в чем ни на йоту не продвинулся в позитивном смысле. Он опирался на марксистские схемы, часто полувековой давности, без диалектического, творческого их осмысления. По их сути, по характеру применения и реализации этих схем у очень немногих возникали принципиальные возражения. Сталин держался за "букву" марксизма. Вот, например, громя Бухарина в апреле 1929 года на Пленуме ЦК ВКП(б), он заявил:

"Ленинизм безусловно стоит за прочный союз с основными массами крестьянства, за союз с середняками, но не за всякий союз, а за такой союз с середняками, который обеспечивает **руководящую роль рабочего** класса, **укрепляет** диктатуру пролетариата и **облегчает дело уничтожения классов.** (*И дальше цитирует Ленина.*) "Что это значит — руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не мелкого производителя. Если бы мы с этой линии, коренной и основной, сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами..."[11]

Как видим, по форме Сталин держался за "букву". Его поддерживали. Он громил тех, кто осмеливался отойти от "буквы". Но "утверждая" социализм, Сталин прежде всего превратил рассуждения, полемику, предположения классиков в догму, а затем и эту догму извратил в угоду цезаризму. Поэтому, видимо, можно сказать, что сталинизм вырос на марксистской почве, питался его искаженными постулатами и выводами. Из этого не следует, что марксизм виновен в сталинизме. Марксизм как мировоззренческая и методологическая концепция философских, экономических и социально-политических взглядов на общество, природу и мышление не отвечает за то, как его интерпретируют. Марксизм — не сборник рецептов, как в кулинарной книге. Это не план политических действий. Но именно так понимал марксизм Сталин.

Подводя в январе 1933 года итоги первой пятилетки и ка-

саясь результатов "в области борьбы с остатками враждебных классов", Сталин так интерпретировал один марксистский тезис: "Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства, как оправдание лени и благодушия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это — перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии. Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления"[12]. Безапелляционность, механистичность, примитивизм понимания марксистских идей были предвестником грядущих новых бед. Но эти беды Сталин выдаст за победу и освятит марксистским знаменем. Канонизировав фундаментальное положение марксизма о классовой борьбе, Сталин пришел к той модели социальных отношений, которые мы сегодня решительно осуждаем. Нельзя не сказать, что на каком-то этапе, еще задолго до Сталина, в пропаганде марксизма возникла тенденция абсолютизировать многое из того, что было сказано великими мыслителями. Сталин был одним из тех, кто унаследовал и настойчиво развивал эту традицию.

Все сказанное отнюдь не имеет целью что-то "оправдать" в Сталине и сталинизме. Нет, конечно. Но появившиеся многочисленные публикации последних лет часто связывают все деформации, все ошибки и преступления только с одним человеком. Если бы все это было так, то мы бы давно уже освободились от сталинизма. Но Сталин умер, а сталинизм еще жив. Мне представляется, что исторически сталинизм стал одной из возможностей (предельно негативной) реализации тех идей, которые были изложены в марксистской доктрине. Извечное стремление людей к свободе, счастью, равенству, справедливости было чрезвычайно привлекательно выражено в марксизме. Его последователи часто полагали, что сама попытка творческой интерпретации постулатов марксизма — уже ересь, отступничество, ревизионизм. Постепенно сложилось так, что любой отличный от сложившегося в марксизме взгляд стал считаться глубоко враждебным. Марксизм на каком-то этапе в известной мере приобрел характер политической доктрины, которая старалась не столько приспособиться к меняющимся условиям, сколько приспособить условия к своим выводам. Пока был жив Ленин (и об этом особенно говорят его последние работы), он стремился повернуть мысль и дела боль-

шевиков к действительности, сложным реалиям бытия, клубку противоречий, которые росли в огромной крестьянской стране. Трагедия русской революции заключается в том, что окружение Ленина, высоко интеллектуальное по своему уровню, все равно было на порядок ниже интеллекта гения. Поэтому тенденция канонизации и догматизации марксизма после смерти Ленина заметно усилилась. У руля партии и государства, волею обстоятельств, о которых я говорил раньше, оказался такой человек, который больше других подходил к механическому следованию марксистской доктрине.

Сталинизм максимально использовал увлечение русских революционеров радикализмом, когда во имя идеи считалось оправданным приносить в жертву все — историю, культуру, традиции, жизни людей. Обожествление застывшего идеала в конечном счете обернулось пренебрежением потребностями конкретных людей конкретного времени. Русский радикализм одевался в тогу революционного романтизма, отрицающего мещанское благополучие и буржуазную культуру. Именно Сталин выражал такие взгляды: во имя торжества идеи допустимо все! И никто никогда не говорил, что это глубоко антигуманная мысль, социальный грех перед народом. В этом отношении можно найти сходство, например, между Сталиным и Троцким. Диктатор связывал активное развитие собственной страны с "победой социализма во всех странах". Находившийся совсем в ином положении Троцкий, смертельно враждуя со своим главным оппонентом, провозглашал: "За социализм! За мировую революцию! Против Сталина!"[11] Их радикализм при внешней политической противоположности двух "выдающихся вождей" родился на русской почве из преклонения перед идеей в ущерб действительности. Он отвергал историческое равновесие, баланс идей и бытия. Главное — "обогнать", "опрокинуть", "разрушить", "сокрушить", "сломать", "разоблачить", "пригвоздить"... Революционный радикализм, на котором паразитировал Сталин, с методической очевидностью создавал новую псевдокультуру. А главное место в ней было отведено его идеям. Без этого замечания, думаю, анализ сталинизма как аномалии истории будет неполным.

Пожалуй, следует напомнить один аспект той борьбы, которая сопровождала революционное развитие в канун Октября и позже. Я отнюдь не собираюсь обеливать меньшевиков, которые, хотя и считали себя рабочей партией, в значительной степени несли на себе печать мелкобуржуазного реформизма. Но нельзя не видеть, что они достаточно настойчиво выступали

против догматических, радикальных доктринерских начал, которые изнутри дегуманизировали и "обессиливали" марксизм. Меньшевизм оказался в конечном счете бесплодным в политическом смысле, и это блестяще показал Ленин. Но меньшевистская критика Сталина помогает понять некоторые стороны сталинизма.

Лидеры меньшевистской эмиграции (Мартов, Абрамович, Дан, Николаевский, Долин, Шварц, Югов) долгое время пытались вести борьбу как бы на два фронта: защищать идеалы революции в России и одновременно критиковать ее перерождение. До 1965 года меньшевики имели свой печатный орган "Социалистический вестник". Наиболее влиятельными в руководстве (оно называлось "Заграничная делегация") были все более тяготевший к СССР Ф.И. Дан, умерший в 1947 году, и придерживавшийся устойчивых антисоветских взглядов Р. А. Абрамович, скончавшийся в 1963 году. После смерти Ленина острие критики со стороны быстро тающих группок меньшевиков было направлено против "антидемократических методов Сталина". Обреченные жить вдали от Родины наиболее проницательные из эмигрантов ясно видели, что Сталин отошел от Ленина. Меньшевики, например, одобряя нэп, высказывали интересную мысль: новая линия в экономике должна сопровождаться серьезным обновлением и в политике, тогда бонапартистские тенденции в СССР могут не развиться[14]. Корень нараставших цезаристских тенденций меньшевики видели в том, что партия большевиков, имеющая "рабочее происхождение", все больше превращалась в орудие узкой группки людей. Усиление роли одной личности, по их мнению, грозило перерождением. Только партия, допускающая плюрализм, считал Абрамович, могла бы быть гарантом развития демократии. Нельзя не согласиться с этими трезвыми рассуждениями.

Как меньшевики оценивали Сталина? В спектре возможностей негативного развития в СССР, полагали они, видны две: контрреволюция и лжереволюция. Сталин пошел по второму пути, осознавая это или нет, считали меньшевистские лидеры. Суть сталинизма, по их мнению, заключается в отказе от тех традиций, которые были заложены в социал-демократии. Но после революции меньшевизм не был единой политической и идеологической силой. Его влияние все больше сходило на нет. Со временем Дан, долго бывший бесспорным лидером меньшевизма, порвал с ним, стал издавать журнал "Новый мир". Он надеялся, что после победы над фашизмом Советский Союз сможет вернуться к подлинному социализму. В своей

большой книге о происхождении большевизма, которую Дан написал незадолго до смерти, он проницательно утверждал, что трагедия России заключается в том, что Сталин оказался неспособным соединить социализм и демократию. Это "клеймо сталинизма". Но Дан выразил оптимистичную мысль о том, что большевизм не начинается и не заканчивается на Сталине: социализм достоин свободы и он принесет ее людям[15]. Доживая на задворках русской истории, эти люди, лично знавшие Ленина, непосредственно видевшие революцию в России, своих соперников — большевиков, их взлеты и падения, порой были способны (правда, как сторонние наблюдатели) трезво судить о сталинизме. Некоторые их идеи и оценки заслуживают серьезного внимания при историческом анализе.

Все многочисленные "оппозиции", "фракции", "уклоны", появившиеся после победы Великой Октябрьской социалистической революции, при всем том, что они часто несли много сомнительного и ошибочного, тем не менее были одной из диалектических форм выдвижения социальных альтернатив. Возможно, мои утверждения ортодоксально мыслящим людям вновь покажутся ересью, однако представляется, что ликвидация революционного плюрализма обеднила историческое обновление общества. Думаю, например, что меньшевики-интернационалисты с их лидерами Л. Мартовым, О. Ерманским, И. Астровым и другими не были врагами революции. Точно так же как и левые эсеры, оформившиеся в партию в конце 1917 года. Не здесь ли лежит один из истоков будущих догматических и цезаристских монолитов, признававших лишь одно мнение, одну волю, одну-единственную истину? Сколько идей о демократии, нэпе, крестьянстве, торговле, государственном и партийном строительстве оказались нереализованными в результате приверженности партийного большинства строго ортодоксальной линии! Все многоцветье действительности вгонялось в черно-белое ви́дение усвоенных схем. А ведь вначале как будто дело шло к революционному плюрализму. Познакомьтесь с выпиской из Протокола № 23 заседания Совнаркома от 9 декабря 1917 года. "Председательствует Вл. Ильич Ленин. Присутствуют: Троцкий, Луначарский, Елизаров, Глебов, Раскольников, Менжинский, Урицкий, Сталин, Бонч-Бруевич, Боголепов.

Слушали: вопрос о вхождении с.р. (эсеров) в министерства (так в тексте, хотя речь идет о народных комиссариатах. — *Прим. Д.В.*).

Постановили: Предложить с.р. войти в состав правительства на следующих условиях:

а) Народные комиссары в своей деятельности проводят общую политику Совета народных комиссаров;

б) Народным комиссаром юстиции назначается Штейнберг. Декрет о суде не подлежит отмене;

в) Народным комиссаром по городскому и земскому самоуправлению назначается Трутовский. В своей деятельности он проводит принцип полноты власти как в центре, так и на местах;

г) тт. Алгасов и Михайлов (Карелин) входят в Совет народных комиссаров как министры без портфелей. Практически работают как члены коллегии по внутренним делам..."

Назначили наркомами также эсеров Прошьяна, Колегаева, Измайлова. Затем перешли к следующим вопросам, а Свердлов в это время вел переговоры с левыми эсерами. Уже ночью в качестве одиннадцатого пункта протокола заседания Совнаркома записали:

"Опубликовать следующее: в ночь с 9-го на 10 декабря достигнуто полное соглашение о составе правительства между большевиками и левыми эсерами. В состав правительства входят семь с.р. ..."[16] Под протоколом подписи: *Вл. Ульянов* (*Ленин*), *Н. Горбунов.* Ведь для всех было тогда ясно, что и большевики и левые эсеры шли по пути революции. Сама практика преобразований нуждалась в социалистическом плюрализме, который, едва возникнув, вскоре был безжалостно ликвидирован.

Сталин оказался подходящим лицом для такого силового, одномерного пути развития. Мы знаем, что были и иные варианты, но настоящей борьбы, которая давала бы реальные шансы другому направлению, не было. Немало бухаринских идей, например, весьма привлекательно, хотя от многих из них он позже был вынужден — не по своей воле — отказаться. Этим я отнюдь не утверждаю, что Сталин и сталинизм были "запрограммированы". Нет и еще раз нет. Я хочу лишь подчеркнуть, — и это очень важно, по моему мнению, — что сталинизм родился в условиях догматизации, абсолютизации многих выводов марксизма, которые были сделаны еще в середине XIX века, при отсутствии других революционных альтернатив. Уничтожение социалистического плюрализма — это начало монополии на социальную истину и политическую власть. Превращение союзников или конструктивных оппонентов во врагов со временем привело к замене революционной демократии

тотальным бюрократизмом. Нетерпимость к идейному плюрализму выглядела вначале революционной "добродетелью", однако со временем в решающей мере помешала творчески осмыслить строительство нового мира.

Пока партия была не у власти, это не грозило большими социальными опасностями. Когда же она стала правящей, материализация канонизированных положений обернулась бедой. Сталин на этой основе пошел дальше: он извратил многие принципы научного социализма, что во многих областях привело и к социальному перерождению. Таким образом, скажу еще раз: сталинизм есть извращенная теория и практика социализма, боготворящая силу и насилие как универсальное средство реализации политических и социальных целей. Сталинизм — это одномерное ви́дение мира, одобряющее использование любых радикальных средств для достижения поставленных целей, которые в конце концов оказываются деформированными. Сталинизм породил глубокие противоречия между экономическим базисом и политической надстройкой, народом и бюрократией, подлинной культурой и ее суррогатами, социалистическими идеалами и их реализацией. Сталинизм выражает не только процессы деформации народовластия, но и его перерождение в особую разновидность цезаризма, о чем я уже говорил. Это историческая аномалия социализма.

Можно, пожалуй, сказать, что каждой революции, без исключения, угрожает свой термидор. Он может быть в разных формах: реставрация старого, частичная деформация, постепенное вырождение. Сталинизм явился формой термидора как перерождения и извращения народовластия и превращения его в диктатуру одной "господствующей личности".

Эта извращенность теории и практики в наиболее полной форме проявилась в отчуждении. Раньше мы полагали, что отчуждение возможно лишь в капиталистическом обществе. Думаю, что это не так. В "Экономическо-философских рукописях 1844 года" Маркс выделяет такие стороны, которые характеризуют отчуждение: потеря права распоряжаться собственной деятельностью; отчуждение продуктов труда от производителя; отчуждение от достойных условий существования; взаимоотчуждение, утрата людьми своей социальной содержательности[17]. По сути и сталинизм означает отчуждение человека от власти, от участия в управлении государством, производством, другими общественными процессами. Сталинизм, таким образом, есть прежде всего диктаторская форма отчуждения людей труда от права распоряжаться собой, от государст-

венного управления. Если для капиталистического общества, как считали основоположники марксизма, отчуждение является естественным, то для социализма, который и совершает революцию, чтобы ликвидировать многие формы отчуждения, это предстает как аномалия.

Утверждение сталинизма как явления прошло несколько ступеней. Первая: "глухота" ленинского окружения к его "Завещанию". Пожалуй, тогда Сталин впервые почувствовал, что Олимп власти для него — не мираж, а реальность. Вторая ступень связана с периодом между 1925 и 1929 годами: стабилизация капитализма на Западе после ослабления революционных потрясений совпала с началом зарождения бюрократических структур и устранением Троцкого — основного соперника Сталина. Еще одна ступень — коллективизация и ликвидация умеренной линии в ЦК. Уже на этой ступени сталинизм, применивший массовое насилие, одержал окончательный верх над возможными альтернативами развития. На следующую ступень, в 1934 году на XVII съезде, мягкие сапоги Сталина ступили уже для "коронации" его как единственного вождя. Далее сталинизм только затвердевал в своей бетонной ортодоксальности. Лишь война несколько ослабила его хватку по причине смертельной угрозы не только сталинизму, но и самому Сталину.

Кардинальные реформы сталинизм допустить не мог. Поэтому политическая система, социальные отношения, сама мысль постепенно остановились в своем развитии. Подчеркну еще раз, **сталинизм — специфическая форма отчуждения человека труда от власти,** которую тот добыл себе благодаря революции со всеми сопутствующими этому явлению тяжелыми последствиями в политической, экономической, социальной и духовной сферах.

Определяя сталинизм, пожалуй, можно назвать ряд характеризующих его черт. Одна из них — безальтернативность развития. Весь широкий спектр революционных "рецептов" после революции безжалостно сужался. Часто выбор между двумя или несколькими альтернативами делала не сама жизнь, а кабинетные стратеги. Сталин был здесь непревзойденным специалистом. Он всегда знал, что хорошо и что плохо, где революция и где контрреволюция. Методологический ключ выбора альтернатив был прост: все, что не совпадало с его, Сталина, взглядами, установками, целями, естественно, объявлялось антиленинским, контрреволюционным, враждебным. Со временем это станет государственным правилом. Сталин, решая вопросы, обычно всерьез не рассматривал альтернатив-

ные идеи или варианты, помимо тех, что предлагал сам. Однажды избранный им стиль директивного управления мог только совершенствоваться, но отнюдь не пересматриваться или заменяться. Думаю, то, что мы сегодня вкладываем в понятие "плюрализм", привело бы его просто в бешенство, квалифицировалось бы как настоящая измена революционному делу. Все, что свершалось Сталиным, представлялось как объективная закономерность. В эту схему вписывались даже теоретические взгляды. Например, когда в журнале "Пролетарская революция" была помещена статья Слуцкого "Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса", Сталин разразился гневной статьей[18]. Редакция журнала хотела лишь рассмотреть историю взаимоотношений большевиков со II Интернационалом, взаимоотношений компартий с социал-демократией. Вопрос, который не утратил своей актуальности и сегодня. Однако Сталин усмотрел в этом факте попытку "пересмотреть" взгляды большевиков на центризм, оппортунизм вообще. В своем стиле, попутно наклеив ярлыки на Розу Люксембург, Волосевича, некоторых других, Сталин широко использовал такие "аргументы", как "галиматья", "пошлые и мещанские эпитеты", "убожество", "троцкистские контрабандисты". Даже робкая попытка увидеть частные альтернативы была тут же пресечена.

Когда Сталин после XIII съезда партии уцелел на посту генсека, он быстро выработал свой взгляд на власть: никаких альтернатив! Ни политических, ни общественных, ни личных. Особенно личных! В конце концов он покончил не только с Троцким, но и всем ленинским окружением. Когда после войны Берия стал нашептывать Сталину, что после смерти его, вождя, А.А. Кузнецов будет претендовать на пост генсека, а Н.А. Вознесенский — на должность предсовмина, реакция была однозначной. Сталин, будучи неглупым человеком, понимал, что реальная альтернатива ему может быть в лице Политбюро, ЦК, как коллективного ядра партии. Путем политических манипуляций, интриг, урезания прав ЦК Сталин превратил его в послушный совет поддакивателей, который он собирал все реже и реже. От имени ЦК действовал его аппарат — партийная канцелярия бюрократов. Какие-либо альтернативы сталинской власти при жизни единодержца были исключены.

В конечном счете сталинизм стал олицетворять отрицание всего, что не соответствовало представлениям самого "вождя". В безальтернативности идей, политических и общественных концепций кроется один из глубинных источников нашего ны-

нешнего тяжелого состояния. Сталинизм — болезнь не только духовная или социальная. Это антипод общечеловеческих ценностей, расцвет авторитаризма. Сталин, исключив из жизни общества все альтернативы, не заблуждался. Он делал это осознанно. "Вождь" понимал, что альтернативные идеи или концепции могут тут же поставить вопрос о его устранении.

Сталинизм стал своеобразной светской религией... В нее можно и нужно было лишь верить, соглашаться, комментировать постулаты, выдвигаемые Сталиным. А для этого следовало смотреть и на партию, как на священный орден, где господствует одно лицо. С начала 30-х годов мне не удалось обнаружить ни малейших следов публичного несогласия со сталинскими догмами. Для утверждения единомыслия еще в 1927 году ЦИК СССР принял Свод Законов, в первой главе которого была изложена печально знаменитая 58-я статья с ее восемнадцатью "модификациями"[19]. Не вызывает сомнения, что государство должно охранять свои интересы. Но когда инакомыслие фактически расценивалось как "антисоветская пропаганда или агитация" и каралось самым суровым образом, то верность — на словах или на деле — идеологии сталинизма становилась, пожалуй, единственным способом адаптации и выживания, хотя часто и это не помогало, если меч беззакония был уже занесен над человеком. Все должны были безоговорочно верить в сталинскую теорию, призывы, выводы, оценки. Манипуляция общественным сознанием привела к тому, что миллионы людей верили всему, что говорил "вождь", или должны были делать вид, что верят. А он очень часто говорил совсем не то, что было на самом деле.

Например, выступая 7 января 1933 года на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК партии с докладом "Об итогах первой пятилетки", по многим показателям он выдавал желаемое за действительное. Говоря о том, что пятилетка в области сельского хозяйства выполнена за четыре года, ни словом не упомянул о страшном голоде, унесшем миллионы жизней, свел перевыполнение плана лишь к тому, что создано более 200 тысяч колхозов и 5 тысяч совхозов (в этом "перевыполнение" действительно было в три раза!). Утверждал, что "партия добилась того, что кулачество, как класс, разгромлено, хотя и не добито еще..."[20]. И все верили, что так нужно, что это высшая истина марксизма! Хотя в действительности это было его профанацией.

Сталинизм отныне разрешал лишь "революции сверху", рассматривал все реформы лишь как плод "высшего

политического руководства". Существовал колоссальный разрыв между подлинной социальной активностью и ее имитацией. Отныне активность стала полностью организованной: какие здравицы выкрикивать на всесоюзном форуме комсомола и профсоюзов; какой "почин" и где выдвигать; кому и с какой речью выступить на предвыборном собрании; каких портретов и сколько должно быть в колонне демонстрантов; сколько послать "добровольцев" от района на "ударную стройку", когда и о чем рапортовать — все это решалось наверху... Люди постепенно привыкали, что за них думали обо всем. Им же предписывалось лишь "одобрять", "аплодировать", "поддерживать". Конечно, элементы организации многих процессов, видимо, будут нужны всегда, но они должны идти рука об руку с гражданской активностью, социальной ответственностью, подлиннной инициативой, способностью к общественному творчеству.

Организаторы рапортов стали считать нормальным, когда и заключенные докладывали "вождю" о своих успехах. Например, 3 января 1952 года министр внутренних дел Круглов сообщал Сталину, что "исправительно-трудовыми лагерями лесной промышленности МВД СССР выполнены задания правительства по заготовке, выработке и поставке народному хозяйству лесоматериалов"[21]. Министр информировал "вождя" и о добыче цветных и редких металлов (вместе с "рапортами тружеников" тюремных предприятий). Даже ГУЛАГ регулярно докладывал Сталину о "высоком политическом и трудовом подъеме". Сталинизм все организовывал, все предусматривал, и все сверху.

Нельзя не сказать и о том, что сталинизму как явлению присущи неписаные "законы" личной диктатуры. Они внешне просты, бесхитростны, но Сталин исключительно внимательно следил за их исполнением. Прежде всего: ни одно принципиальное решение партийных, государственных, общественных органов не может быть принято без него. К примеру, даже лозунги для писателей испрашивали у "вождя". 2 января 1936 года А.С. Щербаков направил письмо Сталину, в котором говорилось: "Уже 15 месяцев я работаю секретарем Правления Союза писателей по совместительству. В интересах дела я вынужден Вас беспокоить, просить помощи и указаний. Сейчас созданы неплохие новые работы Корнейчука, Светлова, Левина, Яновского, Леонова, Авдеенко. Заговорили "молчавшие" старые мастера Файко, Тихонов, Бабель, Олеша. Появились новые имена: Орлов, Крон, Твардовский. Но в целом отставание в ли-

тературе не ликвидировано. Этому не способствует и критика. Один писатель (Виноградов) после грубой критики поговаривает о самоубийстве. А критик Ермилов в ответ заявляет: "Такие пусть травятся, не жалко".

Вот такое положение в литературе. Сейчас она нуждается в боевом, конкретном лозунге, который мобилизовал бы писателей. Помогите, товарищ Сталин, этот лозунг выдвинуть.

А. Щербаков"[22].

К разряду "законов" диктатуры относится и выделение главных элементов своей опоры. Знакомство с архивом, фондом документов, перепиской Сталина показывает, что начиная, по крайней мере, с середины 30-х годов основное свое внимание он обращает на НКВД, НКГБ, армию. Значительно больше, чем на дела в Центральном Комитете; постепенно там всем стал заправлять Маленков, в соответствии, разумеется, с указаниями "вождя". В личном фонде и переписке больше всего документов, направленных Сталину Берией, Абакумовым, Кругловым, Меркуловым, Серовым, другими руководителями ведомств, на которые он опирался, которые поддерживал, поощрял. В его архиве сохранилось много представлений Берии, по которым боевыми орденами награждались работники ГУЛАГа. Например:

"Государственный Комитет Обороны
товарищу Сталину И.В.

20 дек. 1944 г.

За период Отечественной войны военизированная охрана исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД успешно справлялась с задачей изоляции и охраны заключенных, содержащихся в лагерях и колониях НКВД. Ходатайствую о награждении орденами и медалями Союза ССР работников охраны ГУЛАГа НКВД СССР, особо проявивших себя в работе..."[23] Далее следуют сотни фамилий "особо проявивших себя в работе", представленных к награждению орденами боевого Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, другими боевыми наградами.

Сталин щедро одаривал высокими чинами свою внутреннюю опору. Не только Берия, став Маршалом Советского Союза, был удостоен высоких воинских званий. 7 июля 1945 года Сталин поддерживает представление Берии и подписывает Постановление СНК СССР, по которому сразу семи (!) руководящим работникам НКВД и НКГБ присваивалось звание генерал-полковника: В.С. Абакумову, С.Н. Круглову, И.А. Серову, Б.З. Кобулову, В.В. Чернышеву, С.А. Гоглидзе, К.А. Пав-

лову[24]. Боевые генералы, отличившиеся на фронтах Великой Отечественной войны, ни разу не удостаивались такой "массированной" любви Председателя ГКО.

Еще одним из неписаных "законов" диктатуры являлось поддержание в высших звеньях аппарата постоянного напряжения. Эпизодически, но достаточно регулярно, он смещал то одного, то другого руководителя центрального или регионального масштаба, благо поводов для этого всегда было предостаточно: не выполнен план, не разоблачили вовремя "орудовавшую в области шайку вредителей", потакали "низкопробным произведениям культуры", допустили "грубую политическую ошибку" в книге, статье и т.д. Никто не мог быть уверен, что державная рука завтра или позже не смахнет с высокого поста наркома, первого секретаря обкома, маршала, руководителя какого-либо ведомства. Поэтому многие работали самоотверженно, находясь в постоянном напряжении, непрерывно поглядывая наверх и не щадя подчиненных.

Сталин полагал, что власть всегда должна внушать не только уважение, но и страх. Как полновластный диктатор, он ввел неофициальные "правила поведения" и в среде своих соратников. Они, например, не имели права несанкционированно собираться вместе (двое, трое или тем более — несколько человек) у кого-либо из них в кабинете, на квартире, на даче. Это считалось подозрительным и не одобрялось. Исключение делалось лишь для Берии, который был близок с Маленковым и часто ездил с ним в одной машине на дачу или обратно. Все вместе могли собираться только у самого Сталина (если он, естественно, приглашал). Это выглядит несколько странным, но "вождь" не любил долгие часы одиночества на работе. Часто он вызывал Молотова, Берию, Кагановича, Маленкова, Жданова, причем нередко они находились у него часами. Тему разговора, а чаще монолога, всегда определял сам "Хозяин". Было похоже, что, размышляя вслух, он не очень рассчитывал на какие-то предложения, возражения, исключая, возможно, Молотова и Вознесенского, но обязательно нуждался в подобострастной поддержке, единодушном согласии, одобрении, выражении восхищения идеями "товарища Сталина". Для него это был своеобразный "аппаратный антураж", психологический допинг, к которому он привык, как к какому-то обряду, ритуалу выработки решения.

Сталинизм как форма руководства и управления опирался прежде всего на многочисленные доклады и справки, которые готовились разными людьми и организациями по заданию

"вождя". Но больше всего таких справок готовили, естественно, в НКВД и НКГБ.

Так, например, вскоре после войны Сталин заинтересовался Академией наук. Берия доложил, что, мол, президент Академии часто болеет, невысока эффективность его исследований, стоит присмотреться и к другим академикам. Сталин потребовал справку с краткими характеристиками ученых. Вскоре она была у него на столе. Интересно, что готовили ее не в президиуме Академии или парткоме, а в одном из управлений НКГБ... Приведу выдержки из характеристик академиков, умышленно опуская в ряде случаев фамилии.

"Академик Б. — крупный специалист в области черной металлургии. Мало общается с коллегами вследствие чрезмерной жадности его жены;

Академик Вавилов С.И. — физик. В расцвете сил. Брат Вавилов Н.И. — генетик, арестованный в 1940 году за вредительство в сельском хозяйстве, осужден на 15 лет, умер в Саратовской тюрьме;

Академик В. — имеет авторитет только среди математиков. Холостяк, употребляет в значительных дозах алкоголь;

Академик Волгин В.П. — вице-президент. На Волгина есть свыше 20 показаний (Стецкий и др.) как на троцкиста. До сих пор не награжден и не является лауреатом Сталинской премии;

Академик Н. — директор института горючих ископаемых; по данным агентуры, институтом руководит слабо, часто болеет;

Академик З. — по показаниям врагов народа, является участником антисоветской организации. В области изыскания руд проводил вредительскую работу. Много внимания уделяет личному благополучию;

Академик Лысенко Т.Д. — беспартийный, директор института генетики. Президент Академии сельхознаук, дважды лауреат Сталинской премии. (Далее следуют слова, с которыми нельзя не согласиться. — *Прим. Д.В.*) Академик Лысенко авторитетом не пользуется, в т.ч. и президента Комарова. Все считают, что из-за него арестован Вавилов Н.И. ..."[25]

Список длинен. Вот по таким справкам из ведомства Берии Сталин решал серьезные вопросы. Подобные "документы" были определяющими при принятии любых решений. Можно видеть, как далеко простиралась власть любимых Сталиным ведомств; они давали оценку компетентности даже академикам.

Окружение, похоже, даже в мыслях не подвергало сомнению целесообразность любых решений "вождя". Основная

идея "научного" комментаторства трудов и выводов диктатора заключалась в том, чтобы утверждать: Сталин — гениальный мыслитель, теоретик и практик; он лучше, чем кто-либо другой, осмыслил глубинные потребности общественного развития, и все его действия являются проявлениями исторических законов. Утверждалось, что Сталина "позвала" сама эпоха, что он, и только он, выражает чаяния трудящихся, всего общественного прогресса. Молотов по этому поводу прямо писал: "Если после Ленина советский народ победоносно решал свои внутренние и внешние стратегические и тактические задачи и сделал свое государство таким могучим и, вместе с тем, таким духовно близким трудящимся всего мира, — то в этом величайшая историческая заслуга прежде всего великого вождя нашей партии — товарища Сталина..."

В сталинизме как извращенной теории и практике социализма явно просматривались такие мотивы, как автоматизм работы истории на социализм, изначальная справедливость всех его шагов, предопределенность торжества коммунистических идеалов. Сталин очень много внимания уделял отрицанию: капиталистического способа производства, эксплуатации, ликвидации классов и всех партий, кроме большевистской, любых взглядов, кроме марксистских, а одновременно и всех ленинских соратников и потенциальных оппонентов. Да, без отрицания отжившего в жизни ничего не бывает. Но значит ли, что только на этом пути можно добиться воплощения идеалов марксизма? Достаточно ли индустриализации, я уже не говорю о коллективизации, ликвидации кулаков, достижения всеобщей грамотности, чтобы сказать: вот он, социализм, к которому мы стремились?

Бинарное мышление Сталина, признававшего только белые и черные цвета в бесконечно богатой гамме действительности, выпустило из поля зрения нечто очень важное, главное, основополагающее — человека. Сталинизм отвел человеку роль инструмента, средства, а не цели. Дежурные фразы о советском человеке, которому "жить стало лучше, жить стало веселее", не могли скрыть положения, которое мы, оглядываясь, видим в прошлом: индивидуальность подавлялась, абсолютизировался коллективизм в ущерб гармоническому развитию личности, господствовала концепция силового воспитания "нового человека".

Отнюдь не подвергая сомнению невиданное подвижничество советских людей, их поразительную веру в торжество социалистических идеалов, приверженность тем ценностям, которые олицетворяли в теории новый мир, сегодня мы не можем

не сказать: в историческом процессе Сталин отводил народу роль объекта воздействия его идей, воли и указаний. Сталинизм низвел народные массы до гигантского механизма реализации замыслов "вождя". Считалось нормальным осуществлять над целыми частями этого живого и сложнейшего организма постыдные и жестокие экзекуции, отправляя тысячи и миллионы лучших представителей народа на смерть или длительную изоляцию в бесчисленных сталинских лагерях. Печально знаменитый ГУЛАГ стал страшным символом жизни страны и народа, которого Сталин никогда не спрашивал: что он думает, что хочет, как относится к тем или иным его "историческим" решениям. "От лица" народа ему докладывали те, кому он больше доверял: выкормыши Берии. Уже через десять лет после смерти Дзержинского его детище было не узнать: оно было поставлено над государством и партией. А это означало глубокое перерождение власти. Все находилось в русле сталинской концепции, согласно которой главные функции государства наряду с другими выполняли "карательные органы и разведка, необходимые для вылавливания и наказания шпионов, убийц, вредителей, засылаемых в нашу страну иностранной разведкой".

Сталинизм, по моему мнению, довел до абсурда примат политики над экономикой, государства над обществом. Здесь находятся глубокие корни того, что мы называем командно-бюрократической системой. При такой ситуации (а Сталин это усвоил раньше других) тот, кто находился наверху, становился господином общества. Именно — господином, а не товарищем. Экономика же развивалась не в соответствии со своими, имманентно присущими ей законами, а в соответствии с политическими директивами. Такой системе жизненно необходима обширная и могущественная прослойка бюрократии на всех этажах общества и во всех его сферах. Возник своеобразный "политический абсолютизм", когда волевое решение лидера отнюдь не считалось с экономической целесообразностью, материальными возможностями, своевременностью тех или иных технических и хозяйственных проектов. Достаточно вспомнить строительство сталинской Байкало-Амурской железной дороги, тоннеля от материка к Сахалину (под проливом), магистрали от Северного Урала до Енисея, которые были начаты без должного экономического обоснования, безгласно, а затем прекращены. Политический абсолютизм, доведенный до абсурда, сделал невозможной даже косметическую критику любых политических решений, в том числе в хозяйственной, технической,

научной, аграрной сферах. Политика стала тем загадочным всемогущим сфинксом, который угрожал сожрать любого, кто хотя бы косвенно высказал какие-либо сомнения в ее правильности. Сталинизм — это абсолютная диктатура политики над экономикой, социальной и духовной жизнью, культурой. Сталинизм — это эволюция диктатуры пролетариата к диктатуре партии, а затем и к диктатуре одной личности. При диктатуре "господствующей личности" все институты государства и общества играют лишь роль аппарата ее власти.

Сразу же хотел бы ответить критикам, которые усмотрят в этих рассуждениях мое непонимание роли политики в жизни общества. Нет, я, разумеется, не против политики, я против ее абсолютизации. Она всегда будет играть огромную роль, ибо только с ее помощью можно регулировать отношения между классами, нациями, другими социальными группами, добиться народовластия. Но подлинная, истинная роль политики проявляется лишь тогда, когда в ее основу заложены непреходящие демократические ценности, способные гармонично регулировать отношения не только между общественными группами, но и тесно взаимодействовать с экономической и духовной жизнью страны.

Сталинизм — болезнь незрелого социализма. Она не была обязательной и фатальной. Об этом я уже писал. Но вместе с тем многое было обусловлено не только ошибками субъективного характера самой партии, ее руководителей, неразвитостью теории, но и объективными обстоятельствами. О них я также говорил раньше. Сталинизм не привел к полному перерождению общества, не смог в конечном счете полностью деформировать социалистические идеалы и ценности. Вера людей в социализм была поколеблена, но полностью не подорвана. Многое в этой вере выглядит парадоксальным: люди верили, что тяготы, репрессии, лишения — все это историческая плата за достижение в будущем земли обетованной. Эту идею настойчиво внедряли в сознание народа сверху, начиная с Троцкого. Сталин преступно спекулировал на этой святой вере; он сознательно использовал ее долгие годы для утверждения своего единовластия. Одно из самых крупных преступлений сталинизма заключается в том, что Сталин посмел олицетворить себя с социализмом, и в огромной мере это ему удалось. Народ выстоял, потому что верил. Сталинизм покрыл общество панцирем бюрократизма и догматизма, освобождение от которого идет мучительно долго и трудно. Ущерб — особенно политический, социальный, культурный, моральный, нанесенный ста-

линизмом обществу, — огромен. Брежневщина, многие другие глубокие изъяны современной жизни имеют дальние истоки в сталинизме. Его шрамы будут долго и болезненно рубцеваться.

Наиболее вульгарное, повседневное проявление сталинизма выступает как сталинщина, политическая тирания одной личности. Она, сталинщина, проявляется прежде всего в дуализме мыслей и дел, теории и практики. Раздвоенность сознания, когда люди говорили одно, но видели и делали другое, была наиболее распространенной ее формой. Известная американская журналистка Анна-Луиза Стронг, написавшая еще в 1956 году книгу "Эра Сталина", отмечала, что этот дуализм дал о себе знать уже в самую пору триумфального восхождения Сталина. "Сталинская конституция, — пишет Стронг, — была нарушена уже тогда, когда она еще писалась... Конституция СССР была нарушена ее автором — Сталиным"[26]. Он говорил о правах людей, а сам попирал их. Сталин был циничным прагматиком. Выступая 19 февраля 1933 года на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников, Сталин с пафосом говорил о том, как "сделать всех колхозников зажиточными". Рецепт предлагался простой (его и потом долгие годы использовали): "Если мы будем трудиться честно, трудиться на себя, на свои колхозы, — то мы добьемся того, что в какие-нибудь 2 — 3 года поднимем всех колхозников, и бывших бедняков, и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь"[27]. А как он относился к тому, кто действительно умел "трудиться на себя", трудиться самоотверженно? Они все, без всякой дифференциации, без приобщения к кооперации, без экономического "пристегивания" к новым процессам на селе, были обречены на "ликвидацию". Месяцем раньше, выступая на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), Сталин так обрисовал ситуацию: "Кулаки разбиты, но они далеко еще не добиты. Более того, — они не скоро еще будут добиты, если коммунисты будут зевать и благодушествовать, полагая, что кулаки сами сойдут в могилу..."[28]

Циничный прагматизм: ликвидировать "зажиточных" и призывать становиться "зажиточными". Таков дуализм, когда он является чертой мировоззрения. Сталин часто говорил одно, рассчитанное на "широкое потребление", а делал другое. Любил говорить о "культурной и веселой" жизни и варварски подвергал террору целые слои общества. Сталинщина постепенно утвердилась в однодумстве, головотяпстве, казенщине, безынициативности, подозрительности, нетерпимости. Самое печаль-

ное, что многие из этих проявлений не просто были декором, внешним выражением главного инструмента власти Сталина — аппарата, а стали частью облика многих людей, их мироощущения; они живы и по сей день.

Сталинизм дал субъективно искаженный ответ на вопросы, которые после Ленина история поставила перед первой страной социализма. Теория и практика сталинизма, основанные на силе, команде, однодумстве, исторической безапелляционности, затормозили реализацию и достижение социалистических идеалов. И самая глубинная порочность сталинизма заключается в том, что не человек как таковой стоит в центре устремлений общества, а государство как машина, которая возвеличивает одного человека. Гуманистическая сущность ленинизма в сталинских "преобразованиях" была утрачена. Место человека занял безликий аппарат. Характерно, что это замечалось давно. Ставший на позиции антисоветизма бывший коммунист Виктор Серж в своей книге "Судьба одной революции. СССР 1917 — 1936" писал, что Сталин создал государство, "для которого человек ничего не значил"[29]. Сегодня мы видим, что подобные тезисы, которые нам раньше казались еретическими, близки к истине. Борис Суварин в своей книге "Сталин" отмечает, что уже "через пять лет после смерти Ленина сталинская концепция социализма по своей сущности уже многое утратила благодаря быстрому обюрокрачиванию партии, государства, всех институтов"[30]. Эти люди знали сталинизм изнутри. Неприятие сталинизма привело их на диаметрально противоположные социализму позиции. Но отдельные их суждения, анализирующие феномен сталинизма, не лишены проницательности.

Сталин и сталинизм считали естественным культ государственного насилия. Но еще Гегель заметил, что "судьба располагает большей сферой действия, чем наказание..."[31]. Впрочем, Сталин Гегеля не осилил... "Вождь" никогда не мог и подумать, что его детище — сталинизм когда-то окажется на обочине истории.

Мумии догматизма

Иосиф Джугашвили, будучи способным учащимся духовного училища, а затем и семинарии, быстрее других схватывал постулаты догматического богословия. Как и любое знание, богословие, вопреки сложившемуся у нас пред-

ставлению, несет немало полезной информации: исторической, социальной, нравственной. Джугашвили же в богословии нравилась сама "упаковка" знаний, их систематизация, даже известная гармоничность. Он, пожалуй, мало верил в содержание многих догматов; они часто казались ему наивными, но вместе с тем в них было нечто такое, что перебрасывало мостик в светскую жизнь. Это "нечто" — взаимосвязь знаний и веры.

В писаниях Климента Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Григория Нисского и других богословов, книги которых в свое время читал молодой семинарист, его больше всего занимала идея: нет веры без знания, как и знания без веры. Формула взаимосвязи веры и знания представала обычно в его сознании таким образом: вера предшествует знанию, знание следует за верой. Учитель богословия, помнится, внушал: "Всякий человек по природе своей догматик, ибо верит в возможность нахождения истины до тех пор, пока не убедится в тщете своих усилий. Ведь истина-то и заключается в вере", — резюмировал наставник.

Больше других будущему "вождю" почему-то нравились богословские сочинения Хомякова и книга Сильвестера, ректора Киевской духовной академии, "Опыт православного догматического богословия (с историческим изложением догматов)", где утверждалось, что в Священном Писании есть истины, которые церковь должна признавать повсюду и всегда.

Все это осталось где-то далеко-далеко позади, за многими перевалами жизни. "Символы веры" как-то незаметно растворились в повседневности светского бытия, и Джугашвили-Сталин еще до революции едва ли смог бы сказать что-то внятное о богосознании, о притчах Соломоновых, откровении Иоанна Богослова или послании Иуды. Все это неумолимо унесено временем, и иногда не верилось, что он мог стать священником. Но что-то неуловимое в сознании осталось. Сталин всегда верил в то, что существуют некие доктрины, которые имеют значение неоспоримой истины. Мы тоже, пожалуй, верим и даже убеждены в этом. Но Сталин, став тем, кем он стал, был склонен абсолютизировать эти истины, особенно если они принадлежали ему. У меня есть большие сомнения в том, что он верил всему тому, что утверждал сам. Но этому верили другие. Сегодня мы это знаем точно.

О догматизме сталинского мышления я уже говорил раньше. Меня интересует догматизм как один из устоев сталинизма, его важнейший атрибут, способный постепенно завести обще-

ствоведение, а затем и общество, в теоретический и духовный тупик. Сталин обладал огромной способностью омертвлять те или иные положения марксизма и превращать их в мумии застывшей, искаженной истины. В этом он был непревзойденный мастер.

Например, Сталин где только мог пропагандировал свое понимание "окончательной победы социализма". Используя ленинские идеи о наличии всего необходимого для построения социализма в нашей стране, Сталин в своем труде "К вопросам ленинизма" неоднократно цитировал "модификации" своих определений. Наконец, он привел основную дефиницию: "Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала"[32]. Но чтобы показать абсолютную верность, безошибочность собственной формулы, Сталину нужно было продемонстрировать, насколько неверно понимают этот вопрос его оппоненты. Для этого он процитировал Зиновьева: "Под окончательной победой социализма следует понимать, по крайней мере: 1) уничтожение классов и, стало быть, 2) упразднение диктатуры одного класса, в данном случае диктатуры пролетариата... Чтобы еще точнее уяснить себе, как стоит вопрос у нас в СССР в 1925 году, надо различать две вещи: 1) обеспеченная **возможность** строить социализм, — такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может мыслиться и в рамках одной страны, и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т.е. осуществление социалистического строя, социалистического общества"[33].

Все последующие рассуждения Сталина посвящены попытке доказать, что Зиновьев — маловер и капитулянт. Сталину могли бы позавидовать схоласты в его изощренности выискивать слабые места, не отвечающие его ортодоксии. В свое время средневековый теолог Фома Аквинский видел одну из главных проблем познания в том, совершается ли божественная деятельность на основе свободы воли бога или в основе этой деятельности лежит божественный разум, которому подчинена и его воля. Схоласты могли десятилетиями спорить, что выше: внутренний "свет" разума или "свет благодати" и "Священного Писания". Сталин не опускался до выявления таких "мелочей"; он искал всех тех, кто не верит в построение социализма. Но поскольку никто не выступал против его создания и не возражал в принципе против этой возможности, для

генсека особую важность приобретали оттенки, нюансы, тонкости. И здесь Сталин проявлял всю изощренность и в то же время догматичность своего ума. Заострение внимания на грехах оппозиционеров — Сталин это заметил — всегда производило впечатление на слушателей и читателей. Сталин в данном случае это и сделал:

— Строительство на авось, без перспективы, строительство социализма при невозможности построить социалистическое общество — такова позиция Зиновьева. Но это ведь издевка над вопросом, а не разрешение вопроса!

Но читатель может убедиться, что Зиновьев высказывал лишь сомнения, от которых, впрочем, скоро освободился. Он слишком увязывал судьбы русской революции с международными делами; это и понятно, ведь он был председателем Исполкома Коминтерна!

— Капитуляция перед капиталистическими элементами нашего хозяйства, — распалялся дальше Сталин, — вот куда приводит внутренняя логика аргументации Зиновьева.

Но ничего подобного Григорий Евсеевич и не думал говорить! Он просто говорил о возможности как потенции и ее противоположности. Однако Сталин пошел еще дальше:

— Не надо было брать власть в октябре 1917 года — вот к какому выводу приходит внутренняя логика аргументации Зиновьева, — резюмировал Сталин.

Партия критиковала "новую оппозицию" за ряд ошибочных выводов, но это не давало оснований для того, чтобы Сталин поставил Зиновьева (а заодно и его сотоварищей) по другую сторону политической баррикады. Сталин не мог (и не хотел) понять, что многие неточные, а порой и ошибочные высказывания делались в пылу полемики, яростного спора и диктовались желанием Зиновьева раздуть затухающий пожар мировой революции. Да, Зиновьев, целиком отдаваясь работе в Коминтерне, часто абсолютизировал свои оценки. Для Сталина же эти "вывихи" были не просто объектом товарищеской критики, а поводом для того, чтобы "бить", "громить", "ликвидировать".

Несогласие с теоретическими установками Сталина уже в середине 20-х годов квалифицировалось как "враждебное отступление" от марксизма. В последующем даже намек на несогласие с диктатором кончался трагически. Это можно расценить как теоретическое диктаторство; впрочем, еще Ницше назвал таких людей "тиранами духа". В одной его работе приводятся довольно любопытные размышления по этому поводу.

"Тираны духа" осуществляют насилие, писал Ницше, "верою в то, что человек обладает истиною, но вместе с тем никогда еще не проявлялись с такой силою свойственные подобной вере жестокость, своеволие, деспотизм и злоба"[34].

Сталинский догматизм, наложивший свою диктаторскую печать на общественную мысль, был воинственным, упорствующим, беспощадным. Ему помогали в этом его идеологические оруженосцы Жданов, Суслов, Поспелов, Митин, другие "рыцари" догматизма. Особую изощренность в этом деле проявлял М.А. Суслов, настоящий идеологический инквизитор, который сумел и после Сталина на долгие годы сохранить теоретические исследования в состоянии застоя. Опуская везде свой идеологический шлагбаум, консервируя сталинизм, Суслов являлся генератором дуализма, теоретического лицемерия. Выступая, например, на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук (1962 г.), секретарь ЦК Суслов провозглашал: "Догматизм — наиболее опасная форма отрыва теории от практики. Под личиной мнимой верности марксизму-ленинизму догматизм, левый оппортунизм наносят большой вред революционной теории и практике, социализму. Попытки укрыться от жизни под ворохом цитат означают неумение или нежелание оценить новую историческую обстановку, творчески применять и развивать в новых, изменяющихся условиях великие принципы марксизма-ленинизма"[35]. Такие выученики Сталина, как Суслов, были мастерами мимикрии; безжалостно изгоняя живую мысль, новаторство, попытки осмыслить новые процессы, они прикрывали свое догматическое ретроградство реверансами в сторону диалектики, "живой души марксизма".

Превращая истины в мумии, сталинизм утвердил и такую черту догматизма, как выборочность использования тех или иных положений марксизма. Бесспорно, сама теория научного социализма, работы основоположников марксизма-ленинизма, их выводы подвержены испытанию временем, как и любая теория. Ведь еще К. Маркс говорил: "Мы выступаем перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней!"[36] Некоторые положения, сформулированные классиками, должны рассматриваться лишь применительно к своему времени. Это естественно. Но даже те выводы, которые могут устареть или быть неадекватными нашему сегодняшнему пониманию, мы обязаны уважать и знать. Ведь сейчас никому не придет в голову прекратить печатать те работы классиков, где говорится, допустим, о диктатуре пролетариата. Однако

Сталин лично определял, что можно, а что нельзя публиковать из теоретического наследия основоположников марксизма. В фонде Сталина есть много записок с просьбами разрешить предать гласности то или иное письмо Ленина, фрагмент рукописи Маркса или Энгельса. Вот примеры. В июне 1939 года к Сталину обращается М.Б. Митин — директор Института Маркса — Энгельса — Ленина: "Прошу разрешить в очередном номере "Большевика" публикацию двух прилагаемых при сем писем В.И. Ленина к Инессе Арманд". Резолюция предельно лаконична: "Не возр. *Ст.* "[37].

Но институт не всегда получал такое разрешение. Жданов, Митин и Поспелов представили Сталину статью Энгельса "О внешней политике русского царизма", засомневавшись в целесообразности ее публикации. "Вождь" внимательно изучил написанное Энгельсом и сделал на полях пометки следующего содержания: "завоевательные мерзости — не монополия русских царей"; "переоценка роли внешней политики России"; Энгельс, "атакуя внешнюю политику царизма, решил лишить ее всякого доверия в глазах общественного мнения Европы". Затем сделал общее резюмирующее заключение: "Стоит ли после всего сказанного печатать статью Энгельса в нашем боевом органе, в "Большевике", как статью руководящую во всех случаях, или статью глубоко поучительную, ибо ясно, что напечатать ее в "Большевике" — значит дать ей молчаливо такую именно рекомендацию. Я думаю, что не стоит. *И. Сталин.* 15.VII.1940 г."[38].

Поэтому неудивительно, что целый ряд ленинских документов не публиковался в течение целых десятилетий. Сталин до конца своих дней держал "взаперти" многие ленинские мысли и идеи. Догматизм признает лишь то, что прямо подтверждает его положения, и отвергает то, что противостоит ему. Это видел еще Гегель: догматизм, писал он, "в более узком смысле состоит в том, что удерживаются односторонние рассудочные определения и исключаются противоположные определения"[39]. Даже "левые фразы", к которым часто любил прибегать Сталин, не могли скрыть его линию на консервацию нужных ему теоретических положений марксизма и умолчание тех, которые ему казались сомнительными. Это естественно для догматического мышления: ведь оно всегда считает себя безгрешным.

Подлинной энциклопедией догматизма, сборником мумий полуистин и антиистин стал пресловутый учебник "История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс", вышедший более чем 300 изданиями тиражом около

43 миллионов экземпляров! Этот сборник догматов-мумий стал таким же обязательным для взрослого населения страны, как Коран для мусульманских фундаменталистов. Однако историей уже давно доказано, что сознание является самой независимой от власти сферой. Ереси, сомнения, инакодумство рождаются в значительной мере в результате насилия над сознанием, попыток жестко управлять им или держать в заточении.

В самом начале века знаменитый (но по воле Сталина надолго вычеркнутый из истории отечественной общественной мысли) философ В.С. Соловьев опубликовал статью с красноречивым названием "Руководящие мысли". В ней он подверг научной критике статьи профессора Петербургского университета Н.И. Кареева, напечатанные в сборнике "Историческое обозрение". Кареев пытался указать историкам не только как следует писать историю, как ее изучать, но и как понимать. Соловьев с присущим ему интеллектуальным изяществом показал несостоятельность притязаний автора давать рекомендации, как понимать прошлое. Но куда Карееву до Сталина! Его "руководящие мысли" становились абсолютно обязательными для всех, по крайней мере, на словах! Отмечу при этом, что подавляющая часть населения имела уже столь деформированное сознание, что слепо верила "вождю": понимать историю могли только по-сталински.

Я ниже постараюсь показать подлинную роль "Краткого курса" в жизни нашего общества. Сейчас же хотелось бы напомнить, что догматический ум Сталина, абсолютизировав значение борьбы партии внутри страны с бесчисленными "врагами", создал искаженный облик прошлого. Конечно, борьба в партии была. И часто — ожесточенная. Это закон диалектики. Но в истории партии Сталин ничего не увидел, кроме борьбы и подлости: коварства меньшевиков, капитулянтства ликвидаторов, антисоветизма троцкистов, политического двурушничества своих бывших соратников. Можно даже подумать, по Сталину, что фактически, кроме него самого и группы его сторонников, вся старая партийная "гвардия", говоря его словами, — "изверги из бухаринско-троцкистской банды". Одни подзаголовки 12 глав "Краткого курса" говорят о многом. История, по мысли "вождя", — это бесконечные враждебные вылазки одних и решительные, мудрые действия других, ведомых Сталиным. "Раскольнические действия меньшевистских лидеров", "Разложение в оппозиционных слоях интеллигенции", "Усиление активности троцкистов", "Разгром троцкистско-зиновьевского

блока", "Политическое двурушничество", "Ликвидация кулачества как класса", "Ликвидация остатков бухаринско-троцкистских шпионов"...

Группа историков — Кнорин (правда, "дело" он не закончил — был арестован), Поспелов, Ярославский — в соответствии с решением Политбюро от 16 апреля 1937 года всецело сосредоточилась на написании книги. В ее основе лежала разработанная Сталиным схема периодизации истории партии, а также определение им ее сути как "борьбы большевиков с антибольшевистскими фракциями"[40]. Сталину последовательно направлялись отдельные главы, несколько макетов книги. Почти каждую главу "вождь" решительно "доворачивал" в сторону основной идеи: история партии — это история ее внутрипартийной борьбы. Во главе ее стоял верный соратник и продолжатель дела Ленина — Сталин. Несмотря на большую занятость другими делами, Сталин, судя по замечаниям в различных вариантах будущей книги, долго сам сидел над "историей". Он хорошо знал: это будет один из самых важных механизмов его длительного влияния на сознание миллионов людей.

Сталин, прочитав очередной переработанный текст "Краткого курса" (а их было несколько, пока он одобрил тот, который впоследствии и изучали десятки миллионов людей), и сам не мог не заметить, что история партии выглядит как рыцарское ристалище, где не прекращаются батальные схватки его "ордена" с несметными полчищами врагов. Подумав и решив обезопасить свою концепцию партийной истории от возможной критики в будущем (в настоящем это было исключено), Сталин продиктовал ряд положений, которые после редактирования стали выглядеть так:

"Может показаться, что большевики слишком много времени уделяли делу борьбы с оппортунистическими элементами в партии, что они переоценивали их значение. Но это совершенно неверно. Нельзя терпеть в своей среде оппортунизм, как нельзя терпеть язву в здоровом организме. Партия есть руководящий отряд рабочего класса, его передовая крепость, его боевой штаб. Нельзя допускать, чтобы в руководящем штабе рабочего класса сидели маловеры, оппортунисты, капитулянты, предатели. Вести смертельную борьбу с буржуазией, имея капитулянтов и предателей в своем собственном штабе, в своей собственной крепости, — это значит попасть в положение людей, обстреливаемых и с фронта и с тыла. Не трудно понять, что такая борьба может кончиться лишь поражением. Крепости легче

всего берутся изнутри"[41]. Такова "фронтовая" точка зрения Сталина и сугубо военная терминология.

За заголовками "курса" стоит мумифицированная история, длинный перечень догм. В конечном счете все они должны подчеркнуть одну из главных идей сталинизма: все решается наверху. Привычные слова — "указание товарища Сталина", затем Хрущева, Брежнева — означали: не сомневаясь исполнять распоряжение сверху. Власть всегда права. Вождь не ошибается. Даже самодержцы не требовали такого бездумия.

Реальные события и факты в "Кратком курсе" сплошь и рядом перемежаются высохшими мумиями сталинских представлений. Вот лишь некоторые из них.

Одна из таких мумий догматизма — абсолютизация революционных скачков и принижение роли реформ. "Чтобы не ошибиться в политике, надо быть революционером, а не реформатором". Такая мировоззренческая и методологическая установка оправдывала волюнтаризм, силовые решения, заранее давала право "вождю" на любые радикальные шаги, которые он считал нужными. Такой, например, как переход "к политике ликвидации, к политике уничтожения кулачества, как класса". "Революционный", скачкообразный волюнтаризм Сталина был освящен "Кратким курсом", как высшая марксистская истина. Сами слова "реформа", "эволюция" были синонимами враждебного, чуждого, уцененного историей.

Еще одна мумия догматизма — утверждение о том, что экономика СССР это вершина совершенства в сегодняшнем мире. В нашей стране, провозглашал "Краткий курс", производственные отношения "находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил... поэтому социалистическое производство в СССР не знает периодических кризисов перепроизводства и связанных с ним нелепостей". Что касается "нелепостей" перепроизводства, то, действительно, Сталин приложил свою руку к тому, чтобы этого никогда у нас не было. Однако перманентное состояние нехваток, унизительного товарного дефицита, низкого качества продукции, производства, ориентированного лишь на количественные показатели, возводились в ранг закономерности.

Можно перечислить множество подобных мумий догматизма, но я назову еще лишь одну. Сталину удалось (и это неоднократно подчеркивалось в "Кратком курсе") создать устойчивое впечатление, нет, скажу сильнее — сформировать мировоззренческую установку у советских людей, что все неудачи, провалы, трудности связаны лишь с деятельностью многочисленных

"врагов народа", от которых наконец начали решительно и широко избавляться с 1937 года. "Краткий курс" не скупится на эпитеты в адрес старых коммунистов, "ленинской гвардии", творцов Октября: "банда врагов", "подонки человеческого рода", "троцкистско-бухаринские изверги", "белогвардейские пигмеи и козявки", "ничтожные лакеи фашистов" и т.д. Обязательный для всех учебник наставлял миллионы большевиков и беспартийных: "Нужно, чтобы члены партии были знакомы не только с тем, как партия боролась и преодолевала кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов, но и с тем, как партия боролась и преодолевала троцкистов, "демократических централистов", "рабочую оппозицию", зиновьевцев, правых уклонистов, право-левацких уродов и т.п. Нельзя забывать, что знание и понимание истории нашей партии является важнейшим средством, необходимым для того, чтобы обеспечить революционную бдительность членов партии"[42]. Главному творцу "энциклопедии марксистских знаний" требовалось, чтобы все жили в напряжении, ожидании вылазок врага, постоянной настороженности по отношению к окружающим, сослуживцам, коллегам: "враг не дремлет!".

Помимо тех общих параметров, которые были заданы авторам "Краткого курса" в 1937 году в письме "Об учебнике истории ВКП(б)"[43], Сталин позаботился и о максимальной антитроцкистской направленности "труда". Где только можно в текст "внедрялся" Троцкий. Например, в фрагменте: "Как установлено т**еперь** процессом антисоветского "правотроцкистского блока" **в 1938 году,** мятеж "левых" эсеров был поднят с ведома и согласия Бухарина и **Троцкого** и являлся частью общего плана контрреволюционного заговора бухаринцев, троцкистов и "левых" эсеров против Советской власти", — выделенные слова вписаны сталинской рукой[44].

Всем содержанием "труда" люди готовились, воспитывались на том, чтобы смотреть на окружающий мир глазами Сталина, видевшего едва ли не в каждом третьем гражданине Отечества "сомнительного субъекта", "двурушника", "притаившегося врага". Замечу вместе с тем, что "Краткий курс" был достаточно популярен в стране не только потому, что пропагандистский аппарат в духе указаний Сталина сделал его "главной книгой" общества на многие годы, но и потому, что ее предельно примитивное, схематическое изложение импонировало многим людям, все больше привыкавшим к тому, что за них думают, и довольствовавшимся этой убогой духовной пищей.

Догматические мумии оказались очень доступными и

понятными (за исключением второго параграфа четвертой главы). Не нужно было рыться в первоисточниках, литературе, а главное — не нужно напряженно размышлять: все разложено по политическим нишам, все действующие лица окрашены в соответствующие цвета (а их, этих цветов — здесь лишь два), везде даны ясные однозначные оценки. По предложению Сталина авторы позаботились, чтобы каждая глава завершалась "Краткими выводами", написанными в стиле политических инструкций. Остается лишь заучить "разжеванные положения". Такая книга стала основным орудием активного насаждения догматического мышления в партии и стране. Так, мумии-антиистины перекочевывали из книги в общественное и индивидуальное сознание. Отныне вся система политического образования и партийного просвещения на долгие годы была основана на "Кратком курсе", доносившем до сознания миллионов людей грубо деформированные фрагменты ленинизма. Едва ли стоит удивляться, что и сегодня так много приверженцев "вождя"! "Краткий курс" сыграл здесь не последнюю роль.

По сути, кроме узкого круга людей — ученых, интеллигентов, — поколения 30-х и 40-х годов не знали подлинного Ленина, его работ. Зато "Краткий курс", чьим автором скоро стал считаться сам "вождь", был буквально "нафарширован" сталинскими цитатами. Например, последние три главы "курса", объемом немногим более семидесяти страниц, содержат более шести десятков (!) упоминаний, цитат, "выводов" Сталина. Сам автор "Краткого курса" сделал себя и главным его "героем". Выступая 1 октября 1938 года перед пропагандистами Москвы и Ленинграда в связи с выходом "труда", Сталин проводил свою магистральную мысль: без учеников Ленина (конечно, "вождь" имел в виду лишь себя), которые били в "одну точку", он не уверен, была ли бы Советская власть. Рекомендовал изучать "Краткий курс" вместе с "книгой товарища Сталина "Об основах ленинизма", которая дает все основное". "Краткий курс" Сталин назвал "манифестом — песнь песней марксизма". Учитывая состав совещания, не преминул предупредить, что мы "часть интеллигенции не воспитывали; ее завлекли в свои сети иностранные разведки. Это добыча иностранных разведок"[45]. Наставляя пропагандистов, как использовать "манифест", Сталин одновременно предостерегал от вольнодумства, которое может кончиться лишь сетями "иностранных разведок". Отныне "Краткий курс" стал сталинским цитатником, по которому проверялась ортодоксальность и политическая надежность каждого.

Подобная идеологическая пища, догматическая и антиисторическая по своему содержанию, вела к духовному обнищанию, теоретическому упрощению и примитивизму. Сталин удобрил почву для взращивания обширной прослойки элементарно мыслящих людей, из которых непрерывно рекрутировались карьеристы, доносчики, ревностные службисты, бездумные исполнители. Именно эта прослойка пополняла бюрократический аппарат, карательные органы, ряды функционеров разных уровней. Маленков, как свидетельствует его архивный фонд, пропустил "через себя" многие тысячи людей, назначавшихся на партийную работу (выбирали на пленумах автоматически), в органы внутренних дел, аппарат министерств. Критерием идейной, теоретической зрелости служили отсутствие "компроматов" со стороны "органов" и работа над сталинской "настольной книгой". Некоторых людей вызывали в Москву для беседы. Сам Маленков, с одутловатыми щеками, важный, развалившись в кресле, или чиновник по его указанию среди задаваемых вопросов обязательно подбрасывали и один-два из "Краткого курса" или других сталинских работ:

— Какой уклон является главным, наиболее опасным? (Тут был подвох; не всем удавалось вспомнить, что Сталин учил: главный уклон тот, с которым перестали бороться.)

— Когда и где товарищ Сталин сказал: "Кадры решают все"?

И другие подобные "премудрости".

Идейного заряда "Краткого курса" хватило более чем на десятилетие. До войны сталинский цитатник господствовал в общественном сознании не только потому, что этого добивались пропагандисты, но и потому, что миллионы людей, повторю еще раз, как бы увидели в одной книге предельно сжатое и доступное изложение целой эпохи. Большинство не понимало, что портрет времени, набросанный в "Кратком курсе", был до предела искажен. Насаждение догматического мышления в стране осуществлялось всей системой политического воспитания. Наиболее заметными проводниками сталинской линии в этом вопросе были А.А. Жданов, после его смерти М.А. Суслов.

Жданова Сталин заметил давно. Конечно, многое о нем "вождь" узнал позже, когда молодой секретарь Нижегородского губкома партии в 1925 году вошел в состав ЦК (кандидатом в члены). В 1929 году Сталин пригласил секретаря Горьковского крайкома партии (город к этому времени уже переименовали) к себе в Кремль на беседу. Тридцатитрехлетний крепыш

произвел на генсека хорошее впечатление. Расспросил о положении в Горьком, о настроении людей, о том, как в городе отнеслись к высылке Троцкого, исключению из партии и ссылке большой группы его сторонников. Попутно поинтересовался, кто из родных Жданова живет сейчас в его родном городе Мариуполе, поддерживает ли он связь с Шадринском, где началась его партийная карьера в годы гражданской войны. Жданов, удивившись про себя осведомленности генсека, коротко и толково обо всем доложил, с оптимизмом оценил перспективы начала колхозного движения в крае, заявил о стремлении большевиков краевой организации досрочно выполнить пятилетний план. Попрощались. Сталин что-то пометил в своей загадочной тетради. Умные глаза, интеллигентен, ничего не попросил, как бывает в таких случаях (машин, людей, дополнительные ассигнования). Оценка молодым секретарем перспектив колхозного движения и необходимости ударного развития промышленности удивительно совпали с тем, что думал об этом сам Сталин.

А Жданов, вернувшись в Горький, поинтересовался, где должна состояться ближайшая по срокам партийная конференция. Оказалось — в Сормовском районе. Поехал и выступил там с докладом, уделив главное внимание тем выводам и указаниям, которые получил во время беседы от Сталина. Особо обратил внимание партийцев, что еще не все сторонники Троцкого разоружились, призвал к бдительности[46]. В следующем году, на XVI съезде партии Жданов избирается уже членом ЦК. Затем карьера его стала еще более стремительной. В 1934 году Жданов после убийства Кирова возглавил Ленинградскую партийную организацию и одновременно стал секретарем ЦК ВКП(б). С февраля 1935 года — кандидат в члены, а с 1939 года — член Политбюро. Был близок лично к Сталину; одно время даже породнился, когда его сын Юрий женился на дочери Сталина Светлане. Но брак был непрочным. Сталин был доволен Ждановым и как членом Военного совета Ленинградского фронта. В 1944 году по инициативе Верховного Жданову присваивают звание генерал-полковника. В то время лишь единицы среди политработников удостаивались этого высокого звания.

В конце войны Сталин испытал Жданова, если так можно сказать, на военно-дипломатическом поприще, когда тот вел дела с финнами, после того как в 1944 году с ними было заключено перемирие. В архиве Жданова сохранился ряд телеграмм Сталину. Вот одна из них:

"Товарищу Сталину И.В.
Товарищу Молотову В.М.

Сверхмолния

Сегодня, 18 января 1945 года был у Маннергейма. Встреча проходила один на один и продолжалась около 2-х часов. Маннергейм сказал, что после многих лет вражды наступило время произвести коренной поворот в отношениях между нашими государствами. Военные оборонительные линии против СССР, я убедился, бесполезны, если нет хороших отношений. В 39 году Маннергейм, как он заявил, не хотел войны, как и войны 41 — 44 годов, в благоприятном исходе которой сомневался еще до ее начала. Выразил согласие на сотрудничество по береговой обороне, а на суше будет защищать страну один. Спросил, есть ли типовые договора? Я сказал, как будто есть, например с Чехословакией. Прошу указаний.

А. Жданов".

Ответил члену Политбюро не Сталин, а Молотов. Ответил жестко: "Вы забежали вперед. Заключение пакта с Маннергеймом подобного тому, как мы заключили с Чехословакией, — это музыка будущего. Надо вначале восстановить дипломатические отношения. Не пугайте Маннергейма радикальными предложениями. Выясните лишь его позицию. *Молотов*".

Через день Жданов снова докладывает Сталину: "Вновь был у Маннергейма. Я сказал, что заключение пакта подобного чехословацкому — "музыка будущего", после восстановления дипломатических отношений. Маннергейм ответил, что он понимает: Финляндия как страна находится под надзором и пока не может иметь другой тип отношений с СССР. Было видно, как он разочарован". Далее следовали конкретные вопросы по линии Союзной контрольной комиссии[47]. Сталин утвердил предложения советской стороны, подумав, возможно, что после войны можно будет использовать Жданова при решении и международных вопросов. К слову говоря, именно Жданов по поручению Сталина занимался делами Коминформбюро.

Зачем я делаю такие большие отступления? Чтобы показать: Сталин все время проверял людей, на которых делал ставку. Иногда — проверял долго, порой всю жизнь. Но не прощал ни одного крупного промаха. Жданов всегда оправдывал доверие Сталина, хотя, как знать, если бы не его скоропостижная смерть в возрасте 52 лет в августе 1948 года, не захватил бы и его ленинградский смерч? Его сын Юрий Андреевич Жданов считает, что Сталин в конце жизни отца так же к нему остыл, как вначале к Вознесенскому, Кузнецову, а несколько позже и к

Молотову. Но что касается охлаждения Сталина к Жданову, то это предположения, основанные лишь на ряде косвенных доказательств.

Работая с 1944 года непосредственно в ЦК ВКП(б), Жданов показал себя жестким, безжалостным куратором идеологии и культуры. Догматизм насаждался не просто путем обожествления "теоретического гения вождя", он утверждался в сознании целой системой запретов: что можно и что нельзя показывать кинематографу, театру, сочинять писателям, музыкантам, писать философам и историкам... На каждом шагу были бесчисленные табу. Жданов их умело расставлял, чем оправдывал доверие Сталина. Духовная жизнь после войны также быстро закоченела, не успев оттаять после 1937 — 1938 годов. В ней появились свои многочисленные мумии догматизма.

В сборнике исторических рассказов и воспоминаний, изданном в 1979 году в Париже, приводятся впечатления очевидца, присутствовавшего в августе 1946 года в Смольном на докладе Жданова о журналах "Звезда" и "Ленинград". Приведу фрагмент воспоминаний, подписанных инициалами Д.Д.

"Докладчик вошел с правой стороны, за спиной публики, сопровождаемый большой группой людей. В руке у него была папка. При электрическом освещении волосы ярко блестели. У него был вид человека, хорошо поспавшего и принявшего ванну. Все встали. Раздались аплодисменты. Докладчик подошел к трибуне. Было пять вечера. Как обычно был предложен президиум из видных деятелей литературы. Даже чуть-чуть посмеялись, потому что писатели забыли предложить в президиум собственного секретаря Прокофьева. Докладчик улыбнулся и вполголоса пошутил. В зале быстро установилась тишина. Докладчик минуту помолчал и стал говорить. Через несколько минут установилась невероятная тишина. Зал онемел и окаменел. Его все более замораживало и за три часа он превратился в твердую белую глыбу. Доклад ошеломил. Люди расходились молча"[48]. Таким был Жданов, один из высших интеллектуальных надсмотрщиков Сталина, хранитель его идеологических мумий.

Суслова многие в партии, кто знал его действительную роль, называли "серым кардиналом". Он и Маленков были одними из основных жрецов аппаратной работы. Сталин в полной мере оценил его (как и Шверника) после своего 70-летнего юбилея. Все было организовано, по мнению "вождя", превосходно. Идеологическая сторона юбилея была в основном за Сусловым. Думаю, лучше всего могли бы характеризовать Су-

слова его собственные высказывания, допустим, о Сталине и Хрущеве. Высказывания до их смерти или смещения и после. Я не собираюсь приводить эти диаметрально противоположные, как будто принадлежащие совершенно разным людям суждения. Словом, Суслов никогда не отличался принципиальностью в том, что касалось "вождей". Молился лишь тому, кто был у руля, и безжалостно топтал ушедшего.

Худой, болезненного вида человек, ходивший всегда в поношенном костюме, он тем не менее более других ценил жизненные блага. У Суслова было ярко выраженное "шлагбаумное" мышление: не пускать, не разрешать, не позволять, не потакать. Его побаивались не только люди среднего уровня, но и находившиеся рядом с ним. Тридцать пять лет, начиная с 1947 года, он в качестве секретаря Центрального Комитета заправлял идеологией. Этот человек сделал очень многое для цементирования догматизма в отечественном обществоведении не только при Сталине, но и после него. Главный идеолог партии, однако, не смог за десятилетия своей работы в ЦК выдвинуть хоть сколько-нибудь запоминающуюся, свежую идею или концепцию. Этот человек всю жизнь был хранителем догм сталинизма, а затем, формально отринув Сталина, не переставал всемерно способствовать консервации его старых мифов. Именно Суслов до самой смерти Сталина был одним из самых рьяных пропагандистов сталинских работ, "Краткого курса", который незаметно, несмотря на все усилия, терял свою "идеологическую силу".

После войны постепенно стало ясно, что этот "шедевр" исчерпал возможности для идеологического воздействия на людей. Началась не просто стагнация, а широкое омертвление обществоведения. Сталин сделал новые инъекции с помощью своих брошюр "Марксизм и вопросы языкознания" и "Экономические проблемы социализма в СССР". Реагируя на многочисленные письма, вызванные, в частности, первой работой, некоторые из ответов Сталин по своему обыкновению предал гласности. В "Ответах товарищам" Сталин подчеркивал, что "марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма"[49]. Нельзя не согласиться, что марксизм враждебен догматизму. Но в данном случае Сталин, естественно, отождествлял свое "учение" с марксизмом. Новые работы Сталина, которые, кстати, писали ему крупные ученые, а он лишь придавал им типично сталинский вид, так же глубоко и

безнадежно догматичны, как практически и все написанное им ранее.

Справедливости ради скажу: после Ленина Сталин был одним из тех немногих руководителей, который обычно сам работал над своими статьями, речами, книгами (за исключением последних). Сейчас я не касаюсь их содержания. Правда, есть подозрения, что в ряде случаев он заимствовал идеи, положения для "Основ ленинизма", "К вопросам ленинизма" у других лиц. Но, повторю, свои работы Сталин, как правило, писал сам. В дальнейшем эта традиция была утрачена: в какой-то мере Хрущев, но особенно Брежнев и Черненко лишь "озвучивали", и то не всегда внятно, написанное другими. В Соединенных Штатах, например, известны фамилии спичрайтеров, готовящих речи президентам. В этом, видимо, нет ничего предосудительного. Но когда люди начинают издавать многочисленные тома своих сочинений, едва ли даже их прочитав?! Думаю, Брежнев, например, не только ничего не писал сам, но и никогда не читал своих трудов, заключенных в обложки величественных фолиантов. Он не понимал, что "его" многочисленные тома — письменные памятники его тщеславию и посредственности.

Попытка Сталина оживить в конце своей жизни закостеневшее обществоведение оказалась запоздалой. Судьба отвела ему для этого слишком мало времени. Что касается работы "Марксизм и вопросы языкознания", то вокруг нее пропагандистская машина еще успела организовать подобающий шум, появились многочисленные публикации, брошюры, циклы лекций, привлекающие внимание к неослабевающей "гениальности" Сталина. Пропагандистам, правда, было трудно вразумительно отвечать на вопрос, почему стареющий "вождь" на склоне лет занялся языкознанием, относительно узкой областью науки. Только специалисты, конечно, могли заметить, что "вождь" явно промахнулся, критикуя довольно одиозные взгляды академика Н.Я. Марра, которые и в среде языковедов не пользовались популярностью. К тому же очень многие знали, что брошюра в значительной степени написана академиком В.В. Виноградовым. Попытки Сталина попутно рассмотреть некоторые методологические вопросы (базис, надстройка, классовость, язык, мышление и др.) выглядят часто не просто примитивно, но и наивно. Вторжение Сталина в весьма специальную область науки не привело, как он ожидал, к заметному оживлению общественных наук, не дало желаемого импульса росту его славы "теоретика".

Более тщательно Сталин готовился к публикации своей экономической работы. И здесь "вождь", как и в предыдущей брошюре, остался верен катехизисному принципу: вопросы и ответы. Вопросы об экономических законах, товарном производстве, законе стоимости и многие другие. Формально труд подготовлен как замечания по экономическим вопросам в связи с ноябрьской дискуссией 1951 года и оценкой проекта учебника политэкономии, который, как я уже упоминал, писал Д.Т. Шепилов с небольшой группой ученых. Сталин был уже стар, и небольшая книжка объемом около 100 страниц, вышедшая в конце 1952 года, за несколько месяцев до его смерти, готовилась другими. Правда, больной "вождь", как всегда, основательно "прошелся" несколько раз по тексту, высказал устные пожелания авторам. Но многие положения брошюры несут отчетливую личную печать догматического мышления диктатора. Например, говоря о колхозном производстве, он по-прежнему упорно выдавал желаемое за действительность. В этом обнаженно проступала полная некомпетентность и абсолютное незнание Сталиным сельского хозяйства. Судите сами. По его настоянию в книжку включен такой фрагмент: "Государство может распоряжаться лишь продукцией государственных предприятий, тогда как колхозной продукцией, как своей собственностью, распоряжаются лишь колхозы. Но колхозы не хотят отчуждать своих продуктов иначе, как в виде товаров, в обмен на которые они хотят получить нужные им товары"[50]. Разве Сталин не знал, что колхозы по-прежнему ничем не распоряжаются, что положение этого подневольного сословия, в которое превратила крестьян сталинская аграрная политика, дошло до черты, за которой была лишь полная безысходность?

Как правило, в старом, традиционном ключе рассмотрены и многие другие вопросы политической экономии, исторического материализма. Вновь видна попытка реанимации давно высохших мумий, сопровождаемая лишь новыми ошибками или повторением давно сказанного. Правда, похоже, что настоящие авторы (вольно или невольно) сыграли со Сталиным злую шутку. Сформулированный ими "основной экономический закон социализма" почти дословно повторяет то, что более полутора десятилетий назад сказал Карл Каутский, которого Сталин презирал как реформиста... Каутский, как и Сталин, определял закон не через прибыль, а через максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества.

Я уже отмечал, что Сталин был исключительно плохим

пророком. Большинство его предсказаний оказались неудачными. Его последняя работа вновь подтвердила эту оценку. Раскрывая вопрос о неизбежности войн между капиталистическими странами, Сталин, по существу, повторил тезисы, которые были актуальны и верны лишь в 30-е годы. Состарившийся "вождь" застыл в своем понимании мира на уровне тех лет. Он категорически заявил, что "неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе", высказав попутно еще более сомнительный и ошибочный тезис о том, что вероятность войны между капиталистическими странами ныне сильнее, нежели "между лагерем капитализма и лагерем социализма".

Сталин, размышляя "по-коминтерновски", явно не понял роль движения сторонников за сохранение мира: возможно, "при известном стечении обстоятльств борьба за мир разовьется кое-где в борьбу за социализм, но это будет уже не современное движение за мир, а движение за свержение капитализма". По существу, Сталин не почувствовал зарождения нового подхода к мировым делам. Возможно, ему (но ведь он "гений"!) было трудно говорить о том, что атомное оружие, которым обладал теперь и Советский Союз, скоро "перерастет" цели, во имя которых оно создавалось. Сталин не смог в дымке грядущего увидеть рубеж, предел, за которым война перестает быть разумным, рациональным средством политики. Наверное, я слишком многого требую от Сталина... Но, повторюсь, ведь все его считали гением! А он вновь вытащил на свет мумии антиистин, которые могли как-то помочь ответить на вопросы еще полтора десятилетия назад, например о том, что закон неизбежности войн остается в силе. Вывод, который он предлагал, мог сделать ветры "холодной войны" еще более ледяными: "чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм". Сталин остался верен себе: чтобы созидать, надо уничтожать.

Догматизм, склонный рассматривать мир и человеческое познание в статике, неизменности, а теоретические положения в вековой застылости, принес нашему обществу множество бед. В теории, социальной жизни, истории господствовал волюнтаризм. Нет, пожалуй, ни одной науки, формы общественного сознания, которые бы ни подверглись догматическим деформациям.

История — особая область, в которой Сталин стремился насаждать стереотипы своего ви́дения прошлого. Что касается истории партии, то это — "два вождя", а затем — он, преем-

ник, "Ленин сегодня". В партийной истории особое место отводилось раскрытию роли Сталина в деле разгрома многочисленных "фракций" и "оппозиций", в индустриализации и коллективизации, построении социализма, победе над фашизмом. Постепенно в партийной истории, как об этом свидетельствуют "Краткий курс", "Краткая биография", другие апологетические работы, никому рядом с "вождем" места не осталось. Даже Ленин, с помощью "личных" историков, был отодвинут в сторону. История партии стала историей свершений одного Сталина. Фальсификации, умолчания, искажение истины стали рассматриваться как вполне допустимые во имя "высших интересов".

Серьезному пересмотру подверглась и история СССР. Характер догматических штампов, насаждавшихся в этой области обществоведения, в известной мере показывает записка Жданова (август 1944 г.) с его замечаниями и проектом Постановления ЦК ВКП(б) "О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР". В своих замечаниях Жданов подвергает резкой критике профессоров Б. Сыромятникова, А. Яковлева, Е. Тарле за то, что они нашли нечто положительное в политике ряда русских царей. Автор записки считал, что не следует давать в исторических учебниках портреты Чингисхана, Батыя, Тимура, Лжедмитрия. Полагал, что присуждение Сталинской премии А. Яковлеву за труд "Холопство и холопы в Московском государстве XVII века" было ошибкой. Но, когда очередь дошла до характеристики царей, к которым, как знал Жданов, благоволил Сталин, в частности Ивана Грозного, тон записки изменился: "Иван Грозный для своего времени был несомненно передовым и образованным человеком и с помощью дворян смог укрепить свою абсолютную власть. Его многочисленные пытки и казни, как и вся деятельность Грозного, была прогрессивной (как "проницателен" автор записки. — *Прим. Д.В.*), способствовала убыстрению исторического процесса и превращению России в мощную централизованную державу"[51]. Такие постулаты Сталину были нужны, это было в его духе.

Опираясь на догматические представления, Сталин произвольно "нарезал" этапы, рубежи движения и развития. Думаю, что, поживи Сталин еще пятилетку-другую (хотя об этом страшно и подумать!), он бы, пожалуй, объявил о построении коммунистического общества как о свершившемся факте, точно так же, как провозгласил полное построение социализма. Его представление о том, что, создав социалистический базис общества, нужно лишь "доделать" надстройку, рождало у людей ощущение, что страна, где еще множество труднейших проб-

лем, где идут кровавые чистки, где все равны в бедности, где все зацентрализовано, — это и есть тот идеал, к которому стремились большевики. Такими утверждениями невольно формировались извращенные взгляды о социализме. Сталин возвел в закон опережение спроса населения по сравнению с производством, дав понять тем самым, что постоянные дефицит и нехватки самого элементарного — закономерность социализма. Догматические взгляды в области права были связаны с упрощенным пониманием существа законности. По Сталину — это лишь неотвратимость кары, подавления, наказания за любые нарушения советских законов. Вопросы правовой культуры, единство прав и обязанностей граждан, подотчетность властей представительным органам власти признавались неактуальными.

В целом общественные науки вынуждены были просто прозябать. Примитивное комментаторство не только убило душу науки, но и резко ограничило "ареал" ее влияния. С конца 30-х годов, повторюсь еще раз, можно было лишь комментировать сказанное самим Сталиным. У всех ученых — от начинающих обществоведов до академиков — темы "исследований" были сходными: роль И.В. Сталина в развитии экономической науки; значение труда И.В. Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР" для развития философской науки; И.В. Сталин о теории государства и права; решающий вклад И.В. Сталина в развитие военной науки и т.д. Мне удалось обнаружить в библиотеках (но это, видимо, не все) около 550 (!) книг и брошюр на аналогичные темы, написанных с 1945 по 1953 год. Научная мысль оказалась в тисках примитивного догматизма. Можно только предполагать, сколько зачахло, засохло, погибло настоящих талантов, не имевших возможности во весь голос заявить о себе новыми концепциями, идеями, книгами, открытиями! Мумии догматизма были свинцовыми и придавили слишком многих. Мы еще не знаем всего ущерба, который причинен сталинизмом интеллектуальному потенциалу общества.

Большой вред сталинский догматизм нанес естественным и техническим наукам. Задержано на много лет развитие генетики и предана остракизму кибернетика. Дело в том, что при оценке новых сфер и новых идей научного знания в естественных и технических науках к ним подходили с вульгарно-политических позиций, а то и просто явно невежественных. Поиск "космополитов" еще больше обрекал науку на изоляцию, догматическое омертвление. Статьи типа "Космополитизм на службе империалистической реакции" (Известия. 1950. 18 апре-

ля.) отбивали какую-либо охоту поддерживать научные контакты с зарубежными исследовательскими центрами. Упоминание в научном иностранном журнале фамилии советского ученого или приглашение его на международный конгресс было делом небезопасным.

Попытки механического перенесения сталинских формул "диалектики" на вопросы развития биологии, как это прекрасно показал, например, В.Д. Дудинцев в своих "Белых одеждах", были равносильны самоубийству науки. Но, если точнее, это было не самоубийство, а покушение на убийство. Если бы так продолжалось еще пять или более лет, наука, большая наука, рисковала откатиться очень далеко.

В тех условиях, уловив прагматическое требование Сталина ("в науке нужен немедленный практический результат"), быстро выплыли на поверхность люди типа Т.Д. Лысенко. В печати тогда появлялись разгромные статьи, бичующие "раболепствующих" советских морганистов. Например, в статье доктора биологических наук И. Глущенко "Реакционная сущность вейсманизма" поносились советские ученые-генетики Дубинин, Филипченко, Кольцов, Серебровский и превозносился академик Лысенко, показавший "убогую практическую деятельность" отечественных морганистов в своем докладе "О положении в биологической науке". Для Сталина естественные и технические науки оставались, по существу, областью алхимии, чего-то загадочно-таинственного, связанного с постижением нового. Ему казалось, что в науке главное — организация. Он часто скептически смотрел на те или иные сообщения о научных достижениях и открытиях, если они были ему непонятны. "Вождь" верил, что научное творчество возможно и в ГУЛАГе. Те же, кто казался Сталину опасным и был не способен перейти на догматические рельсы сталинизма, безжалостно уничтожались или ссылались в бесчисленные лагеря. Это сотни талантливых людей, и среди них — А.К. Гастев. Н.И. Вавилов, Н.А. Невский, Н.П. Горбунов, И.А. Теодорович, О.А. Ерманский, А.И. Муралов, Н.К. Кольцов, Н.М. Тулайков, Г.А. Надсон, А.Н. Туполев, В.М. Мясищев, В.М. Петляков, С.П. Королев, И.Т. Клейменов и многие другие.

Ученые, которым сохранили жизнь, работали в особых учреждениях, лагерных лабораториях, находившихся под наблюдением 4-го спецотдела МВД СССР. Здесь Сталин подходил к науке с сугубо прагматических позиций; его уже мало интересовало мировоззрение и политические взгляды осужденных. Важно, чтобы был быстрый результат. А когда он дости-

гался, Сталин иногда даже проявлял "милосердие" — сокращал сроки отсидки, а порой даже освобождал из-под стражи. Ведомство Берии систематически докладывало Сталину о результатах работы ученых в неволе. Вот несколько таких сообщений:

"Товарищу Сталину И.В.

Группа заключенных специалистов 4-го спецотдела МВД под руководством заключенного специалиста профессора Стаховича К.И. и профессора Винблат А.Ю., инженера Тэйфель Г.К., продолжительное время работает над созданием отечественного турбовинтового двигателя. Основываясь на результатах своих теоретических исследований, группа выдвигает предложение по созданию двигателя "ТРД-7Б". Прошу рассмотреть проект решения Совета Министров.

18 мая 1946 года.

С. Круглов"[52].

"Товарищу Сталину И.В.

Заключенным специалистом А.С. Абрамсоном (осужден на 10 лет) в 1947 году предложена новая, оригинальная система экономичного карбюратора для автомобильных двигателей. Испытания на ЗИС-150 дали экономию горючего 10,9%... Предлагается сократить срок наказания на 2 года А.С. Абрамсону и инженеру-механику М.Г. Арджеванидзе и инженеру-конструктору Г.Н. Цветкову.

Прошу Вашего решения.

8 февраля 1951 года.

С.Круглов"[53].

Сталин согласился. Но понимал ли он, что инженерно-техническая мысль в этих и во множестве других случаев не опиралась на его "лучезарные" идеи, что методологией подхода ученых, инженеров служили просто глубокие знания, подлинное творчество, изобретательство, не замутненное идеологической дребеденью сталинизма?

Догматическое отношение к марксизму-ленинизму не могло не затронуть и процесс изучения ленинских работ. Оказывается, Ленина уже нельзя понять без того, чтобы то или иное его положение не комментировалось с помощью сталинских цитат. В вузах прежде всего проверялось, как студент конспектирует сталинские труды. Помню, в бытность курсантом Орловского танкового училища после семинара меня задержал преподаватель. Это был уже немолодой подполковник. Курсанты его любили, если так можно сказать, за "добродушие". Когда мы остались одни, этот подполковник (прошло много

лет, и я, к сожалению, не помню его фамилию), подавая проверенный им мой конспект первоисточников, негромко, по-отечески, сказал:

— Хороший конспект. Сразу видно, не списываешь, а думаешь вначале. Но мой совет: сталинские работы конспектируй полнее. Понимаешь, — полнее! И еще. Перед фамилией Иосифа Виссарионовича не пиши сокращений типа "тов."; пиши полностью — "товарищ". Ты меня понял? — внимательно посмотрел преподаватель.

— Так точно, товарищ подполковник, понял!

Вечером мой сосед по казарме поделился со мной, что с ним и еще с некоторыми курсантами преподаватель истории КПСС провел такие же беседы. Ожидалась комиссия, и, по слухам, в соседнем училище на эту "политическую незрелость", что была в моем конспекте, здорово "обратили внимание".

Можно и сейчас еще спросить пожилых людей, чья молодость прошла в те годы, как изучались сталинские работы. Многие помнят сталинские труды "К вопросам ленинизма", "Об основах ленинизма" с их подзаголовками: "Метод", "Теория", "Диктатура пролетариата", "Крестьянский вопрос", "Национальный вопрос", "Стратегия и тактика", "Партия"... Когда-то многие даже умилялись простоте, ясности этих примитивных догм. Учили их везде: в техникуме, училище, институте, на производстве, в партии, профсоюзах, комсомоле. Дело даже не в том, что все эти откровения до предела упрощены. Каждый пишет как может. Главное в том, что эти мумии догматизма, засушенные и извращенные истины Сталин законсервировал на десятилетия, превратил их в азбуку марксизма. Хотя уже и тогда (вот ирония судьбы!) Сталин, считая себя диалектиком, предавал анафеме "догмы" оппортунистов II Интернационала. Так и нумеровал их: "догма первая", "догма вторая", "догма третья"...

Чем больше твердили сталинские догмы, тем послушнее становились люди. Мумии сталинских догм — одно из средств превращения людей в тот тип человека, которых китайцы называли хунвейбинами. Люди постепенно привыкали к односторонней дедукции: из одной формулы выводится другая, если нужно — то и третья. Часто люди искали объяснения тем или иным процессам не в жизни, а в формулах, дефинициях, извлечениях из сталинских работ. Догматизм мышления всячески насаждался бюрократией, которая стала таким же неотъемлемым элементом сталинизма.

Тотальная бюрократия

Прежде чем перейти к анализу еще одного реликта сталинизма — бюрократии, хотел бы предложить читателю небольшой фрагмент из книги Николая Бердяева "Судьба России". Выдающийся русский философ заканчивал эту книгу, когда уже свершилась Октябрьская социалистическая революция, когда в воздухе чувствовалось опьянение свободой одних и страх перед "антихристом" других. Бердяев размышлял о демократии и пришел во многом к парадоксальным выводам. Позвольте привести пространную цитату: "Народовластие так же может лишить личность ее неотъемлемых прав, как и единовластие. Такова буржуазная демократия с ее формальным абсолютизмом принципа народовластия. Но и социальная демократия Маркса так же мало освобождает личность и так же не считается с ее автономным бытием. На одном съезде социал-демократов было высказано мнение, что пролетариат может лишить личность ее, казалось бы, неотъемлемых прав, например, права свободы мысли, если это будет в существенных интересах пролетариата. В этом случае пролетариат мыслим как некий абсолют, которому все должно быть принесено в жертву. Повсюду встречаем мы наследие абсолютизма, государственного и общественного, он жив не только тогда, когда царствует один, но и тогда, когда царствует большинство"[54]. Бердяев видел опасность и в тирании большинства, а не только единовластия. Думаю, что в этих рассуждениях есть рациональное зерно: применительно к социализму эта опасность становится реальной, когда большинство помогает лидеру создавать внутри государства некую прослойку "исполнителей воли большинства", когда создается коллективный бюрократизм.

Ни одно государство не может обходиться без аппарата. Бюрократия же появляется там, где аппарат не связан, не зависит прямо от результатов экономического функционирования системы и где отсутствуют демократические методы формирования и контроля над ним. Вначале казалось, что "исполнители воли большинства" не будут представлять большой угрозы. Вскоре после Октября Ленин, рассуждая о создании нового аппарата, говорил, что он "в интересах народа должен быть лишен всякого бюрократизма..."[55]. Но уже первые годы Советской власти показали, что бюрократия таит в себе значительно более серьезную опасность, чем это виделось в теории. Мы знаем, что в критические минуты Ленин мог быть очень жестким по

отношению к бюрократии, в которой он увидел грядущую угрозу новому строю. В январе 1919 года он, например, так выразил свое отношение к одному из конкретных проявлений бюрократии: "За... бюрократическое отношение к делу, за неумение помочь голодающим рабочим репрессия будет суровая, вплоть до расстрела"[56].

Борьба за укрепление Советской власти, особенно в условиях военного коммунизма, привела к росту аппарата. Военный коммунизм предполагал тотальный контроль за производством, распределением, исполнением. А этим занималось много людей, очень много... Рождались новые элементы государственной структуры, новые звенья, часто промежуточные, координирующие, связующие и т.д. Еще при Ленине аппарат стал угрожающе расти, тратя уже значительную часть народной энергии, средств, возможностей на обеспечение собственного функционирования. Сталин если и был в чем-то специалистом в те годы, так это в области аппаратной работы. Нарком двух комиссариатов, многолетний член ЦК, различных советов, комиссий и комитетов, он раньше других прочувствовал сильные и слабые стороны административного и партийного аппарата, его возможности.

Уже став генсеком, Сталин поручил аппарату разработать классификацию должностей в наркоматах, которые со временем стали пресловутой бюрократической номенклатурой. По его указанию, например, управляющий делами Наркомата национальностей Брезановский в феврале 1923 года подготовил документ "Разбивка должностей в структуре аппарата НКН в постепенной градации". Все должности поделены на четыре группы (руководители национальных проблем, руководители административно-хозяйственных служб, руководители политико-научно-просветительной работы, руководители литературно-научных издательств). В градации указана квалификация: партийный работник наивысшей и высшей квалификации, средней, низкой; указано, какие должности (а их оказалось всего две-три) могут исполнять беспартийные. После одобрения Сталиным градация четко разделила разросшийся аппарат на несколько уровней (подобно царским чиновникам многих классов), отсекая и без того слабые связи наркомата с реальными проблемами наций и народностей[57]. По сути, с самого начала своей деятельности в должности генсека Сталин приступил к формированию огромной, всеохватывающей армии чиновников.

К великому сожалению, в этот момент партия оказалась не

на высоте. Она сама стала жертвой и инструментом тотальной бюрократии. Утрата партией ленинских демократических начал ускорила бюрократизацию общества. Она не смогла противостоять цезаристским наклонностям будущего "вождя". Постепенно она превратилась в орудие единодержца. Об этом тяжело писать, но это так. Если бы было иначе, мы сегодня не говорили бы об обновлении и перестройке. Партии сегодня надо вновь завоевывать доверие масс, искать новые, демократические пути, чтобы вернуть свое влияние в обществе, создавать условия для расширения реального социалистического плюрализма. Уроки прошлого должны многому научить партию. Ведь именно она в 20-е годы должна была воздвигнуть заслон на пути грядущей диктатуры Сталина.

Сталин сконцентрировал в своих руках особую власть, стал большим мастером аппарата. Это не без его участия скоро отладились и со временем стали классическими в советской бюрократии бесчисленные отчеты, доклады с мест, спускание директив и указаний, создание кадровой номенклатуры и концентрация назначений в Центре, усиление засекреченности самых различных сфер деятельности, дошедшей со временем до абсурда, попытки решать возникающие проблемы с помощью все новых и новых ведомств, формирование нескольких уровней и слоев контрольных механизмов, расширение функций подавления соответствующих органов пролетарской диктатуры и т.д. Сталин раньше других стал "профессором бюрократии". Даже в обыденном понимании он быстро усвоил обычную уловку бюрократов — их недоступность. Хотя еще в 1922 году Пленум ЦК определил дни и часы, когда генсек должен принимать просителей, Сталин быстро забросил это малоинтересное для него занятие. Вот пример. Енукидзе получил письмо от Малиновской (инициалов в документе нет), одной из сотрудниц центрального аппарата, уволенной со службы. Она пишет:

"Авель Сафронович!

...Я, снятый со службы человек... у всех под подозрением. Кто меня знает, в отъезде: Серебряков, Семашко, Рыков. К тов. Сталину **нельзя проникнуть** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*). Помогите мне, Авель Сафронович, выйти из этого невыносимого положения, я не подведу Вас...

Малиновская.

Мой телефон 2-66-93.

19.XII-24 год"[58].

Это, конечно, лишь одна грань бюрократии, далеко не

главная, но закрытость, недоступность, божественная удаленность Сталина от людей обозначались еще в те далекие годы. Можно даже сказать, что он, тот, каким мы его знаем сегодня, в огромной степени есть порождение бюрократии, ее зловещий плод. Бюрократии был нужен вождь типа Сталина, а ему — железная бюрократическая машина.

Когда Ленин уже был болен, он в ряде своих распоряжений, но особенно в последних письмах, пытался начать серьезную борьбу с засильем бюрократии, которая в апогее единовластия Сталина станет тотальной. Он увидел опасность не только в количественном росте бюрократии, по отношению к которой не стеснялся в выражениях ("чиновничья саранча", "бюрократическая крыса"), а прежде всего в подмене аппаратом народовластия. Какие видел Ленин пути блокирования и ограничения ее влияния?

Он многое связывал с социальным составом управленческого аппарата, настаивая на усилении рабочей и крестьянской прослойки. Но сегодня мы знаем, что это могло быть только начальной мерой. Она не является панацеей. Вся наша нынешняя бюрократия, например, "плоть от плоти своего народа", в ней нет представителей эксплуататорских классов, лиц, как бы сказали раньше, внушающих опасения из-за своего социального происхождения. Ленин возлагал надежды и на чистку партии, чтобы избавиться от тех ее членов, которые "не только не умеют бороться с волокитою и взяткой, но мешают с ними бороться"[59]. Можно себе представить, в какой ужас пришел бы Ленин, если бы ему сказали, что через шесть-семь десятилетий в Союзе республик, который он создал, будут явления подобные рашидовщине, чурбановщине, кунаевщине и многие другие. Чистота "аппаратных рядов" остается актуальной всегда. Но не это основное. Главную ставку Ленин делал на обеспечение подлинного народовластия, на реальное участие людей труда в управлении государством, контроле за исполнительной властью, на расширение гласности, повышение общей культуры всего народа. Не народ должен зависеть от аппарата, а, наоборот, аппарат от народа. Ленин с горечью писал: "Законов написано сколько угодно! Почему же нет успеха в этой борьбе! Потому, что нельзя ее сделать одной пропагандой, а можно завершить, только если сама народная масса помогает"[60]. Все это верно. Но, думается, сегодня мы должны признать, что и этого недостаточно.

Условно можно сказать, что во второй половине 20-х годов возникли и существовали две альтернативные концепции.

Одна — ее олицетворял Бухарин — исходила из достаточно умеренных темпов развития (как индустриализации, так и кооперирования) и вторая — ставка на беспрецедентный скачок в промышленности и сельском хозяйстве. В лице Сталина эта альтернатива нашла наиболее полное выражение. Осуществить такой скачок едва ли было возможно, опираясь лишь на экономические методы. Здесь необходимы административно-силовые приемы, которые с неизбежностью рождали, насаждали, упрочивали широкий бюрократический слой. Поскольку решить эти задачи планировалось главным образом за счет крестьянства, насилие было как бы предопределено, как бы запрограммировано. Можно предполагать, что принятие каких-то административных мер, но, разумеется, не репрессий, было на определенном этапе необходимостью. Сталин не мог не знать, что и Ленин писал: "Величайшая ошибка думать, что *нэп* положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому"[61].

Подчеркиваю, я рассматриваю возможности, а не выражаю свое согласие с подобным вариантом. Однако Сталин, безжалостно сломив сопротивление своих оппонентов, сделал ставку на силовую альтернативу. А она уже автоматически стала быстро создавать бюрократическую систему. Ставка на внеэкономическое принуждение создала "сословие", которое прямо не зависело от количества и качества продукции, но в огромной мере зависело от политических установок. Бюрократия также автоматически поставила на первый план идеологические и политические рычаги воздействия на массы и лишь где-то на втором-третьем плане — экономические. Социализм быстро утратил даже слабые черты демократии. Нужно сказать, что многие лидеры большевиков с самого начала ориентировались на диктатуру без демократии. Троцкий в 1922 году писал, что, "если бы русская революция, при зыбкости социальных отношений внутри, при крутых и всегда опасных переменах извне, связала себя путами буржуазного демократизма, она давно бы уже лежала на большой дороге, с перерезанным горлом". О социалистической демократии он пока и не говорил, считая, что ее можно осуществлять лишь тогда, когда пожар революции перекинется на другие страны. Поэтому, продолжал Троцкий, "когда мы расстреливаем врагов, мы не говорим, что это поют эоловы арфы демократии. Честная революционная политика прежде всего исключает пускание массам пыли в глаза"[62]. У большевиков, "замешенных" на идее диктатуры пролетариата (прийти к власти тогда иначе было, видимо, нельзя), существо-

вала популярная установка на силовое разрешение чрезвычайно сложных проблем. Радикализм был визитной карточкой революционности. К великому несчастью для русской революции, история остановила, вопреки воле Ленина и интересам будущего, свой выбор на Сталине — идеальной кандидатуре "певца" и "творца" бюрократии и террора.

Ограниченность и слабость борьбы с бюрократизмом в 20-е годы, когда еще было живо ленинское окружение, объяснялись не только узостью этой программы, но и поверхностным пониманием ее сути. Впрочем, в обыденном сознании и до наших дней под бюрократией понимается лишь волокита, казенщина, формализм, бумаготворчество, канцелярщина. А тогда даже многие вожди революции понимали бюрократизм именно так. Троцкий, выступая на III Всесоюзном совещании рабселькоров 28 мая 1926 года, вначале излагал как будто верную мысль: "Бюрократизм у нас есть, и жестокий. Вытекает он из некультурности, вытекает он из неумелости, из целого ряда исторических и политических причин"[63]. А затем он свел бюрократизм к достаточно узкому феномену угодничества, приспособленчества, консерватизма традиций и т.д. Все это так, но глубинная суть бюрократизма — подмена народовластия всесилием аппарата, который становится неподконтрольным массам, — не вскрывалась.

Коренная особенность бюрократизма сталинского типа заключается в том, что он становится **тотальным.** В чем это выражается? По его неписаным законам начинают действовать все государственные, партийные, судебные органы, общественные организации. Бюрократия их как бы синтезирует в нечто общее, вязкое, всепроникающее, цепкое, неуязвимое. Каждый орган, элемент системы, отдельный человек мог делать лишь то, что предписано, разрешено, указано. В этой системе господствует власть "указаний", "директив", "постановлений"; она несет угрозу наказания, осуждения, остракизма; поощряет самоотверженных исполнителей и бдительных чиновников; в конце концов все это принимает вид коллективной бюрократии. Тотальная бюрократия независима от экономической целесообразности. Ее культ — всесильность аппарата. Ведь еще до недавнего времени у нас было так: плохо со снабжением овощей — создается министерство овощепродуктов. В печати появилось несколько критических замечаний о плохой упаковке продуктов, промышленных товаров — создали НИИ тары. Ухудшилось качество промышленной продукции — создали над заводским ОТК целую систему госприемки. Чем больше

издается постановлений о сокращении управленческого аппарата, тем он быстрее растет. Но с административной системой бороться административными методами бесполезно. Без применения экономических, социальных и политических методов вылечиться от бюрократии нельзя. Тем более что она исключительно многолика: от бесчисленных званий, степеней, чинов, рангов до загадочной иерархии высших эшелонов, где часто за необъятной коллегиальностью и бесчисленными иерархическими ступенями невозможно найти конкретного "ответчика". Сталин и его окружение отлаживали эту систему долго, тщательно, настойчиво, жестоко.

Нужно сказать, что бюрократическая система, постепенно формируясь, "воспитывала" в соответствующем духе все общество. Люди стали ее частью. Более того, они привыкали к ней, и в ее "отлаженности" многие по сей день видят "преимущества" социализма. Вопрос этот непрост. Было бы неверным отрицать многое, что достигнуто нами в социальной, культурной жизни страны. Всеобщая занятость, гарантированное социальное обеспечение, хотя и на очень низком уровне, всеобщее образование довольно невысокого качества, приобщение широких масс к азам духовной культуры, бесплатное, но и малоудовлетворительное медицинское обеспечение, низкие цены на предметы первой необходимости, исключительно невысокая стоимость за проживание в малоудобных государственных квартирах, по сути, бесплатное (символическая оплата) нахождение детей в пионерских лагерях, детских садах и яслях, целый ряд других существенных социальных завоеваний советского народа. Очень большой популярностью в народе пользовались акции правительства по снижению цен на продовольственные и промышленные товары. Пусть все это было на уровне, чуть выше понятия всеобщей бедности, но сама тенденция постепенного, но неуклонного продвижения вперед вдохновляла людей.

Я совсем не хочу объяснить это "успехами" сталинского руководства. Но самоотверженный, тяжелый труд советских людей не мог не давать определенных плодов. В обществе не было широкой и всепроникающей коррупции, морального разложения значительных групп руководителей, во весь голос заявивших о себе через два-три десятилетия после смерти Сталина. Общая атмосфера была такой, что могло сложиться впечатление о нравственном здоровье и социальном благополучии общества. Тотальный бюрократический "порядок" как бы устраивал и широкие массы населения. По нескольким причинам. В сталинское время выросло уже несколько поколений. Они не

знали "другого" социализма, как и не знали, в результате прочного идеологического занавеса, реальной картины жизни в "том" мире. Подавляющее число людей искренне верили в беспросветность жизни рабочих в капиталистическом мире, в их непрерывное "относительное" и "абсолютное" обнищание, наслышались о свирепых тюремных нравах в государствах Запада, полном превосходстве СССР над "свободным миром" почти по всем параметрам. Такое представление было устойчивым, оно всячески поддерживалось и мощным пропагандистским аппаратом.

Нельзя не сказать, что тотальный бюрократизм для людей, которых воспитывали в духе несвободы, лжи и закрытости, по-своему удобен. Да, именно удобен: в жизни все расписано, определено, установлено. От работы, твердого заработка до того, по какому поводу выражать восторг и восхищение, когда и что сеять, какой рапорт готовить наверх и т.д. Система заботилась обо всем: давала окончательную оценку тому или иному произведению, фактам истории и современности, однозначно определяла, что хорошо и что плохо, с самого начала знала, что то или иное решение, выступление "вождя" являлось историческим. Она же обеспечивала в значительной мере уравнительное распределение. Тотальный бюрократизм одинаково удобен как для исполнителей, "винтиков", так и для руководства на всех уровнях. Система способствовала формированию уравнительного, элементарного мировоззрения. Расширение роли общественных фондов наряду со многим положительным часто уравнивало людей вне зависимости от их вклада в общее дело. На первый план все больше выдвигался не конечный результат труда, а должность, положение, ставка, попадание в номенклатуру. Профессор Оксфордского университета Алекс де Жонж в своей книге "Сталин и создание Советского Союза" высказал верное наблюдение о том, что диктатор создал совершенную тотальную пирамиду правления в целом: "...Ни у кого не было возможности поправить своего начальника. Каждый начальник становился маленьким Сталиным по отношению к своим подчиненным. Каждый обращался плохо с теми, кто был ниже его, косил взглядом на равных себе и льстил всем, кто был выше"[64].

Упрочению сталинского цезаризма способствовало не только развитие тоталитарных тенденций и царистских традиций, но и состояние всеобщего ослепления, укоренившейся веры в то, что социализм должен быть именно таким, что подлинное грядущее процветание возможно только на этом пути. Посте-

пенно имя Сталина стало почти мистическим: оно внушало одновременно ужас и любовь, страх и преданность, покорность и обожание. Бюрократическая машина, которая функционировала в такой атмосфере, еще больше превращала человека в незаметный "винтик".

На обычные возражения, что-де при Сталине "был порядок", "уверенность в завтрашнем дне", "безусловное выполнение планов", "медленный, но заметный рост жизненного уровня", можно сказать следующее. Бюрократическо-казарменные атрибуты бытия, связанные с постоянной угрозой карательных санкций, репрессий, способны поддерживать экономические структуры, производство, функционирование всех институтов государства на уровне утвержденных, "спущенных" планов. Думаю, что и сегодня (это просто абстрактное рассуждение), нависни над человеком, руководителем, предприятием дамоклов меч сталинской кары — план был бы безусловно выполнен. Любой ценой. Точнее — страшной ценой утраты человеческого достоинства, пребывания в атмосфере страха, молчания, слепого повиновения. Но кто сегодня согласился бы на такое?

Самым чудовищным порождением сталинского бюрократизма стал всесильный аппарат карательных органов, который до XX съезда партии был, по существу, подотчетен только одному лицу. Дело даже не в насилии, которое олицетворяли собой органы, а в проникновении их во все поры, ячейки государства: политическую, экономическую, культурную, идеологическую. Сталин покончил почти со всеми лучшими традициями Дзержинского. Хотя уже и тогда законность нередко подменялась "революционной целесообразностью".

Весьма печальным обстоятельством нашей истории является тот факт, что революционный радикализм большевиков, во многом вынужденный, часто делал ставку только на насилие. Подчеркну, нередко это было необходимо. И все же обращение к насилию незаметно делало его нормой, обычным явлением, законным актом. Даже Ленин не был свободен (в ряде случаев) от призывов к террору. 20 июня 1918 года член Петроградского комитета РКП(б), комиссар по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарский (М.М. Гольдштейн) был убит эсером. Через неделю В.И. Ленин направляет письмо в Петроград Г.Е. Зиновьеву, М.М. Лашевичу и другим членам ЦК РКП(б), где пишет:

"Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере р а б о ч и е хотели ответить на убийство Володарского

массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает.

Привет!

Ленин"[65].

То, что Ленин допускал лишь в "архивоенное время", когда все висело на волоске, позже стало рассматриваться как "революционная норма". Даже тогда, когда удалось отстоять и закрепить революционные завоевания, террор не был сдан в исторический архив. Усилиями Сталина и его окружения репрессии против собственного народа стали обычным делом...

В России были не слишком развиты демократические традиции, но в отношении традиций полицейских дело обстояло лучше. Хотя, конечно, то, что создал Сталин, не идет в сравнение с "дилетантизмом" самодержавия. Но все же... Обычно говорят: суды и законы нужны, чтобы закрепить господство правящего класса. Но думаю, что во все времена правящие классы меньше нуждались в законах, чем те, кто был бесправен и обездолен. Возможно, традиции тайной полиции в России восходят к 1826 году, когда Николаем I было создано Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии. Исполнительным органом был Отдельный корпус жандармов, шеф которого возглавлял Третье отделение. С тех пор во весь голос заявила о себе и политическая цензура. Хотя и при ее наличии подавляющее большинство книг из-за рубежа доходило до читателей беспрепятственно. Правовая основа преследования инакомыслящих была заложена в 1845 году специальным Уложением о преступлениях государственных и против порядка управления. В статьях 267 и 274, в частности, говорилось:

"За составление и распространение письменных или печатных сочинений и за произнесение публично речей, в коих, хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против Верховной Власти, усиливаются (пытаются. — *Прим. Д.В.*) оспаривать или подвергать сомнению неприкосновенность прав ее, или же дерзостно порицать установленный законами образ

правления, или порядок наследования Престола, виновные в том подвергаются: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до шести лет..."[66]

Интересно сопоставить: через восемьдесят один год, уже после смерти Ленина, в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года было записано:

"Пропаганда и агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти... а равно распространение или изготовление или хранение литературы такого содержания влекут за собою лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев"[67]. Почти те же идеи, за исключением неизвестных во времена Николая I слов "пропаганда", "агитация" и довольно расплывчатых — "не ниже шести месяцев".

Самодержавная власть уделяла главное внимание армии и полиции. Хотя, по нынешним меркам, численность карательного аппарата была небольшой. В 1895 году, например, в Департаменте полиции служили 161 человек, в корпусе жандармов — около 10 тысяч человек и несколько десятков тысяч полицейских. Но власти давали полиции, особенно политической, весьма большие права. Как писал глава Департамента полиции (в 1902 — 1905 гг.) А.А. Лопухин: "Население России ставилось в зависимость от личного усмотрения чинов политической полиции. Виновность часто устанавливалась на основании субъективных мнений полицейских чиновников"[68]. Самодержавие широко практиковало ссылку неугодных, каторжные работы. Например, на пороге XX века в Сибири было около 300 тысяч ссыльных разных категорий и около 11 тысяч заключенных, приговоренных к каторжным работам[69]. Правда, лишь 5 — 10% ссыльных и каторжных были "политическими". Значительная часть ссыльных — иногда до половины — отсутствовала, т.е. находилась в бегах ввиду мягкости режима.

Полицейский режим не был чрезмерно жестким: например, выезд за границу был делом весьма свободным. Для поездки за границу нужно было лишь написать заявление губернатору и заплатить небольшую пошлину. В 1900 году, например, около 200 тысяч русских провели по нескольку месяцев за рубежом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что главные ниспровергатели царизма находились за рубежом. Многие из них хорошо знали слабости Департамента полиции и при формировании (после революции) новой системы безопасности пошли гораздо дальше в деле ужесточения порядка и правил, опре-

деляющих лояльность конкретного лица к Советскому государству.

Таким образом, у пришедшей к власти революционной партии, с одной стороны, были слишком слабые демократические традиции, чтобы воспрепятствовать быстрому росту бюрократии, а с другой — "доставшийся по наследству" полицейский опыт царского самодержавия, которое она низвергла. Поэтому неудивительно, что уже вскоре после Октября стали широко практиковаться репрессивные меры в отношении противников нового строя, меры, выходившие за рамки революционной законности. То была страшная опасность для свободы, за которую так ожесточенно боролись большевики. Незаметно, исподволь расчищалась тропа для будущего цезаря.

В переписке Калинина сохранилась выписка из Протокола Политбюро № 110 от 9 марта 1922 года. Уншлихт докладывал вопрос о борьбе с бандитизмом. Заслушав, Политбюро постановило: "Принять следующее предложение Уншлихта: предоставить ГПУ право непосредственной **расправы** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*) а) с лицами, уличенными в вооруженных грабежах, уголовниками, рецидивистами, пойманными с оружием; б) ссылки в Архангельск и заключение в Архангельске подпольщиков-анархистов и левых эсеров...

Секретарь ЦК *Молотов*"[70].

Расправа без суда... Дальше — больше. Вот еще такой документ:

"Москва, Б. Лубянка, 2

№ 243 511

Секретарю ЦИК СССР тов. Енукидзе

ОГПУ просит разрешения на **внесудебный** приговор (выделено мной. — *Прим. Д.В.*):

1. Дело Бабина М.И., он же Рубин — меньшевик правой группировки "Зарист", обвиняемый по 62-й ст. Уголовного кодекса.
2. Дело Абрикосовой и других, в числе 56 человек, обвиняемых по ст.ст. 61-й, 66 и 68-й Уг. кодекса — крупная шпионско-фашистская организация.

Личный доклад по обоим делам сделает зам. нач. СООГПУ тов. Андреева.

5.IV.1924 г.

Ягода

Дерибас".

Ниже приписка: "Прокурор Караньян возражает по второму делу. *Ягода*"[71]. Тогда еще можно было возражать...

Чрезвычайные меры, внесудебные репрессии, которые можно еще как-то объяснить в контексте революции, гражданской войны, не были искоренены в условиях мира, несмотря на все усилия Ленина, а после его смерти стали едва ли не обычным атрибутом нового образа жизни. Достаточно было выдвинуть обвинение во "враждебных действиях" по отношению к новому строю. Бюрократия усвоила это правило жестокой игры раньше других. Постепенно новые поколения работников органов безопасности смотрели, в сущности, на каждого советского гражданина как на потенциального противника строя. Такое видение давало постоянные плоды. О них редко писали в печати, но в любом поселке, на заводе, в институте, наркомате люди, узнав о новом раскрытом "гнезде антисоветчиков", как-то внутренне еще больше сжимались, замыкались в себе, с подозрением смотрели на окружающих, были готовы поддержать любую новую "установку", "линию" руководства. Потенциальная (а часто и реальная) угроза кары духовно калечила людей.

Сталин получал множество докладов о политических настроениях, о наблюдениях за подозрительными элементами, о выявлении новых антисоветских групп. Вот, например, выдержки из одного такого донесения, которое легло на стол Сталину вскоре после окончания войны, — "Антисоветские группы среди интеллигенции и молодежи".

"1) Дело антисоветской группы инженерно-технических работников НКПС в Москве: Д.Д. Теребецкий, В.Д. Бирюков, С.А. Бабенков (следует еще ряд фамилий. — *Прим. Д.В.*). Осуществляли антисоветские высказывания. Группа ставила задачу в момент подхода гитлеровских войск поднять восстание. Дело находится в Особом Совещании.

2) Антисоветская группа студентов московских вузов (5 человек), в т.ч. Медведский Л.А. — студент химико-технического института; Вильямс Н.И. — сын академика Вильямса, МГУ; студент Гастев Ю.А. — сын врага народа, троцкиста Гастева А.К.; мать и родной брат репрессированы, — тоже студент МГУ и др. Ведут антисоветские разговоры. Изъяты у членов группы стихи антисоветского содержания...

4) Антисоветская группа средней школы станицы Старо-Михайловская Краснодарского края в составе: Ковда Б.А., бывший учащийся, находился на оккупированной территории; Духно Р.Н., учащийся 9 класса; Богва Н.Г. — учащийся 9 клас-

са. Создали что-то вроде кружка "борьбы за справедливость". Поддерживались антисоветски настроенными учителями Яковичем С.М. и Яровым Д.К. Следствие продолжается..."[72] Далее следует перечисление еще нескольких десятков подобных "антисоветских групп". Если в 15 — 16-летних школьниках, чей романтический и патриотический порыв свободы духа еще не был погашен, видели угрозу строю, то что говорить о других "группах"... Сталинский бюрократизм не мог обходиться без жертв.

Многие вопросы, которые, казалось бы, являются сферой политической, идеологической, тоже были полностью отданы на откуп ведомствам, которые для Сталина теперь были, повторюсь, важнее, чем партия.

"Товарищу Сталину И.В.

8 сентября 1945 г.

Мавзолей В.И. Ленина полностью готов для допуска посетителей... При этом представляем на Ваше утверждение проект распоряжения Совнаркома СССР об открытии Мавзолея В.И. Ленина с воскресенья 16 сентября 1945 года.

Л. Берия

В. Меркулов"[73].

Прах Ленина, доставленный из Тюмени, где он находился в годы войны, "органы" подготовили к тому, чтобы поместить в Мавзолей. Бюрократия распорядилась, чтобы о памяти Ленина "заботилось" бериевское ведомство. При этом с него не снимались и прямые обязанности, которые постоянно "перевыполнялись". Например:

"Товарищу Сталину И.В.
товарищу Молотову В.М.
товарищу Берия Л.П.

МВД докладывает о ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) и Совмина № 1630 от 27 июля 1946 года о мерах по обеспечению сохранности государственного хлеба. Есть результаты: в декабре 1946 года было привлечено к уголовной ответственности 13 559 человек (за один месяц! — *Прим. Д.В.*), в январе 1947 года — 9928 человек...

С.Круглов"[74].

Когда Сталин не придавал значения информации, в верхнем углу документа он просто ставил не то "галочку", не то латинское "v"... Ну а поскольку "любимый вождь" хотел знать буквально все о своем народе, Круглов, достойный выученик Берии, засыпáл Сталина всевозможными сооб-

щениями — от действий "антисоветских групп" до явлений святых:

"По сообщению МВД Украинской ССР в начале августа с.г. среди населения Рава-Русского района Львовской области распространились слухи о том, что одна бродячая монахиня видела явление "богоматери". Якобы облако опустилось и исчезло, а на земле остались следы крови..."[75] На "вождя"-атеиста, вышедшего из семинарии, это сообщение, естественно, не произвело впечатления, и он поставил "галочку". Это мелочи...

Государственная бюрократия, держа за колючей проволокой постоянно несколько миллионов людей, превратила их в "созидательную" силу нового общества. Сталин, как я уже говорил, был инициатором и твердым сторонником максимально широкого использования труда заключенных в социалистическом строительстве. Это для него было делом принципа. "Вождь" поручал строительство крупнейших промышленных объектов, дорог НКВД, затем МВД. Даже создание атомного оружия было возложено в основном на это ведомство. Сроки для исполнения работ часто ставились такие, что сегодня они кажутся просто фантастическими. И обычно эти задания и сроки не срывались. Ведь исполнители понимали, что они заложники. Приведу один пример.

После распоряжения Сталина в июле 1945 года ускорить работы по созданию атомной бомбы были приняты экстренные меры. Затем — еще, дополнительные. Вот одна из них:

"Магадан. Начальнику Дальстроя тов. Никишову

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР 13 октября 1945 года Вам было поручено организовать работы по разведке урановых руд. Дело это является исключительно важным.

Необходимо принять все меры к тому, чтобы энергично развернуть поиски уранового сырья и уже в **текущем году** (выделено мной. —*Прим. Д.В.*) организовать добычу руды и выпуск концентратов урана... Прошу через каждые две недели сообщать о принимаемых мерах по выполнению задания...

Л. Берия"[76].

Я уже упоминал, что практически все министерства заваливали МВД заявками на тысячи, десятки тысяч рабочих рук Заключенные вносили свой вклад не только в строительство дорог, мостов, добычу угля, поставку лесоматериалов, но и в добычу урана, строительство ядерных реакторов, высотных до-

мов, величественных гидроэлектростанций. Никогда не забуду, когда в 1952 году мне с группой комсомольских работников довелось побывать на строительстве Куйбышевской ГЭС. Масштабы стройки поражали. С верхней площадки плотины было видно, как везде копошатся, снуют, двигаются сотни людей в серых робах и бахилах. Когда проходили мимо одной из таких групп, худой и длинный парень, разогнувшись, негромко, но внятно произнес, обращаясь к нам:

— Расскажите на воле, как мы трудимся на великих стройках сталинской эпохи!

Мы переглянулись, но, увидев стоявших рядом нескольких часовых, все поняли. Меня, правда, удивила выспренность слога заключенного. Но вскоре я понял, почему он так говорил. Мне в руки попала книжка в мягком переплете "Великие стройки сталинской эпохи"[77]. Книжка, написанная академиками А.В. Топчиевым, Г.М. Кржижановским, А.В. Винтером, В.А. Обручевым, В.С.Немчиновым, И.А. Шаровым, другими учеными, наверняка была в лагерной библиотеке. Но что верно, то верно: очень многие, если не большинство "великих сталинских сооружений", возводили заключенные. Думаю, что эта грань тоталитарного общества особенно цинична.

Приведу еще один документ:

"Товарищу Сталину И.В.
товарищу Молотову В.М.
товарищу Маленкову Г.М.
товарищу Берия Л.П.
товарищу Хрущеву Н.С.

2 февраля 1951 г.

Постановлением Совета Министров от 30 июля 1949 года на Министерство внутренних дел СССР возложено проектирование и строительство Куйбышевской гидроэлектростанции на реке Волга с окончанием работ в 1955 году. Строительство идет по плану...

Постановлением Совета Министров от 16 августа 1950 года на МВД СССР возложено также проектирование и строительство Сталинградской гидроэлектростанции и магистрального канала для обводнения северной части Прикаспийской низменности. Ведутся большие подготовительные работы...

С. Круглов"[78].

Сталин любил подобного рода донесения. Ответ лаконичен: "Регулярно докладывайте о ходе работ".

Бюрократия, пронизавшая все поры общества, проникла и в

сферу творчества. Ведомство Берии — Круглова проводило даже творческие конкурсы. Но здесь все было по-другому. Бюрократическая заданность определяла конечные результаты. Но, впрочем, вначале нужно доложить "вождю".

20 марта 1951 г. "Товарищу Сталину

Совет Министров обязал МВД провести закрытый конкурс на архитектурное решение (оформление) Волго-Донского водного пути. Привлечены были архитектурные мастерские: Полякова Л.М., Душкина А.Н., Фомина И.И., Приймак И.И. (Гидропроект МВД).

Наиболее удачным оказался проект т. Полякова Л.М. (архитектурная мастерская № 6), который взят за основу. Гидропроект МВД разработал с учетом замечаний жюри новый проект. Величайшая роль товарища Сталина будет отражена постановкой монументальной скульптуры на высоком берегу Волги у входа в Волго-Донской канал. Мы намерены провести еще один закрытый конкурс на монумент.

Прошу Вашего согласия.

Министр внутренних дел СССР *С.Круглов*

Главный архитектор Гидропроекта МВД *Л. Поляков*"[79].

Сталин скромно соглашается с очередным монументальным увековечением своей персоны, на которое прикажет выделить несколько десятков тонн цветного металла.

...Я вырос на юге Красноярского края, в Ирбейском районе, в селе Агул. Вдали величественные снега Саян, отроги хребтов, которые тянутся к Енисею, Кану, Агулу. Везде поистине дремучая тайга. То был край кержаков, коренных сибиряков, пришедших из западных губерний России полтора-два века назад. В 1937-м или в 1938 году понаехало в наш глухой Агул военных! Затем потянулись колонны заключенных. Застонала тайга. Стали городить "зоны". За полгода выросли лагеря не только в Агуле, но и в других таежных поселках — Кессе, Пунчете, Нижне-Сахарном, Верхне-Сахарном, Соломатке... Колючая проволока, высоченные заборы, за которыми едва видны бараки, вышки для стрелков, овчарки. Скоро жители стали замечать: колонны изможденных людей идут и идут (от железной дороги более 100 километров), как будто лагеря резиновые... Потом поняли, в чем дело. За околицей поселков везде стали расти длиннущие рвы, куда ночами везли на дрогах или санях покрытые брезентом трупы. Много умирало от лагерных тягот. Расстреливали в тайге. Живший тогда в Агуле Борис Францевич Крещук, у которого расстреляли отца-кузнеца и старшего брата, рассказывал: ходил

он с соседскими мальчишками "шишковать" (за кедровыми орехами), как вдруг услышали неподалеку треск выстрелов, "ровно холст большой рвали..." Мы туда. Видим из-за кустов, как несколько стрелков сваливают в яму убитых "зэков", человек двадцать... Мы бегом оттуда... До сих пор помню, как один руками за пожухлую траву цеплялся, не убит, видно, был...

Мать была директором семилетней школы. Как я уже рассказывал, к ней с разрешения начальства ходили два заключенных, они приводили в порядок библиотеку; подклеивали обложки, что-то переплетали. Мы сами жили очень трудно, особенно после того, как забрали и расстреляли отца, а нас сослали сюда. Поскольку мы жили в Приморском крае, ссылать дальше на восток было некуда (разве что в Японию?), привезли на запад, в этот Агул. Учителей не было, и матери, окончившей университет после революции, разрешили учительствовать. Так вот, с одним заключенным (фамилию его не помню, мне было десять лет) мать иногда подолгу разговаривала, когда никого поблизости не было. Только много позже я осознал значение виденного. Этот "зэк" вытащил из-за пазухи тюремной фуфайки тряпицу. Быстро развязал ее и показал матери. Был я неподалеку, в низкой длинной комнате, где располагалась библиотека; из любопытства поднялся на цыпочки и из-за спины матери заглянул в руку "зэка". Он держал небольшую фотографию на плотном картоне, какие делали раньше, с вензелем и иностранными словами внизу. Несчастный негромко говорил матери:

— Были мы тогда в эмиграции. В Швейцарии. Вот сидит Ленин, рядом я с женой, а это два немецких коммуниста.

Невольно я с недоверием взглянул на грязного, худого мужчину с большими, полными тоски глазами: этот человек лично знал Ленина?! Он что-то еще объяснял матери, бережно заворачивая в тряпицу фотографию. Еще раза два его, расконвоированного, отпускали в школу. Затем сгинул. То ли умер (слаб был очень), то ли, как тех, в лесу...

Эти детские впечатления остались навсегда. Когда я читаю строки Шекспира из его "Сонетов", мне кажется, что это о судьбе моей семьи. Но нет, не только. Это о судьбе очень, очень многих людей, которые испытали преступное беззаконие Сталина:

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

. . . .
Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу́ я дорогой ценой
За то, что я платил уже однажды!

Мать умерла еще довольно молодой вскоре после войны; нам, сестре, брату и мне, многого рассказать не успела. Похоронили мы ее на деревенском кладбище недалеко от места, где закапывали заключенных. Уже тогда могилы-рвы ровняли с землей. Безымянные, глухие места, свидетели страшной трагедии народа. Но молчание этих могил для нас и поныне подобно крику... Выжило, думаю, там, где были эти лагеря, совсем немного. В моей семье, кроме отца, не вернулись из лагерей два дяди, простые крестьяне, имевшие неосторожность иногда говорить вслух то, о чем многие тогда думали.

Возможно, кто-то, прочитав сейчас эти строки, злорадно скажет: "обиженный сынок", "из репрессированных", "откровенная месть". Нет, и еще раз нет. Я был молодым танкистом-лейтенантом, когда умер Сталин. Думал, упадет небо. Ведь когда забрали родных, не понимал ничего. Да и позже совсем не связывал эту трагедию с именем Сталина. Сказали: "отец умер". Мать украдкой плакала. Но впервые я почувствовал, что "мечен", лишь в июле 1952 года. После выпускного праздничного обеда в столовой училища новоиспеченные лейтенанты со скрипящими портупеями, золотом погон собирали свои бесхитростные фибровые чемоданчики, чтобы навсегда разлететься по частям, куда мы были назначены. Перед расставанием с друзьями ко мне подошел один товарищ из моего взвода и, отведя в сторону, сказал:

— Поклянись, что никогда этого никому не скажешь!

— Конечно, — удивленно и непонимающе глядел я в лицо однокашнику.

— Я три года "пас" тебя и докладывал, что ты говоришь, ну в общем, подглядывал за тобой... Прости, отказаться не мог.

— Что же ты говорил? — все еще не придя в себя, уставился я на товарища.

— Раз ты кончил училище, да еще с отличием, значит, ничего плохого... Ну всего тебе... Не поминай лихом. Знай, могут ведь и еще... — заглянул в глаза собеседник.

Не называю фамилии только потому, что где-то, наверное, он трудится и сейчас, а я ведь дал слово...

Видимо, я слишком отвлекся от размышлений о сталин-

ском бюрократизме. Но об этом хочу сказать вот почему: истории мстить бессмысленно. Как и смеяться над ней. Что было — не изменить. Но ее надо знать и помнить. Например, то, что, когда моего отца не стало, ему было всего 37 лет...

Знали ли в Кремле, что творилось в Агуле, Соломатке, Кессе, тысячах других мест? Знали. Очень хорошо знали. В архивном фонде Берии множество писем-криков о боли, помощи, призывах разобраться, вмешаться, посмотреть беспристрастно на "дело" того или иного человека. Вот одно из многих писем, адресованных "В ЦК ВКП(б) Сталину". Нашелся, видно, добрый человек, вынес из лагеря и послал письмо. "Оттуда" такие послания к "вождю" доходили очень редко. В письме есть такие строки:

"Речь будет идти о лаготделении № 14 лагеря НКВД № 283 и шахте № 26. Тяжело положение заключенных. Средневековая инквизиция показалась бы раем. Бывшие бойцы и партизаны содержатся вместе с полицаями и немецкими прислужниками. Срок заключения никому не известен и это не легче расстрела. Избивают регулярно. Ходим вшивые в каких-то лохмотьях. Кормят отвратительно, часто в пище попадаются мыши. Капусту обрабатывают конной молотилкой, при этом там попадается конский помет. Конвоиры избивают заключенных. Штаты подбирают из людей свирепых...

В этом письме нет и капли лжи. Но подписаться, это сразу на каторгу..."[80]

Сталин передал Маленкову. Тот набросал: "тт. Берия и Чернышеву". А Берия просто расписался. Круг замкнулся. Еще никто не знает, что труднее: героизм в бою или долгое мученичество? Поражает и невиданное долготерпение советских людей. Может быть, прав Гегель, утверждая, что "скорбная пассивность... цепляется за свои лишения и не противопоставляет им полноты силы"[81]. Феномен безропотности, когда Сталин и его подручные уничтожали миллионы людей, потрясает. Невинных людей заставляли верить в то, что они виновны. Или в крайнем случае: "Здесь ошибка конкретных людей, но не Сталина".

Бюрократия сталинского типа носит мантию беззакония. Нет, законов, указов, распоряжений было немало. Просто многие законы были беззаконными. Что касалось обязанностей рядовых членов общества (да и не только рядовых), то здесь спрашивалось строго. А вот в отношении прав... Изучая документы в архивах, я поражался апофеозу беззакония сталинской

бюрократии. Но тем удивительнее было встречать порой редкие попытки слабого протеста со стороны лиц, находящихся на высоких ступенях государственной пирамиды. Это было очень опасно. В личном фонде Молотова есть любопытный документ, направленный Сталину и Молотову министром юстиции СССР Н. Рычковым в мае 1947 года. В нем говорится:

"В соответствии с указаниями Правительства СССР и приказом Наркома юстиции и Прокурора СССР (№ 058 от 20 марта 1940 г.) **оправданные** лица по делам о контрреволюционных делах не подлежат немедленному освобождению, а **возвращаются в места заключения** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*) и могут быть освобождены лишь по получении от МВД сообщений об отсутствии к тому препятствий с их стороны. Этот порядок приводит к тому, что освобожденные лица продолжают месяцами оставаться в тюрьмах.

Так, 5 апреля 1946 года военная коллегия Верховного суда СССР по протесту Генерального прокурора СССР отменила приговор военного трибунала стрелковой Таманской дивизии, по которому гражданка Литвиненко была обвинена в измене Родине и осуждена к расстрелу (приговор трибуналом Отдельной Приморской армии заменен на 10 лет лагерей). Военная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело за недоказанностью преступления. 6 мая 1946 года определение направлено в СибЛАГ МВД, где содержалась заключенная. Там документ направили для согласования определения в 1-й спецотдел МВД; те — в Таврический военный округ. Дело тянется месяцы...

Таких фактов немало. Это подрывает авторитет суда. Прошу отменить приказы НКО СССР и Прокурора СССР № 058 от 20 марта 1940 года.

Министр юстиции СССР *Н. Рычков*"[82].

Реакция Сталина неизвестна. Молотов начертал на докладной резолюцию: "Спросить тт. Горшенина, Круглова, Абакумова. *В. Молотов*. 17.V.47". Пройдет очень много времени, прежде чем "спрошенные" согласятся на отмену абсурдных решений. Но таких проблесков в бюрократической, карательной машине сталинского времени было очень немного. Бюрократия постепенно приучила людей верить в то, что любые действия властей разумны и верны. Подлинное право, как и правовое сознание, фактически отсутствовало. Это является одним из условий существования тотальной бюрократии. Сталин и Система, которую он выпестовал, приучали людей терпеть, безмолвствовать, покоряться. Бюрократия не может господствовать без подавления воли. У лидера воля "стальная", у всех ос-

тальных — послушная. Без этого люди все время, особенно в ГУЛАГе, терпеть не могут. Сталин это понимал лучше других. Гегель писал так: "...Мужество выше скорбного терпения, ибо мужество, пусть даже оно окажется побежденным, предвидит эту возможность..."[83] Правда, немецкий философ не мог знать, что такое ГУЛАГ. Да и в России в самом кошмарном сне никогда не могли представить этот земной ад. Ведь Сталин и сталинизм за тридцать лет уничтожили во много раз больше людей, чем все русские цари за 300-летнюю историю Романовых. Вот к чему привела Сталина уверенность в универсальном могуществе силы. Он не знал мудрых слов Поля Валери: "Сила слаба тем, что верит только в силу". Не знал того, что далеко не всегда меч может быть сильнее пера. В истории не раз бывало, когда сильная, верная идея, "стекающая" с кончика пера, посрамляла меч. Но Сталину это было недоступно.

Люди тогда не очень задумывались над этим. Во всяком случае, очень многие не думали и не знали всего кошмара, который скрывался за занавесом тотальной бюрократии. Наверное, и Александр Фадеев тоже ничего не знал, когда через несколько дней после смерти Сталина опубликовал большую статью "Гуманизм Сталина". Только потрясение рабов или слепота нашей души могли родить слова, которые вышли из-под пера Фадеева. Но их разделяли тогда, наверное, миллионы. Сегодня же они звучат как чудовищное кощунство. Талантливый писатель, чье сознание было тоже схвачено обручем сталинского догматизма, писал, что мы можем считать Сталина "величайшим из гуманистов, которых когда-либо знал мир". Фадеев утверждал, что "великий и простой человек, несгибаемую силу души которого выражало его имя, добрый учитель человечества и отец народов закончил свой жизненный путь, но дело его непобедимо и бессмертно". Может быть, когда в мае 1956 года Фадеев покончил с собой, его мучила совесть, боль прозрения и раскаяния?

В истории нередки случаи ослепления целого народа. В основе крестовых походов, религиозных войн, националистического угара и фанатичной веры в цезарей лежат не только социально-экономические и политические причины. Это и затмение разума. Но затмение не может быть вечным. Когда оно проходит, то цезари умирают. Хотя очень часто слишком медленно.

Физическая смерть пришла к Сталину раньше, чем он ждал ее. Здесь он мало чем отличался от большинства людей. Но его

политическая смерть настала, увы, слишком поздно. Реликты сталинизма еще существуют. Смерть историческая, наверное, так и не придет. Люди никогда не смогут забыть всего, что связано с его именем.

Земные боги смертны

В последние год-полтора перед смертью Сталин постепенно менял заведенный много лет назад регламент своей жизни. Старость, годы, полные борьбы, потрясений, нечеловеческая слава и воспоминания (да, воспоминания!) все больше давили на плечи "вождя". Теперь все чаще, встав, как всегда, в 11 часов утра, Сталин не ехал в Кремль, а вызывал к себе Поскребышева, сосал холодную трубку, подходил к окну и подолгу смотрел на стылую полоску свинцового неба над темной кромкой леса, на голые деревья парка, над которыми кружилась стая воронья. Как-то он вдруг подумал, что одним из любимых увлечений Николая II во время прогулок была стрельба по воронам. Вспомнив, что в "Красном архиве" публиковались отрывки из дневников последнего русского царя, Сталин захотел их посмотреть.

На другой день Берия (всеми государственными архивами ведало МВД) вместе с Поскребышевым принесли в кабинет несколько десятков тетрадей в сафьяновом переплете. Сталин, перебросившись о чем-то на грузинском с Берией, отпустил вошедших. Начал медленно листать, затем, несколько раз углубившись в чтение, увлекся. Сталин был поражен: в полсотне толстых тетрадей ничего интересного. Самодержец, похоже, больше ценил саму идею постоянства записей (за 36 лет не пропустил ни одного дня!), чем их содержание. Погода, беседы, бильярд, чтение, именины, приемы, отношения с Аликс, охота... Вот, пожалуй, об охоте — больше, нежели о чем-либо. Тетрадь, датированная 1895 годом, подытоживала охотничью удачу царя: "За все время убито мною 3 зубра, 28 оленей, 3 козы, 8 кабанов, 3 лисицы = 45"[84]. Стрелять царь любил: "Гулял и убил ворону" (8 ноября 1904 г.). Император на воронах "оттачивал глаз", бил метко. Сталин уже почти без интереса перелистывал тетради; везде одно и то же. Не везло России с царями, может быть, подумал он, не туда стреляли.

Что будут говорить о нем, Сталине, после его смерти? Люди любят ревизовать отгоревшие жизни, не понимая, что ушедшее время изменить нельзя. Неужели кто-нибудь посмеет и у него искать что-то ложное, ошибочное? Нет, это невозможно. Была "Россия во мгле" — стала могучей державой-победительницей. Все отлажено. Еще один-два фантастических рывка — и государство будет диктовать всем свои порядки...

Поскребышев не раз заставал "Хозяина", неподвижно стоящим у окна в столовой или сидящим в кресле кабинета, повернутом в сторону парка. О чем думал "вождь", понимая, что при всем своем величии он смертен, как все?

Сталин достиг абсолютной власти над людьми. Порой ему казалось, что его владычество безгранично. Если бы он знал Ф.М. Достоевского, то мог бы вспомнить главу "Великий Инквизитор" из романа "Братья Карамазовы".

В глубочайшем монологе Великого Инквизитора гений русского писателя выразил взаимосвязь, соотношение, диалектику между Идеей, Свободой и Диктатором, наместником Бога на Земле. Я понимаю, что какие-либо буквальные аналогии здесь рискованны. Однако Достоевский подводит к мысли: Диктатор может осквернить великую Идею, поправ Свободу.

Благодаря Идее миллионы, размышлял писатель, будут "считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились вы́носить свободу и над ними господствовать — так ужасно им станет под конец быть свободными!.. Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, перед чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонялись пред ним, и чтобы непременно *все вместе*. Вот эта потребность *общности* преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков... Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается".

Не уверен, что Сталин когда-нибудь читал эти строки. Но, думаю, он понимал, что смог заменить Бога на Идею и в нее поверили все. В том историческом порыве к блаженству, счастью, радости, которые обещала Идея, как-то быстро оказалась ненужной Свобода, за которую сражались на баррикадах. Люди нашли в нем того, кому можно передать "тот дар свободы". Уж он-то знает, как ею, Свободой, распорядиться. Рискну продолжить монолог Великого Инквизитора:

Народу мы дадим "тихое, смиренное счастье, счастье сла-

босильных существ, такими они созданы... Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке... Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения... И не будет у них никаких от нас тайн"[85].

Этот долгий монолог Великого Инквизитора мог быть созвучен размышлениям советского диктатора, склонного на закате своих лет к размышлениям о прожитой жизни. Но едва ли он мог разделять афоризм Сенеки: "Post mortem nihil est" ("После смерти нет ничего"). Древний мыслитель утверждал: "После смерти нет ничего и сама смерть ничто — ты спрашиваешь, где мы будем после кончины? Там же, где покоятся нерожденные".

Как это: "После смерти нет ничего?" А его бессмертная слава, деяния, великие свершения?! Такие люди, как он, полагал Сталин, вспоминая отрывок из мертвой латыни: "Vital lampada tradunt" — "передают светильник жизни" не отдельным людям, а времени, эпохе, вечности...

До конца своих дней Сталин в минуты размышлений нередко обращался вслух или мысленно к религиозным текстам, используя их как метафору, крылатое выражение, библейский афоризм. Думаю, его мысль могла бы соотносить на закате дней собственную жизнь с тем, что было сказано в Священном Писании. Трудно вспомнить все, но у Экклезиаста, пожалуй, верно сказано: "...И меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым? И сказал я в сердце моем, что и это — суета... мудрый умирает наравне с глупым... Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать... Все идет в одно место: все произошло из праха, и все возвратится в прах... Ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?" Да, что будет после него? Передерутся его соратники или сожрет их всех его подручный в пенсне? Нужно подумать об этом по-настоящему. Но зачем такая спешка? К чему этот пессимизм? Разве он не спустился с Кавказских гор, которые славятся долгожителями? Все его соперники давно истлели, а он по-прежнему на самом высоком холме власти... Надо поменьше слушать этих врачей, а больше доверять народной медицине.

Вглядываясь в голые верхушки зимних берез, диктатор,

если бы читал Льва Толстого, мог бы, повторяя слова великого писателя, поставить перед собой "неразрешимый разумом вопрос" — "какой смысл имеет моя жизнь?.. Ответ должен быть не только разумен, ясен, но и верен, т.е. такой, чтобы я поверил в него всею душою, неизбежно верил бы в него, как я неизбежно верю в существование бесконечности". Толстой осуждающе говорил, что есть люди, которые видят смысл жизни в своем личном благе, но тогда "живет и действует человек только для того, чтобы благо было ему одному, чтобы все люди и даже все существа жили и действовали только для того, чтобы ему одному было хорошо..."[86]. Сталин наверняка бы возмутился, если бы эти слова отнесли к нему: разве он что-нибудь желал только для себя, разве не знают в народе, как он неприхотлив и скромен, как он безжалостно отправил на Колыму известную певицу и ее мужа генерала, когда те решили прихватить кое-что лишнее из поверженной Германии? Разве народ не убежден в том, что все, что он делает, — для общего блага?

Диктатор был уже давно не способен сказать даже самому себе, даже шепотом, даже мысленно, что у него есть лишь одна, вечная, непреходящая, ненасытная страсть. Нет, не к умершим женам, не к тем немногим женщинам, связь с которыми он держал в особой тайне, не к марксистским идеям, которые он так долго и тщательно препарировал, не к народу, который он так обескровил, нет. Все эти тридцать лет он любил **только власть.** Ну а разве эта фантастическая власть, которую он мог проявить росчерком пера или легким взмахом высохшей руки, разве она использовалась не для народа? Великое и постыдное славословие уже давно утвердило "вождя" в том, что его ум и твердая рука осчастливливают людей. Разве не он выдвигает все новые и новые идеи улучшения "материального благосостояния" народа, укрепления мощи государства? Вот вчера, например, ему доложили о начале реализации еще одной его идеи:

"Товарищу Сталину И.В.

В связи с тем, что Вы, товарищ Сталин, интересовались состоянием работ по проектированию гидроэлектростанции, МВД СССР докладывает о проделанной работе. Во исполнение Вашего распоряжения ведутся широкие гидрологические, топографические, геологические изыскания на участке р. Урал от г. Уральска до Чкалова (протяженностью 500 километров). Рассматривается два варианта расположения гидроэлектростанции и плотин в районе поселков Голицын и Красный Яр. Предполагаемая годовая выработка составит 390 млн.

квт/часов. Водохранилище будет емкостью от 7,7 до 11 миллиардов кубических метров. Окончательный проект задания будет готов к 1 апреля 1953 года.

11 дек. 1952 г.

Министр вн. дел СССР *С. Круглов*"[87].

Он, конечно, не знал, что в апреле 1953 года его уже не будет и что еще один "исторический" сталинский проект не будет осуществлен. Но разве плоха идея, когда берега множества искусственных морей, созданных по его воле, будут залиты электрическим половодьем? Правда, ему однажды подумалось, что этими бесчисленными рукотворными морями можно затопить всю гигантскую плоскую страну, ее лучшие угодья, погрузить тысячелетнюю культуру народов в толщу воды... Но он отогнал эту непрошеную мысль.

Эти утренние часы нередко уносили Сталина куда-то в мглу давно ушедшего времени, к самому началу века. То было пиршество его памяти. Немые расплывшиеся черно-белые кадры воспоминаний выхватывали из пропасти отдельные лица: его робкая Като, суровая труженица мать, Шаумя́н, Каменев, отдавший ему свои теплые шерстяные носки, когда они тряслись в 17-м году в холодных вагонах от Ачинска до Петрограда... При чем здесь носки? Неожиданно вспомнил, как Ленин первый раз поддержал его, как это помогло ему поверить в себя. Но почему историки ничего не писали об этом? Ах, какая преступная промашка! Кто же смел утаить этот исключительный факт? Даже он не использовал его в сумятице борьбы 20-х годов, сражаясь с Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным. Завтра же поручить Берии разыскать эти документы... Нужно в очередных томах его сочинений еще раз напомнить людям, что Ленин его выбрал сам; не судьба, не случай, а вождь революции...

Действительно, в истории остался незамеченным один примечательный эпизод. На дворе был декабрь 1917 года. Под натиском грозных проблем эйфория революционной победы постепенно исчезала. 23 декабря шло очередное заседание Совета Народных Комиссаров. Председательствовал Ленин. Присутствовали: Шляпников, Урицкий, Виноградов, Прошьян, Шлихтер, Менжинский, Аксельрод, Сталин, Петровский, Трутовский, Алгасов, Дыбенко, Бонч-Бруевич, Карелин, Луначарский, Коллонтай, Козьмин. Рассматривалось, как всегда, множество вопросов: проект декрета о Турецкой Армении, конфликт между Наркоматом внутренних дел и Высшим советом народного хозяйства, прекращение оплаты купонов, "вермишельная ко-

миссия", упразднение общегосударственного комитета по делам увечных и передача всего дела в руки "Всероссийского союза увечных воинов" и многие другие. Был и такой вопрос — "О предоставлении отпусков тов. Ленину на 3 — 5 дней. тов. Дыбенко на 2 дня, Прошьяну на 1 день и о замене Председателя Совета за время отсутствия тов. Ленина.

Постановили:

Отпуск разрешить. Председателем Совета Народных Комиссаров назначается т. Сталин, а заместителем его т. Шляпников"[88].

Сталин помнил, что он, замещая Ленина, провел два или три заседания Совнаркома (в то время правительство для обсуждения бесчисленных проблем собиралось едва ли не ежедневно). Тогда Горбунов поставил вопрос о допуске на заседание СНК корреспондента из Бюро печати, Прошьян докладывал о борьбе с саботажем Почтово-телеграфного ведомства и предлагал ввести для "почтарей" трудовую повинность; сам Сталин сделал сообщение о положении на Дону, о колебаниях в казачьей массе; по ходатайству Алгасова решали вопрос о выделении средств в сенатскую типографию: что-то, кажется, докладывал Свердлов...[89] Троцкий на "сталинских" заседаниях не появлялся. Как все это было давно... Но не мог же Ленин случайно оставить его вместо себя? Ведь сколько блестящих революционеров было в поле зрения вождя! Почему же этот аргумент в своей борьбе он не использовал в прошлом? Ну да бог с ним, аргументом. Победителю теперь он нужен только для его "исторической биографии".

Сталину было трудно даже предположить, что Ленин, оставляя за себя Сталина, не придавал этому факту особого значения. Вождя беспокоило, что в составе Совета почти нет представителей национальных окраин; черносотенцы, бежавшие на юг, все громче кричат, что Ленин сформировал "еврейское правительство"... В этих условиях его шаг, поддержанный Советом Народных Комиссаров, о временном замещении Председателя наркомом национальностей Сталиным, был естественным. Но Сталин, как и во всем, что делалось в аппарате власти, видел, кроме очевидного, и потаенный смысл, выгодный ему.

...Стряхнув воспоминания, Сталин повернулся на шаги вошедшего. Но это была не привычная фигура Поскребышева, которого в ноябре 1952 года по настоянию Берии Сталин согласился наконец отстранить от работы, как позже и Власика. Вчера Берия, который становился ему день ото дня все подозрительнее, что-то говорил насчет того, что, "возможно, Пос-

кребышев связан с делом врачей и его придется проверить". Пусть "проверяет". Так же, как "проверяли" недавно все ленинградское руководство и их "выдвиженцев" в Москве и других городах, как "проверяли" дело, связанное с Еврейским антифашистским комитетом, возглавляемым С.А. Лозовским, которого Сталин хорошо узнал за войну (он возглавлял Совинформбюро), как "проверяли" недавно возникшее дело "врачей-отравителей". Слава богу, он старается обходиться без их помощи. Сколько императоров, королей, президентов, вождей в истории придворная лекарская курия незаметно отправила на тот свет... Кто скажет? Главное: не доверяться этой публике, которую наверняка обрабатывает и сам Берия...

Сделаю еще одно отступление. Я уже сказал, что незадолго до своей смерти Сталин после долгих нашептываний Берии согласился на устранение своих двух самых верных помощников — А.Н. Поскребышева и Н.С. Власика. В конце жизни "вождь" не верил никому. Да, никому. Не верил и Берии, но не мог не поддаться, когда тот долго и настойчиво компрометировал Поскребышева и Власика, проработавших около него более двух десятков лет. О том, что Сталин не доверял Берии, свидетельствует такой документ.

Генерал-лейтенант Николай Сидорович Власик был арестован 16 декабря 1952 года. Его допрашивал сам Берия, а также Кобулов и Влодзимирский. Начальнику Главного управления охраны МГБ Власику было предъявлено обвинение в "потакательстве врачам-отравителям", знакомстве со "шпионом" В.А. Стенбергом, а также в злоупотреблении служебным положением ("использование казенных продуктов"). Но главное, конечно, было не в этом трафаретном наборе обвинений. В письме на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова в мае 1955 года из Красноярского края, где бывший генерал-лейтенант находился в ссылке, говорилось:

"Глава правительства (именно так в письме Власик называет Сталина. — *Прим. Д.В.*), находясь на юге после войны, в моем присутствии выражал большое возмущение против Берии, говоря о том, что органы государственной безопасности не оправдали своей работой должного обеспечения... Сказал, что дал указание отстранить Берию от руководства в МГБ. Спрашивал у меня, как работают Меркулов, Кобулов и впоследствии — о Гоглидзе и Цанаве. Я рассказал ему, что знал... И вот я потом убедился, что этот разговор между мной и Главой правительства стал им доподлинно известен, я был поражен этим..."

Нетрудно представить, что Берию больше всего беспокоило отношение к нему Сталина. Но как он узнал о словах Власика, сказанных наедине "вождю"? Может быть, их высказал Сталин сам своему Фуше? А, может быть, Берия подслушивал и самого "Хозяина"?!

Далее Власик в своем письме на имя Ворошилова продолжает: после вызова на допрос к Берии "я понял, что кроме смерти мне ждать больше нечего, т.к. еще раз убедился, что они обманули Главу правительства... Они потребовали показаний на Поскребышева, еще два раза вызывал Кобулов в присутствии Влодзимирского. Я отказался, заявив, что у меня никаких данных к компрометации Поскребышева нет, только сказал им, что Глава правительства одно время был очень недоволен работой наших органов и руководством Берии, привел те факты, о которых говорил мне Глава правительства — о провалах в работе, в чем он обвинял Берию... За отказ от показаний на Поскребышева мне сказали — подохнешь в тюрьме..."

Добавлю лишь, что вчерашние "сотоварищи" применили к Власику весь комплекс "мер" по добыванию показаний. Ко мне, писал Власик, было применено "недопустимое издевательство". При "моем возрасте и состоянии здоровья я не мог выдержать. Получил нервное расстройство, полное потрясение и потерял абсолютно всякое самообладание и здравый смысл... Я не был даже в состоянии прочитать составленные ими мои ответы, а просто под ругань и угрозы в надетых острых, въевшихся до костей наручниках, был вынужден подписывать эту страшную для меня компрометацию... в это время снимались наручники и давались обещания отпустить спать, чего никогда не было, потому что в камере следовали свои испытания..."[90].

Таковы были "дворцовые" нравы. Следили за всеми. Никто, абсолютно никто не был освобожден от подозрений. Берия чувствовал охлаждение к нему "вождя" и мог ждать любого поворота событий. Но Сталин выжидал, что-то обдумывал, внешне оставаясь таким, как прежде. Может быть, был прав Ришелье: "Умение скрывать — наука королей?"

Но вернемся к нашему повествованию.

...На пороге вместо Поскребышева стоял новый порученец с папкой бумаг. Поскребышева заменить было трудно, и Сталин уже три месяца не мог сделать окончательного выбора — кто станет таким же оруженосцем, как опальный помощник?

Кивнув головой на стол, куда В.Н. Малин положил папку с

документами, подготовленную в секретариате "вождя" (за ним наблюдал по его поручению сейчас Маленков), Сталин, не отвечая на приветствие, бросил:

— Пусть мне позвонит Маленков.

— Будет исполнено, товарищ Сталин!

Через две-три минуты в трубке звучал голос его фаворита, исторгающий наивысшую готовность выполнить любую волю "Хозяина".

— Вечером я схожу в Большой... Проследите. Бумаг больше не присылайте, а завтра вечером вы, Хрущев, Берия, — помолчав, добавил, — и Булганин, приезжайте ко мне.

— Хорошо, товарищ Сталин! Все прослежу, рассмотрю документы, передам Ваше распоряжение указанным товарищам... Все будет сделано!

Сталин, недослушав скороговорки Маленкова, положил трубку. Предательская слабость, легкое головокружение не проходили. Хотя он всего месяц-полтора как приехал из Сочи, обычного облегчения, свежести не наступило. Рассмотрев документы, Сталин стал изучать газеты, журналы, переводы зарубежных статей и книг. Вечером Сталин в сопровождении дюжины телохранителей отправился в Большой театр на балет "Лебединое озеро". Около ложи его ждал директор (он же — комендант) театра, работник МГБ А.Т. Рыбин. Сев в угол пустой ложи (раньше иногда он, бывало, приглашал Молотова или Жданова), Сталин отрешенно смотрел на сцену, зная до мелочей каждый нюанс хореографии и музыки спектакля. Не дожидаясь окончания последнего акта, уехал. Смутная тревога не покидала диктатора: усиливающаяся слабость пугала его. Он не был мистиком, но всю жизнь видел эфемерные контуры личных опасностей. Сталин чувствовал, что сейчас одна из них рядом. И, видимо, она реальна.

28 февраля 1953 года, встав позже обычного, Сталин почувствовал, что незаметно вошел в норму, настроение поднялось. Почитал сводки из Кореи, протоколы допросов "врачей-отравителей" М.С. Вовси, Я.Г. Этингера, Б.Б. Когана, М.Б. Когана, А.М. Гринштейна. Немного погулял. Поздно вечером, как он и распорядился, на дачу приехали Маленков, Берия, Хрущев и Булганин. Ужинали. Обговорили (считай — решили), как всегда, уйму вопросов. Булганин подробно обрисовал военную обстановку в Корее. Сталин еще раз убедился, что ситуация там патовая и решил назавтра через Молотова посоветовать китайцам и корейцам "торговаться на переговорах до по-

следнего", но в конце концов идти на прекращение боевых действий.

Долго говорил Берия. Он чувствовал, что отношение Сталина к нему незаметно изменилось; "вождь", будучи еще более хитрым человеком, чем он, кажется, заподозрил в нелояльности своего заплечных дел мастера. Потому Берия сегодня старался вовсю.

— Рюмин неопровержимо доказал, что вся эта братия — Вовси, Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер, Егоров, Василенко, Шерешевский и другие — давно уже потихоньку сокращает жизнь высшему руководящему составу. Жданов, Димитров, Щербаков — список жертв мы сейчас уточняем — дело рук этой банды. Электрокардиограмму Жданова, например, просто подменили... Скрыли имевшийся у него инфаркт, позволили ходить, работать и быстро довели до ручки... А самое главное — это все агентура еврейской буржуазно-националистической организации "Джойнт". Нити тянутся глубоко: к партийным, военным работникам. Большинство обвиняемых признались...

Сталин вспомнил, что "дело врачей" началось, собственно, с профессора В.Н. Виноградова, который во время своего последнего визита к Сталину в 1952 году обнаружил у него заметное ухудшение здоровья и порекомендовал максимально воздерживаться от активной деятельности. Сталин пришел в бешенство. Виноградова к нему больше не допустили и вскоре арестовали. А недовольство Сталина врачами стали активно прорабатывать в МГБ, где один из следователей — Рюмин решил сделать карьеру на этом "деле". События развивались быстро. Чувствуя желание Сталина, "органы" готовили громкое дело о широком "медицинском заговоре" откровенно антисемитского характера. Наверняка был бы процесс, были бы жертвы, и кто знает, как далеко зашло бы это новое кровавое дело? Лишь неожиданная смерть тирана не дала новой трагедии дойти до логического сталинского конца.

В тот последний вечер Сталин два-три раза интересовался ходом следствия. Наконец спросил еще раз чрезмерно услужливого в последнее время Берию:

— А как Виноградов?

— Этот профессор кроме своей неблагонадежности имеет длинный язык. У себя в клинике стал делиться с одним врачом, что-де у товарища Сталина уже было несколько опасных гипертонических приступов...

— Ладно, — оборвал Сталин. — Что вы думаете делать

дальше? Врачи сознались? Игнатьеву скажите: если не добьется полного признания врачей, то мы его укоротим на величину головы...

— Сознаются. С помощью Тимашук, других патриотов завершаем расследование и будем просить Вас разрешить провести публичный процесс...

— Готовьте, — бросил Сталин и перешел к другим делам.

Сидели до четырех утра 1 марта. К концу ночной беседы Сталин был раздражен, не скрывал своего недовольства Молотовым, Маленковым, Берией, досталось и Хрущеву. Только в адрес Булганина он не проронил ни слова. Все ждали, когда "Хозяин" поднимется, чтобы они могли уехать. А Сталин долго говорил, что, похоже, в руководстве кое-кто считает, что можно жить старыми заслугами. Ошибаются. Сталинские слова звучали зловеще. Его собеседники не могли не знать, что за этим раздражением "вождя" скрывается какой-нибудь новый замысел. Может быть, и такой: убрать всех старых членов Политбюро, чтобы свалить на них все свои бесчисленные прегрешения. Сталин понимал, что судьба не даст ему много времени. Но даже он не мог знать, что эта гневная тирада была последней в его жизни. Песочные часы были уже пусты. Из сосуда вытекали последние песчинки... Оборвав свою мысль на полуслове, Сталин сухо кивнул всем и ушел к себе. Все молча вышли и быстро разъехались. Было еще темно. Маленков с Берией сели в одну машину.

Как вспоминал в беседе со мной А.Т. Рыбин, 1 марта в полдень "обслуга" стала беспокоиться. Сталин не появлялся, никого не вызывал. А идти к нему без вызова было нельзя. Тревога нарастала. Но вот в 18.30 в кабинете у Иосифа Виссарионовича, продолжал Рыбин, зажегся свет. Все вздохнули с облегчением. Ждали звонка. Сталин не обедал, не смотрел почту, документы. Все это было необычно, странно. Но шло время, рассказывал Рыбин, не скрывавший своих личных симпатий к Сталину, а вызова не было. Наступило 20 часов, затем 21, 22 часа — в помещениях Сталина полная тишина. Беспокойство достигло крайней точки. Среди помощников и охраны начались споры: нужно идти в комнаты, зрели дурные предчувствия. Дежурные сотрудники М. Старостин, В. Туков, подавальщица М. Бутусова стали решать кому идти. В 23 часа пошел Старостин, взяв почту как предлог, если "Хозяин" будет недоволен нарушением установившегося порядка.

Старостин прошел несколько комнат, зажигая по пути свет и, включив освещение в малой столовой, отпрянул, увидев на

8—2024

полу лежащего Сталина в пижамных брюках и нижней рубашке. Он едва поднял руку, позвав к себе Старостина, но сказать ничего не смог. В глазах были ужас, страх и мольба. На полу лежала "Правда", на столе открытая бутылка "Боржоми". Видимо, здесь Сталин лежал уже давно, т.к. свет в столовой не был включен. Прибежала на вызов Старостина потрясенная челядь. Сталина перенесли на диван. Несколько раз он пытался что-то произнести, но раздавались лишь какие-то неясные звуки. Кровоизлияние в мозг парализовало не только речь, но затем и сознание. Может быть, в эти минуты Сталин успел вспомнить о трагедии Ленина, обреченного на долгую страшную немоту?

По словам Рыбина, охрана и порученцы стали звонить в МГБ Игнатьеву. Тот посоветовал звонить Берии, Маленкову. Берию нигде найти не могли. Маленков без Берии не решался предпринять каких-либо мер. Один из самых могущественнейших людей на планете в критическую минуту оказался отгороженным от элементарной медицинской помощи частоколом бюрократических инструкций и запретов. "Вождь" стал заложником своей Системы. Как выяснилось впоследствии, без разрешения Берии к Сталину врачей вызывать было нельзя. Так было записано в одной из бесчисленных инструкций. Наконец в одном из правительственных особняков в компании новой женщины разыскали сталинского Монстра, и в три часа ночи Берия и Маленков приехали. Берия был заметно под винными парами. Маленков зашел к умирающему Сталину в носках и с новыми ботинками, которые он засунул почему-то подмышки (видимо, чтобы не скрипели). Человек, лежащий на диване, издавал предсмертные хрипы. Берия не стал вызывать медиков, а тут же напустился на "обслугу":

— Что вы паникуете! Не видите, товарищ Сталин крепко спит! Марш все отсюда и не нарушайте сон нашего вождя! Я еще разберусь с вами!

Его не очень решительно поддержал Маленков. Складывалось впечатление, убежденно говорил Рыбин, что Сталину, который после инсульта лежал без медицинской помощи уже 6 — 8 часов, никто и не собирался ее оказывать. Похоже, что все шло по сценарию, который устраивал Берию, заключил Рыбин. Выгнав охрану и прислугу, запретив ей куда-либо звонить, соратники с шумом уехали. Лишь около 9 часов утра вновь приехали Берия, Маленков, Хрущев, а затем и другие члены Политбюро с врачами.

В своей книге дочь Сталина Светлана вспоминала: "В боль-

шом зале, где лежал отец, толпилась масса народу. Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного (академик В.Н. Виноградов, много лет наблюдавший отца, сидел в тюрьме), ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни. Все делалось как надо. Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было спасти". Все были полны торжественной, печальной, государственной значимости, хотя ни у кого не возникало сомнения, что это — конец. Обширный инсульт сразил "вождя". Но Берия то и дело подходил к врачам и громко, чтобы слышали все, спрашивал:

— Вы гарантируете жизнь товарища Сталина? Вы понимаете всю вашу ответственность за здоровье товарища Сталина? Я хочу вас предупредить...

Смертельно бледные профессора, врачи, медсестры что-то неслышно лепетали, суетились, чувствуя, что после смерти "вождя" и их может ожидать самое страшное. Берия не скрывал торжествующего выражения лица. Все в Политбюро, включая Маленкова, боялись этого выродка. Смерть тирана сулила продолжение новых кровавых оргий. Устав от бесчисленных распоряжений, показной заботы, убедившись, что Сталин уже фактически находится по ту сторону невидимой линии, которая делит жизнь и смерть, Берия умчался на несколько часов в Кремль, оставив политическое руководство страны у смертного одра "вождя". Я уже высказывал версию, что первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия форсировал большую политическую игру, которую он задумал давно. Его срочный выезд в Кремль был связан, возможно, со стремлением изъять из сталинского сейфа документы диктатора, где могли быть (чего боялся Берия) распоряжения, касающиеся его. Сталин мог, вероятно, оставить завещание, и в то время, когда его авторитет был безграничным, едва ли нашлись бы силы, которые оспорили последнюю волю умершего.

Вернувшись через несколько часов, Берия, еще более уверенный в себе, откровенно диктовал подавленным соратникам: срочно подготовить правительственное сообщение о болезни Сталина, опубликовать бюллетень о течении болезни. В правительственном сообщении, переданном по радио и напечатанном в газетах, в частности, говорилось: "В ночь на 2-е марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире (а был он на даче. — *Прим. Д.В.*), произошло кровоизлия-

ние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи. Появились тяжелые нарушения деятельности сердца и дыхания... Лечение товарища Сталина проводится под постоянным наблюдением Центрального Комитета КПСС и Советского Правительства... Тяжелая болезнь товарища Сталина повлечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности".

После первого бюллетеня успели обнародовать еще два сообщения — на 2 часа и на 16 часов 5 марта. Медицинские светила А.Ф. Третьяков, И.И. Куперин, П.Е. Лукомский, Н.В. Коновалов, А.Л. Мясников, Е.М. Тареев, И.Н. Филимонов, И.С. Глазунов и другие (после неоконченного пока "дела врачей" Берия позаботился, чтобы Сталина лечили академики и профессора лишь одной национальности) не скрывали: катастрофа рядом. Зловещее шипение Монстра над ухом врачей не изменило их вывода: "Острые нарушения кровообращения в венечных артериях сердца с очаговыми изменениями в задней стенке сердца", "тяжелый коллапс", "состояние продолжает оставаться крайне тяжелым". Они еще не знали, что периодические расстройства мозгового кровообращения ранее уже создали множественные мелкие полости (кисты) в ткани мозга, особенно в его лобных долях. Такие изменения, как полагают сегодня специалисты, вызывали нарушения в психической сфере и наслаивались на деспотический характер Сталина, усугубляя и без того его тиранические наклонности[91]. Но я думаю, что это были обычные старческие явления. Несмотря на чудовищную нравственную аномалию, Сталин, по моему мнению, не был человеком, которым должны были заниматься психиатры. Его "болезнь" социальная — цезаризм и тирания. Можно, пожалуй, сказать и по-другому: больным был не только лидер, но и все общество.

А у постели умирающего заканчивался акт драмы, которая только через годы позволит обнажить глубину трагедии народа, связанную с жизнью этого человека. Тогда казалось, что трагедия народа — его смерть, а через годы поймут — преступления его жизни. Несколько раз в зале появлялся Василий, выкрикивавший пьяным голосом: "Сволочи, загубили отца!"; здесь же стояла окаменевшая дочь, сидели в креслах, на диване уставшие от бессонницы и надвигавшейся неизвестности члены Политбюро. Ворошилов, Каганович, Хрущев и еще некоторые плакали. Берия неоднократно подходил к Сталину и громко спрашивал:

— Товарищ Сталин, здесь находятся все члены Политбюро, скажи нам что-нибудь.

Берия вел себя, как наследный принц гигантской империи, способный распорядиться жизнью любого ее обитателя. Тот, кому он служил, кто дал ему бесконтрольную власть, Берию уже не интересовал. Для него Сталин отошел в прошлое. Берия был весь устремлен в ближайшее будущее. Конец "вождя" не заставил себя долго ждать. Думаю, о последних мгновениях жизни диктатора лучше всех поведала его дочь, бывшая в те минуты рядом с умирающим: "Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю, так ли на самом деле, но так казалось — очевидно, в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то наверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела". Было 9 часов 50 минут 5 марта 1953 года.

Перед соратниками, сразу притихшими, застывшими перед вечным таинством смерти, лежал их властелин, кумир, судья, хозяин, благодетель. Лежал палач. Большинство испытывало одновременно и печаль и облегчение. Ушел человек, который кроме слепой любви постоянно внушал всем иррациональный страх. Любой из его соратников мог оказаться лишним, как это произошло недавно с Вознесенским и Кузнецовым. Многих подспудно сверлила мысль: оставил ли Сталин завещание? Если оставил — то что в нем? Он наверняка скажет и о тех, кому продолжать его дело...

Некоторые вытирали слезы, неподдельно скорбя, вглядываясь покрасневшими глазами в строгий, как-то сразу побелевший знакомый профиль. На коленях у тела, положив голову на грудь, по-бабьи ревела В.В. Истомина, экономка Сталина, которая около двадцати лет заботилась о нем, сопровождала его всегда во время выездов на юг, даже на две из трех международные конференции в годы войны. Оцепенение, вызванное смертью земного бога, однако, быстро прошло. Вдруг все сразу как-то засуетились, разом заговорили и гурьбой повалили к выходу: нужно было собрать Политбюро, решать государст-

венные дела и первым среди них, наряду с похоронами, — кому передавать дела, если умерший сам об этом не распорядился. Большая столовая, где Сталин часто сидел у камина или за столом в узком кругу четырех-пяти приглашенных соратников, сразу опустела. Отныне здесь больше никогда не будут обсуждать вопросы, связанные с рождением нового закона, назначением министров, послов, присуждением Сталинских премий, созданием новых лагерей, строительством электростанций, выселением целых народов, решением судеб многих людей. Кончилась целая эпоха тиранического единовластия. Впрочем, тогда еще никто не мог сказать: кончилась ли? Может быть, все "дело" Сталина завещано Берии? Мчась в длинных черных лимузинах в Кремль, многие приближенные Сталина не могли не задумываться об этом. Хватило бы окружению мужества сразу воспротивиться последней воле "вождя"? Едва ли... Тогда — едва ли. Спустя три месяца — другое дело.

Д.Т. Шепилов вспоминал: "Тогда я работал главным редактором "Правды". Страна притихла, все ждали известий из Москвы: как там Сталин... Утром пятого — звонок, голос Суслова:

— Быстро приезжайте на "уголок" (так в кремлевском обиходе именовали кабинет "вождя"). Товарищ Сталин умер... — И положил трубку.

В кабинете решали вопросы, связанные с организацией похорон. Мне бросилось в глаза, говорил Дмитрий Трофимович, как вели себя члены Политбюро. Уселись за длинный стол. Кресло Сталина во главе никто не занял. Напротив друг друга, рядом с председательским местом, разместились Берия и Маленков. Оба не могли скрыть своего возбуждения. Перебивая бесцеремонно своих соратников, они говорили больше других. Берия прямо сиял. Хрущев говорил мало, был явно в шоке... Каганович тоже что-то говорил невпопад... Удивило одно (я это хорошо запомнил): Молотов сидел молча, отрешенный, с каменным выражением лица и, кажется, на протяжении полуторачасового, довольно бестолкового совещания не произнес ни слова..." Каждый по-своему чувствовал: день 5 марта может стать не только концом "вождя", но и началом новой "дворцовой" эпохи.

На другой день состоялось необычное совместное заседание трех органов — Центрального Комитета партии, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР. Никаких распоряжений Сталина на случай его смерти обнаружить не удалось. С момента болезни "вождя" в его кабинете один раз был

только Берия, после чего он приказал опечатать помещение. Нужно было решать вопрос о преемственности власти. Для демократической системы это обычная процедура: все в соответствии с конституционными нормами. Там, где демократия была эфемерной, где в эпицентре государства был такой человек, как Сталин, это всегда неизвестность и таинственность. Вел заседание Маленков. Но решения были оговорены до заседания в узком кругу.

Один пост Сталина — Председателя Совмина, было решено передать Г.М. Маленкову, который последние два-три года был заметным фаворитом "вождя". Первыми заместителями к нему определили Л.П. Берию, В.М. Молотова, Н.А. Булганина, Л.М. Кагановича. Среди других вопросов, связанных с перестановками в государственном руководстве, следует выделить такие: вновь были объединены министерства государственной безопасности и внутренних дел. Разросшееся гигантское МВД опять возглавил Берия. Он и раньше был фактическим руководителем двух министерств, а теперь, сохранив пост первого заместителя (и, видимо, буквально первого) Председателя Совмина, взял рычаги управления ведомством, которое на протяжении четверти века фактически бесконтрольно стояло над всеми другими. Берия, судя по всему, намеревался не только сохранить существовавшее при Сталине положение, но и усилить роль министерства при решении внутри- и внешнеполитических вопросов. По сути, в его руках находился аппарат, с помощью которого он мог в последующем прийти к власти. Молотов был назначен министром иностранных дел, а Булганин — военным министром. Законодательная власть претерпела также существенные персональные изменения: Н.М. Шверника, бывшего Председателя Президиума Верховного Совета, отправили "на профсоюзы", а его место занял К.Е. Ворошилов, после войны пребывавший в немилости у "вождя".

Не менее серьезные перемены произошли и в высшем партийном органе. "Руководящее ядро", собравшись ночью, накануне этого памятного заседания, менее чем через 12 часов после смерти Сталина по предложению Молотова, поддержанного остальными, решило резко сократить численность Политбюро, которое после XIX съезда КПСС (октябрь 1952 г.) стало называться Президиумом ЦК. Сталин к концу жизни, по всей вероятности, вел дело к тому, чтобы освободиться от своих многолетних соратников — Берии, Ворошилова, Кагановича, Микояна, Молотова, Хрущева, возможно, и некоторых других. Устранить их всех он планировал постепенно, но у него, Ста-

лин чувствовал это, было немного времени. Его изощренный ум, как всегда, нашел неожиданный ход. Он предложил (конечно, в старом Политбюро все сразу согласились) увеличить состав Президиума до 25 членов и 11 кандидатов. Состав секретарей был расширен до 10 человек. Таким образом, он сразу "растворил" своих старых соратников среди новых функционеров, на которых хотел делать ставку в будущем. Думаю, если бы Сталина не сразил инсульт, он нашел бы повод для обвинений Молотова, Микояна, Берии, некоторых других, чтобы устранить их из руководства, попутно возложив на них вину за очень многое, что, как чувствовал стареющий "вождь", отягощало его исторический портрет. Но старые аппаратчики хорошо изучили "Хозяина". Через несколько часов после его смерти они решили в интересах "обеспечения бесперебойного и правильного руководства" первым делом отодвинуть от главного рычага власти новоявленных выдвиженцев.

Совместное заседание утвердило предложение "ядра" более чем в два раза сократить численность Президиума, доведя его до 10 членов и 4 кандидатов в члены. К старой "сталинской гвардии" — Г.М. Маленкову, Л.П. Берии, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Н.С. Хрущеву, Л.М. Кагановичу, А.И. Микояну были добавлены лишь трое — Н.А. Булганин, М.З. Сабуров, М.Г. Первухин. Некоторые деятели, пробыв по прихоти Сталина в составе Президиума менее пяти месяцев, исчезли с высокого политического небосклона, чтобы больше никогда там не появиться: В.М. Андрианов, А.Г. Зверев, И.Г. Кабанов, В.А. Малышев, Л.Г. Мельников, Н.А. Михайлов, П.К. Пономаренко, А.М. Пузанов, И.Ф. Тевосян, Д.И. Чесноков, П.Ф. Юдин. Л.И. Брежнев пока тоже не удержался в этой высокой партийной обойме (его отправили, освободив от постов кандидата в члены Президиума и секретаря ЦК, заместителем начальника Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота).

После 1934 года официально на должность Генерального секретаря ЦК никто не избирался. Всем и без того было ясно, что первым лицом, "господствующей личностью" в государстве, обществе, партии был Сталин. После его смерти человека, обладающего таким же авторитетом, не было. Маленков, который последние годы по поручению "вождя" вел дела в ЦК, был назначен, повторю, Предсовмина. Решили неопределенно, словно давая испытательный срок: "Признать необходимым, чтобы тов. Хрущев Н.С. сосредоточился на работе в Центральном Комитете КПСС и в связи с этим освободить

его от обязанностей первого секретаря Московского комитета КПСС".

Страна, погрузившаяся в официально объявленный четырехдневный траур, не придала значения этим "тонкостям" в перераспределении власти. Однако многим было ясно, что новые политические фигуры, призванные заменить Сталина, являются лишь тенью "вождя". В те дни народ с жадностью ловил сообщения радио и газет, почти как две капли воды давно похожие друг на друга. Восприняли как должное сообщение о постановлениях ЦК и Совета Министров: поместить саркофаг с телом И.В. Сталина в Мавзолее на Красной площади рядом с саркофагом В.И. Ленина и соорудить Пантеон — памятник вечной славы великих людей Советской страны. "По окончании сооружения Пантеона перенести в него саркофаг с телом В.И. Ленина и саркофаг с телом И.В. Сталина и останки выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, захороненных у Кремлевской стены". Все казалось естественным.

Древний обычай бальзамирования и мумифицирования владык, против чего в свое время так протестовала Крупская и на котором так настаивал Сталин, казался тоже естественным. Люди с годами привыкают ко многому. Даже к тому, что с ними на Земле живет бог. Но что этот бог умер, как все смертные, воспринималось с трудом. Алексей Сурков в своей статье в "Правде" "Великое прощание" описывал, как "три дня подряд, не иссякая ни утром, ни вечером, извиваясь по улицам Москвы, текла и текла живая река народной любви и скорби, вливаясь в Колонный зал"[92]. Он только не написал (да это ему и не позволили бы), что усопший "вождь" остался верен себе: и мертвый он не мог допустить, чтобы жертвенник был пуст. Скопление народа было столь велико, что в нескольких местах на улицах Москвы возникали ужасные давки, унесшие немало человеческих жизней.

Новый военный министр Булганин издал приказ войскам Советской Армии, в котором одно за другим следовали слова "великий", "гениальный", "бессмертный". В час погребения в столицах союзных республик, городах-героях и некоторых других прозвучали тридцать артиллерийских залпов. Маршалы Соколовский, Буденный, Говоров, Конев, Тимошенко, Малиновский, Мерецков, Богданов, генералы и адмиралы несли ордена и медали генералиссимуса. Вся страна была в глубоком трауре. Скорбь была неподдельной. Миллионы людей не веда-

ли, что в акте похорон они обретают начало освобождения от одной из самых страшных тираний.

На похороны прилетели Чжоу Эньлай, Г. Георгиу-Деж, К. Готвальд, Б. Берут, М. Ракоши, О. Гротеволь, Ю. Цеденбал, В. Червенков, У. Кекконен, многие другие политические и государственные деятели со всех концов света. Человечество понимало, что ушел человек, роль которого в мировой истории оценить будет непросто. Но в те дни дипломатические представительства в Москве слали депеши в свои столицы, главным образом с оценками случившегося и его значения для гигантской страны, с прогнозами на будущее. Все ждали, что скажут на торжественной траурной церемонии похорон преемники Сталина. Солировала четверка: Хрущев, как председатель комиссии по организации похорон, открывший траурный митинг, Маленков, Берия и Молотов. Политические аналитики расценили этот факт так, что именно эти четверо — центральные фигуры в новом руководстве.

Выступавшие, по сути, в одних и тех же словах и выражениях подчеркнули полную приверженность народа и страны сталинскому курсу. Маленков, назвав Сталина "величайшим гением человечества", выразил уверенность, что у СССР "есть все необходимое для построения полного коммунистического общества". Берия, естественно, напомнил, что, идя сталинским путем, мы должны "неустанно повышать и оттачивать бдительность партии и народа к проискам и козням врагов Советского государства. Теперь мы должны еще более усилить свою бдительность". Молотов, отвечая на вопрос: "Что значит быть верными и достойными последователями Сталина?" — пытался сформулировать главные направления дальнейшего укрепления позиций руководства внутри страны и на международной арене. Соратники, по сути, клялись, что все останется так, как было при Сталине. Нюансов в выступлениях лидеров страны на траурном митинге не было. Если не считать, что Берия в ситуации, когда не ему досталось место во главе колонны руководителей (я не сомневаюсь, что он вынашивал такие планы), решил оказать максимальную поддержку наиболее близкому ему человеку — Маленкову. В своем выступлении Берия заявил, что в ряду "чрезвычайно важных решений, направленных на обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны" является "назначение на пост Председателя Совета Министров Союза ССР талантливого ученика Ленина и верного соратника Сталина Георгия Максимилиановича Маленкова"[93].

После траурных церемоний тело умершего "вождя" внесли в Мавзолей. Однако еще восемь месяцев он был закрыт для посещения: продолжался процесс бальзамирования. Мумия должна была, по идее, лежать здесь века. Рядом с Лениным находился теперь человек, который в течение своей политической жизни узурпировал право на понимание и трактовку дела своего великого предшественника. Но хотя Ленин — в своем темном костюме без наград (никто не может представить Ильича с "иконостасом" орденов), а Сталин — с орденскими планками из платины, подлинную роль этих людей история оценила и оценивает, не оглядываясь на "знаки различия". Кто мог знать, что ночью 31 октября 1961 года мумия Сталина навсегда покинет Мавзолей?

В печати и на радио неделю-другую продолжался поток соболезнований, искренних и горестных. Думаю, что даже известные своим антисоветизмом буржуазные деятели искренне связывали со Сталиным целую эпоху развития одного из могущественных государств, без учета позиции которого ныне нельзя было решать многие мировые проблемы. Советская печать не могла найти эпитетов, чтобы выразить роль Сталина в современной цивилизации. "Правда" писала, что его руки "лежали на руле истории человечества". Скажу, однако, что встречались иногда и материалы, за строками которых можно было прочесть и иной смысл.

Пролетарский немецкий поэт И. Бехер в своем стихотворении "Бессмертному" писал:

Могуче задышала грудь земли,
На ней посевы Ленина взошли.
Сказал народ: "Смотрите, Сталин клятву
Исполнил. Люди, начинайте жатву!"
И снова Сталин в души пролил свет,
В то утро величайшей из побед
Погибших память чтил он, скорби полный,
Среди народа — то был плач безмолвный[94].

Вечная тьма поглотила "вождя". Но физическая смерть не сопровождалась смертью политической. Он ушел, оплаканный угодливыми соратниками (неугодных он уничтожил), сопровождаемый их стенаниями и заклинаниями в верности "его делу". Внешне ничего не изменилось. Люди думали, как прежде. Бюрократическая машина, вращая своими массивными шестернями, так же неумолимо исторгала директивы, указания, за-

нималась "подготовкой, изучением и расстановкой кадров", все так же на каждом торжественном собрании принимались приветственные письма, обращенные в адрес "самых-самых". Но те же люди, которые начинали и кончали свои речи и статьи упоминанием о "гениальности" Сталина, постепенно стали менять тон. Как-то незаметно сползала пелена с глаз и душ. Менее чем через месяц прекратили "дело врачей", а Рюмина — главного исполнителя затеи Берии, — как было принято и раньше, расстреляли. Прошло совсем немного времени, и осмелевшие соратники провели "дворцовую операцию" по устранению, а затем и ликвидации Берии. Через год после смерти Сталина военная коллегия Верховного суда СССР под председательством А.А. Чепцова прекратила "ленинградское дело" как "сфальсифицированное бывшим министром госбезопасности СССР и его сообщниками". А.А. Вознесенский, Н.А. Вознесенский, М.А. Вознесенская и десятки их "подельцев", сложившие головы по воле умершего в марте 1953 года сатрапа, были реабилитированы[95]. В следующем году "Правда" сообщила, что в Ленинграде в открытом заседании военной коллегии лица, виновные в фальсификации "ленинградского дела" (В.С. Абакумов, А.Г. Леонов, В.И. Комаров, М.Т. Лихачев) были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, а другие — к тюремному заключению на различные сроки. Главные преступники к этому времени были уже мертвы.

То, что казалось незыблемым, застывшим, вечным, монолитным еще до официального осуждения культа личности, начало расползаться, таять, подвергаться незаметной эрозии, исчезать. Старая как мир истина, которую лаконично сформулировал Томас Манн, что прижизненная слава — вещь сомнительная, быстро стала находить свое подтверждение.

Сталин умер, миновав апогей своей славы и величия. Не все тогда это знали и чувствовали, но смерть "вождя" совпала с глубоким кризисом советского общества. Система застыла: все форумы, съезды, слеты носили формальный характер, ибо их итог заранее был предопределен диктатором. Идеология принизила культуру до роли имитатора заданного и послушного "воспитателя". Все заметнее, несмотря на прорыв в ядерной области, накапливалось техническое отставание от Запада. Сельское хозяйство еще больше деградировало. Обществоведение занималось комбинированием цитат. На развитие естественных и технических наук оказали влияние процессы мракобесия, подобные лысенковщине и походу против кибернетики и генетики. Бюрократическая система контролировала в обще-

стве почти все. Хотя официальная пропаганда непрерывно говорила о новых и новых триумфах "сталинской внутренней и внешней политики", на огромных пространствах лежала молчащая страна, которая могла ждать в любой момент нового приступа насилия своего верховного предводителя. Кремлевский старец с подозрением смотрел на угасание энтузиазма народа, привыкшего повиноваться, исполнять и надеяться. Он недовольно вглядывался во внешне энергичные, но по существу малоэффективные действия созданной им бюрократической прослойки. Он чувствовал: вместо ускорения движения идет его замедление. Кризис назревал.

Не лучше положение было и в делах международных. Конфликт с Тито показал всем — Сталин не всесилен. Созданный им Коминформ — в параличе. "Холодная война" высветила контуры возможного нового мирового конфликта. Но Сталин не понимал, что мир на пороге новых перемен. Нужно было новое мышление, новые подходы, новые альтернативы, признающие приоритет общечеловеческого над классовым. Сталин был совершенно не способен к такой эволюции. Каждый год жизни Сталина, не случись с ним в 1953-м удара, лишь углублял бы тяжелый политический кризис страны. Судьба распорядилась иначе; смерть "вождя" открыла новые возможности для преодоления того, что позже люди назовут сталинизмом. Как сказал Вергилий: "Каждому назначен свой день". И он, этот день, пришел. Великие права и свободы, завоеванные трудящимися в борьбе, оказались серьезно урезанными и не могли выйти из сталинской колеи. Но Сталин оказался не в состоянии все деформировать: многое выжило, хотя и в усеченном виде. На фоне кризиса, который мы смогли в полной мере рассмотреть лишь спустя десятилетия, нельзя отрицать огромную жизнеспособность социализма...

Однажды, когда Джугашвили еще только вступал в отрочество, духовник в семинарии читал наставление по основам Евангелия. Большими глазами Сосо смотрел на священника, пытавшегося убедить его, что Иисус не желал земной власти, а стал гонимым странником, предпочитая славе страдания и смерть. А за несколько часов до Голгофы назвал себя Мессией. Бог, соединившись с людьми, стал богочеловеком и разделил участь всех гонимых за правду...

Юный Джугашвили не мог понять, почему Бог отказался от власти на Земле? Если бы он ее взял, то мог бы изменить участь не только гонимых, но и всех, кого бы счел нужным... Стряхнув с себя библейские постулаты, он, однако, еще с

юношества сохранил устойчивый взгляд на власть, которая способна дать человеку силу и волю сродни божественной.

Жизнь и смерть Сталина подтвердили ряд вечных истин. Пропасть истории одинаково глубока для всех. Но эхо падения ушедшего туда может доноситься как призыв и свидетельство Добра или Зла. Чем больше мы узнаем о Сталине, тем глубже убеждаемся, что ему суждено стать в истории одним из самых страшных олицетворений Зла. Никакие благие намерения и программы не могут служить оправданием актов бесчеловечности. Сталин своей жизнью еще раз показал, что даже благородные, высокие человеческие идеалы можно вывернуть наизнанку, если политика отказывается от союза с гуманизмом. Повторю: Сталин выпустил из поля зрения главное — человека. Для "вождя" человек всегда был и остался составной частью массы, а это почти ничто. Жизнь и смерть Сталина подтвердили, что единовластие как выражение диктатуры одного лица исторически исключительно хрупко. Оно гибнет, исчезает вместе со смертью единодержца. Сталин никогда не мог и не хотел понять, что подлинно свободное общество — это не платформа для пирамиды, на вершине которой находится один человек, а ассоциация, где каждый волен принимать участие в выборе собственной судьбы.

Жизнь и смерть Сталина показали, что отсутствие гармонии между политикой и моралью всегда в конечном счете приводит к краху. Исторический маятник событий в нашей стране поднял Сталина на высшую точку и опустил его до низшей. Жизнь и смерть Сталина рельефно высветили, что человек, верящий только в могущество насилия, может идти лишь от одного преступления к другому. Декорации, созданные диктатором из его "славы, мудрости, прозорливости, почитания", рано или поздно рушатся. Своей жизнью и смертью Сталин показал, что его претензии на совершенство управления оказались призрачными. Его способность овладевать сознанием людей, превращать их в бездумных исполнителей является грозным предупреждением — к чему может вести власть бесконтрольная, абсолютная и сконцентрированная в одних руках. Но это историческое предупреждение мы в полной мере еще не учли. Надежных гарантий по недопущению обожествления первого лица в государстве и обществе пока еще не создано. Триумф Сталина и трагедия народа — вечное предостережение... История Сталина обвиняет. Смерть не стала его оправданием.

Сталинское наследие

В этой главе уже говорилось, что сталинизм родился на марксистской почве. Я убежден в этом. Но Сталин смог так перепахать и удобрить эту почву, что на ней стали произрастать социальные и нравственные уродцы в виде бюрократии и догматизма, которые и поныне еще неотделимы от нашей жизни. Но мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что не ленинизм виноват в появлении сталинизма. Это его антипод, сумевший ловко закамуфлироваться в марксистские одежды. Настаиваю на этом, ибо все чаще раздаются голоса, пытающиеся усмотреть генезис сталинизма чуть ли не в "Коммунистическом манифесте". На одной и той же почве могут произрастать, мы это знаем, самые различные растения. Сталин вырастил плоды, многие из которых повергли бы в ужас тех, кто задолго до Октября мечтал о "царстве справедливости и счастья". Примечательно, что в своей речи на Красной площади во время похорон "вождя" Берия сказал, что Сталин "оставил нашей партии и стране великое наследие, которое надо беречь как зеницу ока и неустанно его умножать". При мысли о том, что у Монстра появилась бы возможность "умножать", становится страшно...

Проживи Ленин еще хотя бы 5 — 10 лет, многое, возможно, развивалось бы совершенно по-иному. Это не абсолютизация роли личности, это вера в те силы, которые "держали в умах и руках" великую идею. К сожалению, эта идея, родившись почти полтора столетия назад, пока так и не смогла в максимально полной форме материализоваться. Но это не значит, что в ней все утопично. Просто деяния Сталина заставили слишком многих усомниться в возможности гуманистической ее реализации. Поэтому, говоря о том "наследии", которое оставил Сталин, следует сказать, что великие мыслители Маркс, Энгельс, Ленин неповинны в той больной тени, которая надолго накрыла их великие идеи. Благодаря Сталину марксизм как бы обмелел. Мы перестали видеть его подлинную глубину. Эта глубина, по моему мнению, не одномерна, а многомерна. Одномерное ви́дение марксизма, к чему за тридцать лет Сталин и его пропагандистская машина постепенно приучили миллионы людей, стало им представляться как набор догматов, которые привели к "обмелению" не только теории, но и самой революции. Ленин бы содрогнулся, представь он хоть на минуту, хоть на одну сотую то зло, которое принесет его делу первый

генсек партии. Жан Жорес, излагая историю Французской революции, написал знаменательные слова: "Великие вершители революции и демократии, трудившиеся и сражавшиеся более века назад, не ответственны перед нами за дело, которое могло быть выполнено только несколькими поколениями. Судить о них так, словно они должны были завершить драму, словно истории не предстояло продолжаться после них, — сущее ребячество и несправедливость. Их дело неизбежно было ограниченным; но оно было великим"[96]. Суд над Сталиным кощунственно превращать в суд над Лениным, как это порой пытаются ныне делать, ибо Ленин, по словам Жореса, не "ответствен перед нами за дело, которое могло быть выполнено только несколькими поколениями".

Эти поколения, вопреки воле Ленина, повел тот, кто совершил самое страшное преступление, поставив знак равенства между великой идеей и собственной властью. Все преступления Сталина производны от этого, главного преступления. Эта констатация определяет характер и содержание сталинского "наследия" и его роль в истории. Трудно не согласиться с Милованом Джиласом, который приходит к выводу, что "Сталин — один из наиболее чудовищных насильников в истории"[97]. Сталинское "наследие" можно было бы выразить формулой: страдания, несчастия, гибель миллионов — во имя "счастья" остальных. Сталин считал это нормальным выражением того "прогресса", к которому он стремился. Главной жертвой сталинизма стала свобода. "Вождь народов" не был императором, но, наверное, ни один монарх не обладал такой неограниченной властью, как Сталин.

Нельзя не признать, что Сталин полнее, чем другие, использовал не только социальные, экономические и идеологические факторы, которые помогли ему сначала удержаться, а затем и прочно стать на ноги, но и национальные особенности русского народа. Д.С. Мережковский еще в начале века писал, что "одна из глубочайших особенностей русского духа" заключается в том, что "нас очень трудно сдвинуть, но раз мы сдвинулись, мы доходим во всем, в добре и зле, в истине и лжи, в мудрости и безумии, до крайности"[98]. Можно оспаривать это категорическое утверждение крупного русского писателя, но нельзя не признать, что Сталин тонко использовал в своих целях национальные, этнические, исторические особенности народов, прежде всего русского.

Набрасывая последние штрихи к политическому портрету человека, который оставил такие глубокие шрамы в истории

советского (да и только ли его?!) народа, необходимо сказать, что **собственно в сталинском наследии** не осталось (и не могло остаться!) ничего позитивного. То, что мы ценим, что есть у нас непреходяще важного, нужного, создано и существует не благодаря Сталину. Сталин, одержавший, казалось, так много личных "побед", в конечном счете потерпел полное историческое поражение. Чтобы оценить его "наследие", реликты которого дают о себе знать и сейчас, хотелось бы напомнить некоторые выводы и оценки последнего сталинского съезда.

XIX съезд ВКП(б) — так партия еще называлась при его открытии — отделяет от предыдущего целых тринадцать лет. Сталину давно уже не нужны были партийные форумы. Жизнь ЦК после войны стала еще более бесцветной. По сути, этот орган руководства партией между съездами исполнял при Сталине роль партийной канцелярии; назначались кадры, давались указания республиканским и областным партийным организациям, принимались постановления, поразительно похожие по духу одно на другое. Большинство этих постановлений были по сельскому хозяйству: о мерах по ликвидации нарушений устава сельхозартели в колхозах; об обеспечении сохранности государственного хлеба; о колхозном строительстве в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР; об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле; о постановке пропаганды и внедрении достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве и другие, тому подобные попытки оживить чахнущую деревню.

За долгими ночными разговорами на ближней даче Сталина, где сидели рядом с "вождем" такие "аграрии", как Молотов, Берия, Маленков, рождались лишь волевые, тупые в своей настойчивости идеи, которые все дальше загоняли в тупик сельское хозяйство. В этой обстановке, когда Сталин чувствовал, что деревня ему отвечает долгой, неосознанной, пассивной, но неумолимой местью за его надругательство над хлеборобом, животноводом, он хватался часто за эфемерные, призрачные возможности. Именно по его инициативе в гору пошел Лысенко, по его предложению вновь (как и накануне войны) в сентябре 1946 года было принято постановление Совмина и ЦК ВКП(б) о проверке и изъятии "незаконно захваченных земель как со стороны отдельных колхозников, так и организаций и учреждений для подсобных хозяйств". Нарушители, говорилось в документе, будут "отдаваться под суд как нарушители закона и враги колхозного строя". Именно Сталин предложил (и, естественно, это вошло в постановление) создавать в мини-

стерствах сельского хозяйства СССР и республик управления сельскохозяйственной пропаганды во главе с первыми заместителями министра... Все напрасно. На волевые, надуманные решения, прежде всего административно-репрессивного характера, село отзывалось немым равнодушием.

Шли годы. Центральный Комитет не собирался. После февральского Пленума 1947 года, обсудившего те же вопросы "подъема сельского хозяйства", следующий состоялся лишь в августе 1952 года, на котором были решены организационные вопросы, связанные с созывом XIX съезда партии. Даже информационные сообщения об этих Пленумах в печати давались в загадочной форме: "На днях (?! — *Прим. Д.В.*) в Москве состоялся очередной (?! — *Прим. Д.В.*) Пленум ЦК ВКП(б)". Кто делал доклад, каковым было обсуждение вопроса, когда состоялось это "на днях", читателю приходилось лишь догадываться. Бюрократия не может обходиться без секретности; ведь это один из ее важнейших устоев.

Да, Сталину партийные форумы были не нужны. Но без съезда ему не хотелось производить крупные изменения в партийном руководстве. Он знал, что съезд пройдет по его сценарию и полностью проштампует его решения. Дело зашло уже так далеко, что совесть людей была давно загнана в глухую резервацию. Партия, повторюсь, стала его орденом. Но Сталин, уверовав в свое духовное бессмертие, решил оставить наследникам материалы для долгого пережевывания — "Марксизм и вопросы языкознания", "Экономические проблемы социализма в СССР", свою речь на XIX съезде партии, два новых тома "собственных" сочинений, которые спешно готовились к изданию. Стареющий, больной "вождь" одновременно хотел, видимо, подготовить почву для устранения ряда своих многолетних соратников, которые слишком много знали и после съезда могли стать удобными "козлами отпущения".

Для политического портрета Сталина, характеристики его "наследия" XIX съезд дает немного нового, но вместе с тем немало интересного материала. Маленков в течение августа — сентября 1952 года несколько раз докладывал Сталину о подготовке к съезду: содержание Отчетного доклада о работе ЦК ВКП(б), Директивы съезда по пятому пятилетнему плану, другие документы и выступления. Сталин пролистал проекты выступлений членов Политбюро, но они его интересовали мало. Все соревновались в поисках новых эпитетов, заслуг, добродетелей, талантов "вождя". Сталин не делал письменных пометок, а при встречах с подобострастным Маленковым высказы-

вал ему коротко замечания, звучащие как непреложные указания. Значительно большее внимание он уделил собственному выступлению. По его плану Суслов с небольшой бригадой подготовил несколько вариантов речи. Окончательную доводку выступления Сталин сделал сам.

За несколько дней до начала съезда Сталин назначил его открытие на... семь часов вечера. Собственному режиму дня он подчинил и высший форум партии. Президиум съезда был небольшим. Но появилось новшество: все члены сгрудились на левом фланге стола президиума. Сталин сел в одиночестве справа. Ни рядом, ни сзади никого не было. "Великий вождь" не хотел растворяться даже среди высших руководителей партии. Бесконечные упоминания в речах делегатов его имени прерывались бесчисленными овациями, вставаниями, скандированием. Сталин смотрел на экзальтированный психоз нормальных как будто людей, не спускавших с него глаз, полных преданности, любви и неподдельного подобострастия. Утомившись от выслушивания потока ухищренных славословий, в перерыве "вождь" уходил и подолгу не появлялся. Кажется, только в день открытия и день закрытия он был на всех заседаниях. Два-три дня не появлялся вообще. Думаю, дело тут не в здоровье. Сталину эти форумы, в которых нет борьбы, загадок, неясностей, давно стали неинтересны. Но он и не хотел других. Съезд был для него "демократическим" обрамлением его единовластия. Да к тому же мало осталось в живых членов ЦК, избранных на XVIII съезде. Нужно было пополнить состав Центрального Комитета. Ведь иногда приходилось кое-что штамповать... Роль "вождя" в обществе была такой, что весь съезд ничего не значил по сравнению с глодавшей всех мыслью: будет ли выступать Сталин?

В общественном сознании Сталин уже давно превратился в живой миф — средоточие мудрости всех земных благостей и провидчества. Всеобщее ослепление было столь велико, что любое обычное слово, мысль, идея, принадлежащие Сталину, как-то подсознательно облекались в форму, наполненную особым, оригинальным, неповторимым смыслом. Люди уже не видели, что обычные банальности, простенькие положения, часто плохо увязанные с реалиями жизни, принимаются ими чуть ли не за божественные откровения.

Делегаты до последнего дня не были уверены: скажет ли что-либо им "вождь"? На заключительном заседании, когда все увидели, что Сталин поднялся из-за стола президиума и медленно пошел по ковровой дорожке к трибуне, зал стоя

устроил ему долгую овацию. Он вновь предстал перед ними не в военной, а в "партийной" форме, лишь с одной звездой Героя, умело поддерживая в сознании людей образ "скромного" лидера. Речь его была короткой. Пожалуй, аплодисменты, которыми она прерывалась, заняли больше времени. Сталин ни слова (!) не сказал о внутренних делах страны, партии, отметив, однако, что ныне с образованием народно-демократических стран, как он выразился, новых "ударных бригад", нашей "партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее".

Обратившись к делегациям компартий капиталистических стран, Сталин выдвинул два весьма сомнительных лозунга. Оба основаны на том, что в капиталистическом мире якобы выброшены за борт знамена буржуазно-демократических свобод, национальной независимости и суверенитета. Он призвал коммунистические и демократические партии поднять эти знамена. Сталин вновь, как в старые "коминтерновские" 20-е годы, выразил уверенность "в победе братских партий в странах господства капитала"[99]. Одномерное мышление Сталина как бы застыло. Ни одной новой идеи. Не случайно вскоре после окончания съезда, в этом же месяце, в "Правде" появилась статья, озаглавленная "Сборище социал-предателей в Милане", об очередном конгрессе социалистического Интернационала. "Главари", "провокаторы", "преступники", "предатели" — таков лексикон статьи. "Наследие" Сталина в области коммунистического движения, борьбы трудящихся за свои социальные права, как и международных отношений вообще, отличается крайним консерватизмом, непониманием необходимости радикальных перемен. На своем последнем съезде Сталин лишь рельефнее зафиксировал устаревшую традиционную позицию коммунистов, явно отстающую от тех изменений, которые начали происходить в мире.

Наиболее проницательные люди, а мне довелось побеседовать с несколькими делегатами XIX съезда партии, почувствовали, что Сталин уже определенно думает о том, что останется после него, как распорядятся его наследием. Я считаю, что именно этим объясняется его необычная, большая речь на Пленуме ЦК, избранного на съезде. В злых выражениях, с обвинительной интонацией он как бы выразил сомнения в том, смогут ли его соратники продолжить взятый курс? Не капитулируют ли перед внутренними трудностями, империализмом? Проявят ли мужество и твердость перед новыми испытаниями?

Сегодня мы знаем, что Сталин в своей последней публичной речи обрушился на Молотова и Микояна, как бы давая понять, что в его "старой гвардии" не все достойны доверия. Сталин просто боялся, что его главное "наследие" — мощная, угрюмая, застывшая в своей долгой неизменности держава — может оказаться не в тех руках... "Вождь" понимал, что его имя, дела, идеи могут сохраниться лишь в рамках созданной им Системы. Любая другая отвергнет его постулаты. Тоталитарное государство, которое, по сути, создавал все эти годы диктатор, функционировало по его жестким рецептам: высочайшая централизация, демократический антураж единовластия, ставка на силу как главный фактор развития. Для обеспечения материальной базы такого государства, до конца своих дней считал Сталин, необходимо обеспечить преимущественный рост производства средств производства и подъем колхозной собственности до уровня общенародной.

Ведущим элементом сталинского "наследия" стала несвобода людей. Да, не было эксплуатации в прежнем, капиталистическом понимании, люди были в основном равными в своей бедности, огромной зависимости от аппарата, имели возможность "самоотверженно трудиться". Пока не начал иссякать огромный заряд Октября, советские люди часто добивались высоких достижений в промышленности и сельском хозяйстве, науке и культуре. Но все более широкое использование изощренной системы запретов, ограничений, принуждения вселяло в сознание людей социальную пассивность, равнодушие, инертность. Массовое использование подневольного труда, высылки, всеобщий контроль за умами, угроза постоянной кары за любое проявление малейшего инакомыслия "украсили" общество, в котором несвобода людей стала естественным состоянием. Разумеется, о ней не только не говорили, но было опасно и думать.

В сталинском "наследии" особое место занимала партия, но партия не в нашем сегодняшнем понимании, а как синоним огромного идеологического ордена. Сталин до конца дней любил говорить: "мы, большевики", "нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять", "большевики — люди особого склада"... Целые поколения людей выросли на преклонении перед Сталиным, его идеями. В центре всех мировоззренческих установок, пожалуй, стоял классовый подход в его извращенном понимании. Марксисты, видимо, всегда абсолютизировали его, подгоняя все социальные явления под схему, основой которой был постулат: борьба классов — главная движу-

щая сила развития. Сама идея гуманизма, общечеловеческих ценностей, морали объявлялась еретической, буржуазной, как будто гуманизм и марксизм были антиподами. О гуманистической сущности марксизма нельзя было и заикнуться. Для партийца классовое сознание — жесткая непримиримость ко всему чуждому, ко всему тому, что не согласуется с его убеждениями. Абсолютизация классового подхода, борьбы противоположностей оправдывала жесткость, насилие, нетерпимость. Классовый подход на первый план выдвинул борьбу, а компромисс, сосуществование, согласие, сотрудничество стали чем-то второстепенным. Во внешнеполитических делах это вело к конфронтации, а внутри страны оправдывало насилие и террор. Абсолютизация противоречий, реально существующих между классами, вылилась в универсальную доктрину политической и идеологической войны.

Партийный орден, а Сталин часто называл его и "армией", постепенно стал разветвленным, универсальным аппаратом власти. Партия, которую оставил Сталин, в значительной мере утратила ленинские черты. Послушное автоматическое единодушие, единогласие, однодумство превратили членов когда-то революционной ленинской партии в массу исполнителей. Печать сталинского "творчества" видна здесь так же отчетливо, как и в других областях. В этой связи нельзя не признать, что не только Сталин и его окружение, но и партия несут ответственность за сталинизм.

Наконец, сталинское "наследие" выглядело бы неполным, если бы при анализе реликтов мы не учитывали роль и место, которые диктатор уготовил карательным органам. В результате сталинской селекции во главе их стояла каста людей, которым "вождь" безоговорочно верил. Ежов, Берия, Круглов, Абакумов, Кобулов, Серов, Деканозов, Меркулов, Цанава, другие жрецы сталинской безопасности были властны над жизнью любого гражданина страны, незаметного труженика или известного деятеля. Вот пример.

Один из зловещей обоймы бериевского окружения И. Серов в своем доносе Сталину и Берии (уже после войны) писал: "Я уже докладывал о необъективном отношении члена Военного совета группы оккупационных войск в Германии генерал-лейтенанта Телегина к работникам НКВД. Телегин начал выискивать различные "факты" против отдельных представителей НКВД и преподносить их т. Жукову в искаженном виде. Например, сообщил об отправке 51 эшелона с трофеями в адрес НКВД... Мы имеем десятки фактов, когда генерал Телегин пы-

тается скомпрометировать работников НКВД. Я пришел к выводу, что генерал Телегин очень озлоблен на НКВД..."[100] Сталин, естественно, поручил НКВД "хорошенько разобраться". Исход нетрудно было предвидеть. Вскоре Телегин был отозван в Москву, отправлен на курсы усовершенствования политсостава, пока в "органах" готовили "дело" и доложили о нем Сталину. С его одобрения Константин Федорович Телегин, прошедший всю войну на самых трудных, часто решающих участках, был арестован "за вражескую деятельность". Приговор военной коллегии гласил: "за антисоветскую пропаганду, на основании Закона от 07.08.32 г. и по статье 58-12 УК РСФСР, подвергнуть лишению свободы в ИТЛ сроком на 25 лет с конфискацией всего имущества..." Только смерть Сталина распахнула перед Телегиным двери лагеря. Малейшее трение, "косой взгляд", элементарное непочтение к представителям карательных органов квалифицировалось как тяжкое преступление.

Каждый из истории берет то, что отвечает его мировоззрению. Изучая Великую французскую революцию, Ленин увидел в великом потрясении центральную идею — народовластие. Его несовершенство и противоречивость. Тем не менее он увидел в народовластии непреходящую историческую надежду. Троцкий, обращаясь к Французской революции, был поражен неумолимостью попятного движения, возможностью безжалостной ликвидации пламени народной свободы. Для него слово "термидор" стало символом реставрации старого, контрреволюции, предательства, обмана всех лучших надежд революционеров. Не случайно он употреблял слово "термидор" обычно в соседстве со словом "Сталин". А "вождь народов" больше всего внимания обратил на ту опасность, которая, по его мнению, погубила Французскую революцию. Эта опасность была конкретной и заключалась в наличии "врагов народа". Этот печальный для советской истории термин пришел в нашу трагическую действительность из XVIII века. Для Сталина "врагами народа" были все, кто прямо или косвенно, хотя бы потенциально, мог стать угрозой единовластию. Все свои помыслы он направил на его укрепление, выдавая это, естественно, за "упрочение социализма". А для этого потребовалась большая карательная машина, которую он лично создавал, направлял и контролировал.

Над народом, государством, партией раскинулась страшная сеть карательных органов. Абсолютизация насилия вылилась у Сталина в создание огромной системы надзора над каждым гражданином страны, полностью беззащитным перед угрозой

произвола. "Вождь", извратив, доведя до абсурда идею классовой борьбы, превратил ее в инструмент постижения "высшей истины". По сути, все сталинское "наследие", независимо от того, затрагивает ли оно государственную, общественную или идеологическую сферу, связано с возможностью и необходимостью насилия. Всю жизнь Сталин защищал институты, созданные при его участии, поддерживал и насаждал самые ортодоксальные взгляды, означавшие веру в социальную инерцию движения без его революционного стимулирования.

Но "вождь" явно переоценивал стабильность созданного им общества. Буквально через считанные часы после его смерти наследники начали нарушать его заветы. С марта 1953 года наступило десятилетие советского реформизма, которое затронуло буквально все области жизни. Значение их нельзя переоценить. Особенно те его аспекты, которые связаны с решениями поистине исторического XX съезда партии. Характерной чертой всех реформ этого периода являлась их незавершенность, половинчатость, недосказанность. Но самое главное было сделано: был положен конец террору, который господствовал почти четверть века. Свобода получила шанс реализовать себя. Но все это произойдет после того, как начнет подвергаться эрозии сталинское "наследие".

Сегодня на Сталина и сталинизм мы смотрим еще как бы с высоты птичьего полета истории. Думаю, спустя десятилетия эти мрачные страницы летописи советского народа с большей временно́й дистанции будут во многом видеться глубже, основательнее, вернее. Прошлое сегодня слишком близко и держит нас в своих объятиях. Но одно, подчеркну еще раз, ясно уже сейчас: Сталин — лишь вершина айсберга. Описав ее, вершину, я не претендую на то, что высветил весь айсберг.

Выскажу еще одну, почти еретическую мысль. Возможно, слишком еретическую. Суть ее вот в чем. В начале века, как помнит читатель, русский писатель Д.С. Мережковский написал нашумевший памфлет-пророчество "Грядущий Хам". Тогда он был расценен (да и сейчас, думаю, едва ли на это произведение многие смотрят иначе) как своеобразный антиреволюционный манифест. Приведу его, пожалуй, центральную идею. Мережковский, не обделенный талантом, но склонный к мистике, пророчески писал: "Не бойтесь никаких соблазнов, никаких искушений, никакой свободы, не только внешней, общественной, но и внутренней, личной, потому что без второй невозможна и первая. Одного бойтесь — рабства и худшего из всех рабств — мещанства и худшего из всех мещанств — хамства,

ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт — уже не старый фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий князь мира сего, Грядущий Хам"[101].

Критики под рабами сразу усмотрели пролетариат, и, думается, напрасно. Мережковский ведет речь, как явствует из памфлета, о "духовном рабстве", а в нем, по его словам, могут пребывать самодержцы, "китайская стена табели о рангах", "мертвый позитивизм православной казенщины" и "черная сотня". По сути, рабство и хамство для Мережковского — синонимы антисвободы. Возможно, писатель и не пытался заглянуть так далеко за горизонты бытия, наивно надеясь спасти Россию с помощью лишь "религиозной общественности" и возрождения интеллигенции, но вольно или невольно он выразил очень глубокую мысль: попрание свободы всегда создает угрозу пришествия "князя мира сего, Грядущего Хама". Во все времена, когда свобода становилась прерогативой лишь владык, императоров, диктаторов, тиранов, над людьми нависал призрак "Грядущего Хама". Сталин всей своей жизнью, деяниями, устремлениями доказал, что Хам антисвободы может быть кровавым, чудовищно страшным. Рецепты Мережковского, боявшегося пришествия Хама, достаточно наивны, но не без рационального смысла: он верил в особую роль человеческого интеллекта. Сегодня мы знаем, что Хама насилия, бюрократии и догматизма можно не допустить, если ему противостоят в тесном союзе демократия, закон, культура.

Возможно, эти мои размышления достаточно абстрактны, умозрительны. Но говорю об этом потому, что чем меньше уважения к демократии, закону, культуре, тем всегда отчетливее возникает призрак Хама антисвободы. Эта истина была верна и для начала XX века, думаю, будет верной и в веке XXI. Может быть, долгосрочности своей идеи не знал и сам Мережковский. Возможно, сегодня я его прочел иначе, чем читали тогда, у подножия века, в сполохах кровавых классовых сражений. Дело не в Мережковском в конце концов. Есть общечеловеческие истины, которые не противоречат традиционному марксизму, истины, основывающиеся на гуманизме, вере во всесилие человеческого разума и в неистребимую волю человека к социальной и моральной справедливости. "Наследие" Сталина абсолютно не вписывается в эти рамки.

"Грядущий Хам" наиболее зловеще проявляется в диктаторстве, исключающем свободу. А начиналось все, казалось, с мелочей: концентрации власти в руках слишком узкой группы

лиц, которая в конце концов отдает ее одному человеку. Эту грозную опасность видел еще Плеханов. Протестуя против чрезмерного сосредоточения власти вскоре после революции, он писал: "...ЦК всюду "раскассировывает" все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде... Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха". Далее Плеханов, упомянув крыловскую басню, когда лягушки просят себе царя, пишет: "...Если бы наша партия, в самом деле, наградила себя такой организацией, то в ее рядах очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов: в ней остались бы лишь лягушки... да Центральный журавель, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другою"[102]. Сегодня мы уже знаем, что "Центральный журавель", глотавший отнюдь не "лягушек", весь смысл своего существования и деятельности видел не в утверждении и развитии народовластия, а в цементировании цезаризма. Даже когда сам Сталин чувствовал, что старость и болезни готовы вскоре сломить его, он еще раз осуществил проверку благонадежности нового ЦК. В своем выступлении на последнем Пленуме ЦК он вдруг заговорил о старости и необходимости освобождения его от обязанностей секретаря ЦК. Он заранее знал, чем кончится весь этот спектакль. Конечно, новый состав ЦК не мог и подумать о том, чтобы освободить Сталина. Мысль эта казалась кощунственной. Даже если предположить невозможное: Сталин уходит с поста секретаря, но остается Предсовмина. Думаю, что с высот этого поста он вскоре бы учинил кровавую баню тем, кто согласился на его уход. Но это гипотетическое предположение, высказанное мной, совершенно нереально. Сталин это знал лучше других и тем не менее за несколько месяцев до смерти он решил еще раз проверить на верность окружение и новый ЦК. Эту сталинскую проверку новые члены Центрального Комитета, по его мнению, выдержали.

Повторю еще раз: Сталина никогда не интересовал человек как таковой, как социальный феномен, "мера всех вещей", как цель социалистического развития. Человек для него (а без этого нельзя понять суть сталинского "наследия") был интересен лишь как союзник, враг, исполнитель, "винтик". В конце жизни его, правда, еще интересовали "высокие особы", заметные лица, люди с "голубой кровью" или с известными фамилиями. В

этом случае Сталин проявлял к ним неподдельный интерес, отдавал соответствующие распоряжения или просто наслаждался возможностью распорядиться судьбой этих лиц. Приведу два-три примера.

Фельдмаршал Паулюс, содержавшийся на "спецобъекте" под Москвой, сотрудничал с советскими властями в плане передачи и обобщения военного опыта. Он несколько раз обращался к Сталину с просьбой разрешить ему вернуться на родину, тем более что его отношение к СССР в корне изменилось в лучшую сторону. Но годы шли, а Сталин не выпускал пленника. Наконец однажды утром Сталин нашел у себя на столе донесение министра внутренних дел:

"Товарищу Сталину И.В.

Докладываю, в ночь на 26 февраля 1952 года у бывшего фельдмаршала германской армии Паулюса Фридриха произошел обморок с кратковременной потерей сознания. Вместе с Паулюсом проживают и обслуживают его личный ординарец военнопленный солдат Шульте, а также личный повар военнопленный Жорж. Вследствие длительного пребывания в плену и неизвестности разрешения вопроса о его репатриации, фельдмаршал стал проявлять нервное беспокойство. Со своей стороны считал бы целесообразным рассмотреть вопрос о возможности репатриации Паулюса в ГДР.

29 февраля 1952 года

С. Круглов"[103].

Наконец Сталин дал согласие проработать порядок репатриации Паулюса. Десять лет в его руках был человек, символизирующий одну из самых блестящих "его" военных побед. С трудом решил он с этим "символом" расстаться.

Когда Сталин узнал, что в Саксонии, в деревне близ замка Россла, в ноябре 1945 года найдена вдова Вильгельма II Гермина фон Прайзен, Сталин, поразмыслив, бросил: "Создайте нормальные условия для жизни".

Немногим раньше Сталину доложили, что в концлагере в Ораниенбурге обнаружен бывший премьер-министр Испанской Республики Франциско Ларго Кабальеро, находившийся в состоянии крайнего истощения. Сталину приходилось иметь с ним дело в конце 30-х годов. Ограничился распоряжением: "Сообщите в Испанию семье, что жив". Как-никак: премьер-министр, монарх, полководец — люди "его круга". Здесь он позволял себе проявлять даже благосклонность.

Сталин принял участие и в судьбе императора Маньчжурии Пу-И. После разгрома Квантунской армии императора с

семьей и прислугой отправили в Читу, а затем в Хабаровск. С ним, видимо, активно "работали", о чем свидетельствует письмо бывшего маньчжурского монарха Сталину в середине 1949 года. Приведу отрывки из этого письма, доставившего тщеславному "вождю", по-видимому, удовольствие, если он, конечно, не уловил признаков того, что "органы" опять "перестарались"...

"Генералиссимусу Сталину

Для меня высокая честь писать это письмо. Я всегда испытывал к Вам чувство глубокой любви и восхищения, вследствие чего хочу сообщить о своей надежде быть оставленным на жительство в СССР. В прошлом японская военщина ограничивала мою личную жизнь. Я не мог знать истинного положения в СССР... Впервые за 40 лет я прочитал Вашу книгу "Вопросы ленинизма" и "Историю ВКП(б). Краткий курс". Теперь я узнал, что СССР действительно самая демократическая и самая прогрессивная страна в мире, путеводная звезда малых и угнетенных народов... Правительство СССР отменило смертную казнь. Это новая эра для СССР в охране гуманности...

В прошлом я просил об оставлении меня в СССР. До сего времени еще нет ответа. Я хочу работать здесь. Желаю Вам неизменного здоровья и счастья.

Айсиньцзюэло пуи"[104].

Сталин прочел перевод, долго с любопытством рассматривал целый ковер иероглифов и бросил Берии: "Передадим, наверное, императора китайцам?" Судьба императора — куда ни шло, можно снизойти до личного решения. А вообще лучше решать судьбы людей списками. Большими списками. Бесконечными списками...

Сталин, уничтожив в обществе любые альтернативы, превратил свое наследие в одномерно негативное. Едва ли он догадывался, что начало его исторического поражения совсем близко. Оставляя в последние месяцы в углу документов, которые он рассматривал значительно реже, свои лаконичные резолюции, он поднимал ладонь левой руки к лицу, как будто загораживался от солнечных лучей. Привычка! На одной ранней фотографии Сталин сидит в такой же позе у краешка стола, небритый, в стоптанных сапогах, засаленном старом пальто, с нечесаными волосами. А рука прячет глаза от света... Сейчас он генералиссимус и, наверное, самый могущественный диктатор на Земле. Но этот жест — нет, не от солнца спасает он "вождя". Он, не зная того сам, хочет спасти себя от грядущего исторического поражения.

Историческое поражение

На трибуне XX съезда КПСС был Хрущев. Делегаты слушали его доклад, повергнувший всех в состояние шока. Сцена с президиумом словно расплывалась, и казалось, что на ней солируют двое: Хрущев и до боли знакомый (а теперь незнакомый!) призрак. Именно такое впечатление могло сложиться у делегатов XX съезда, когда 25 февраля 1956 года Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев делал свой знаменитый "секретный" доклад. Почти полторы тысячи делегатов напряженно, в мертвой тишине, прерываемой иногда возгласами возмущения и потрясения, смотрели на человека, стоящего на трибуне. Но чем дальше он с пафосом читал свой доклад, тем отчетливее каждый из присутствующих в Кремлевском Дворце видел призрак, появляющийся то справа, то слева от Хрущева. Характерный говорок Первого секретаря незаметно, но одновременно и быстро лепил совершенно новый образ "вождя народов". Скоро в центре зала осталась как бы одна сцена, на которой было двое: новый лидер партии, один из бывших верных соратников умершего около трех лет назад диктатора, и знакомый абсолютно всем облик немого "вождя", который прямо здесь, на действительно исторической арене, становился совсем другим: кровавым, тираническим, страшным. То были редкие часы подлинно исторического значения.

Могло показаться, что Хрущев вызывал духов из потустороннего мира. Видимо, прав был Бердяев, заявивший в своих лекциях в Москве, в Вольной Академии Духовной Культуры о том, что "в обращении к прошлому есть всегда какое-то совершенно особое чувство приобщения к другому миру, а не только к той эмпирической действительности, которая нас со всех сторон давит, как кошмар, и которую мы должны победить, чтобы подняться на какую-то новую высоту..."[105]. Буквально за несколько часов до этого доклада никто не мог и предположить, что партия после долгих лет стагнации и деформации способна подняться на эту "новую высоту". Как бы мы ни относились к Хрущеву, ответственному, как и все окружение Сталина, за годы беззакония и террора, тогда, на съезде он совершил настоящий гражданский, исторический подвиг.

Мы знаем сегодня, что сразу же после смерти Сталина в руководстве партии начались едва заметные процессы, направленные на освобождение от пут сталинизма. Эти подвижки ускорились после ареста и расстрела Берии, акции, которая по-

зволила новому руководству глубже и масштабнее рассмотреть то, что творилось за сталинскими кулисами, хотя многое соратникам было хорошо известно и ранее. Вскоре после того, когда была определена дата XX съезда, первого после смерти Сталина, Хрущев на одном из заседаний Президиума ЦК партии неожиданно предложил создать комиссию по расследованию злоупотреблений, творившихся во времена Сталина. Первый секретарь решился на этот шаг не по "зову сердца и совести", как он стал уверять всех позднее. Дело в том, что, как только забальзамированного Сталина поместили в Мавзолее рядом с Лениным, в ЦК, в правительство, в различные государственные инстанции пошел все увеличивающийся поток писем от тех, кто был надолго упрятан за колючую проволоку "зон", от родных и близких, разыскивающих своих отцов, матерей, братьев и сестер. То была стихийная волна протеста и надежды, мольбы и веры в восстановление попранной справедливости.

Хрущев распорядился подготовить на основе писем несколько обзорных записок, которые в сочетании с дезавуированным "ленинградским делом", пересмотренными "делами" отдельных заключенных, сумевших выйти на ЦК, убедительно показали преступную фальшь многих обвинений. Стало ясно, что, когда в ближайшие год-два у огромного количества осужденных по различным пунктам 58-й статьи закончатся сроки, этих людей нужно будет вернуть домой. Они принесут вечную боль, недоумение, а затем и требования наказать виновных. Теперь, после смерти Сталина и Берии, никто не осмелится и дальше гноить этих людей в лагерях и ссылках. Другими словами, Хрущев почувствовал, что партия и страна поставлены перед исключительно сложным и ответственным выбором. Уже само предложение о создании комиссии вызвало яростное противодействие со стороны Молотова, Кагановича, Ворошилова. Но Булганин, Микоян, Сабуров, Первухин, при колеблющемся пока Маленкове, создали Хрущеву перевес. Комиссия была создана. Ее возглавил П.Н. Поспелов, долго работавший главным редактором "Правды", а затем директором Института Маркса — Энгельса — Ленина. Хрущев распорядился допустить комиссию к материалам МВД и КГБ. И надо сказать, Поспелов потрудился основательно. Так же, впрочем, как несколько лет до этого, составляя вместе с Г.Ф. Александровым, М.Р. Галактионовым, В.С. Кружковым, М.Б. Митиным, В.Д. Мочаловым "Краткую биографию" И.В. Сталина. Когда накануне съезда Поспелов доложил Хрущеву и всем членам Президиума выводы комиссии, Первый секретарь наконец

понял, что этот документ или проломит бетонный панцирь лжи, мифов, легенд, связанных со Сталиным, или политически похоронит его самого.

Хрущев несколько раз возвращался к докладу Поспелова, спрашивал коллег: что будем делать? Как доведем выводы комиссии до делегатов съезда? Кто это сделает? Может быть, Поспелов? Молотов, Ворошилов, Каганович долго и упорно, иногда с яростью, сопротивлялись. Ход этих ожесточенных споров не протоколировался, но по воспоминаниям самого Хрущева, некоторых других товарищей у противников доклада было несколько "железных" аргументов: кто нас заставляет выворачивать "грязное белье"? Не лучше ли потихоньку поправить перегибы? Понимает ли сам Хрущев, к каким последствиям может привести обнародование выводов комиссии? И, наконец, разве все члены Президиума ЦК не причастны (в той или иной мере) к беззакониям прежнего времени? Разве можно не учитывать все эти опасения? Но Хрущев победил: 13 февраля ЦК принял решение ознакомить делегатов с докладом о культе личности на закрытом заседании съезда. Хотя самого Хрущева тоже не раз охватывали сомнения. Но он вспоминал о письмах заключенных, возвращался мысленно к безумию прошлых лет и все тверже приходил к выводу: результаты столь массового террора, беззаконий, страшных злоупотреблений долго утаивать все равно не удастся. Рано или поздно правда станет известна. Нужно взять инициативу в свои руки и сказать партии эту страшную правду. Народу Хрущев, к сожалению, говорить об этом не собирался.

Когда казалось, что очередной, XX съезд благополучно докатился до своего привычного конца, чтобы занять место среди других, таких же невыразительных и "организованных", сразу же называемых печатью "историческими", наступило главное. Делегатам съезда было объявлено о том, что состоится закрытое заседание. Булганин, председательствовавший на этом заседании, предоставил слово Первому секретарю ЦК партии.

Это был звездный час Хрущева. В свое время ортодоксальный сталинист, никогда ни в чем не возражавший "вождю", он неожиданно проявил историческую смелость, гражданское мужество, способность перешагнуть через десятилетиями создававшиеся предрассудки. Как потом выяснится, это было не случайным шагом Хрущева.

Насколько он был незаметным исполнителем в качестве одного из окружения, настолько оказался решительным, а часто и импульсивным политиком, став во главе партии. Кроме

"секретного" доклада, ряда необычных мер во внутренней политике, в послужном списке Хрущева значатся и такие неординарные шаги, как поездка к Тито для нормализации отношений с СФРЮ, размещение ядерных ракет на Кубе, встреча с президентом США Эйзенхауэром, решительные действия во время событий в Венгрии, установление дружеских отношений с президентом Египта Насером, непримиримость к Мао Цзэдуну, поддержка Вьетнама и многие другие, которые несут на себе печать сложной и противоречивой личности Первого секретаря. Как показывают эти события, Хрущеву было не занимать решительности, мужества, готовности взять всю ответственность на себя. Но следует отметить при этом, что Никита Сергеевич был плохим аналитиком, нередко был непоследователен, явно переоценивал свои интеллектуальные и политические способности. Порой его шаги выглядели просто необдуманными и недальновидными. Ко всему этому прибавилась и старая болезнь, присущая не только Хрущеву, но и всей нашей системе в целом: абсолютизация роли первого лица. Политические структуры после Сталина по-прежнему не имели иммунитета против цезаризма, возвеличивания руководящей личности, не имели гарантий от появления новой формы культа. Своей деятельностью Хрущев лишь подтвердил этот органический изъян системы, не располагавшей подлинными демократическими атрибутами.

Я, однако, вынужденно отвлекся. Но без этих отступлений нельзя показать всю историческую значимость той части XX съезда партии, которая нанесла первый страшный удар по сталинизму. Это было начало исторического поражения "вождя", тридцать лет строившего сталинский социализм.

Я не намерен пересказывать положения доклада Хрущева, а лишь попытаюсь показать, сколь велика была его роль в начавшейся десталинизации и сколь глубокие последствия вызвало его выступление во всем мире.

...Итак, на исторической сцене было два главных действующих лица: неистовый Хрущев и призрачный Сталин. В звенящей тишине зала Первый секретарь переходил от вопроса к вопросу. Поспелов со своими помощниками подготовил доклад почти из полутора десятков разделов. Каждый из них был элементом целого, но играл и самостоятельную роль. Внутренняя логика была слабой. Так, например, излагая общеметодологические вопросы о культе личности и взглядах на него классиков марксизма, о ленинских оценках Сталина, докладчик как-то сразу переходил к теме "враги народа", а затем вновь возвращался к более общим вопросам: Ленин и партийная оппозиция,

коллективное руководство. Некоторые темы неоднократно повторялись: ответственность за террор, геноцид и террор, террор. В докладе "О культе личности и его последствиях" были освещены и такие специальные темы, как Сталин и война, конфликт с Югославией, Берия, и некоторые другие.

Начал Хрущев спокойно: "В настоящем докладе не ставится задача дать всестороннюю оценку жизни и деятельности Сталина. О заслугах Сталина еще при его жизни написано вполне достаточное количество книг, брошюр, исследований. Общеизвестна роль Сталина в подготовке и проведении социалистической революции, в гражданской войне, в борьбе за построение социализма в нашей стране. Это всем хорошо известно. Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего и для будущего партии, — речь идет о том, как постепенно складывался культ личности Сталина, который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности". В зале сидели делегаты, которые впервые (!) узнали о ленинском "Письме к съезду", об оценках, которые Ленин дал Сталину еще в начале 20-х годов. Это были откровения, позволившие наконец истине вырваться из заточения. Хрущев, хотя и заклеймил "троцкистско-зиновьевский блок", как и "бухаринцев", однако впервые высказал еретическую тогда мысль, что при Ленине борьба с оппозиционерами велась только "на идеологической основе".

Но не эти идеи были главными в докладе Хрущева. Весь пафос его выступления был направлен на осуждение сталинских беззаконий. "Ясное дело, — подчеркивал Хрущев, — что здесь были проявлены со стороны Сталина в целом ряде случаев нетерпимость, грубость, злоупотребление властью. Вместо доказательств своей политической правоты и мобилизации масс, он нередко шел по линии репрессий и физического уничтожения не только действительных врагов, но и людей, которые не совершали преступлений против партии и Советской власти".

Зал оцепенел, когда Хрущев подробно рассказал о том, как фабриковались "дела", что представляли собой так называемые "враги народа". Хрущев справедливо отметил, что сталинская концепция "врага народа" сделала возможной применение жесточайших репрессий против любого, кто не соглашался со Сталиным по какому-либо вопросу, против тех, кто только лишь подозревался в намерении совершить враждебные действия, а также против тех, у кого была плохая репутация. Слушая эти страшные откровения, сидящие в зале видели, как

до боли знакомая фигура в маршальском мундире постепенно предстает в облике палача собственного народа с обагренными кровью руками.

Хрущеву удалось в течение трех-четырех часов, пока продолжался доклад, сделать, казалось бы, невозможное. Прежде всего докладчик развенчал Сталина как вождя. Хрущев особенно нажимал на то, что Сталин был некомпетентным руководителем: "знал страну и сельское хозяйство только по кинокартинам", а во время войны "разрабатывал операции на глобусе", совершенно не учитывал "мнения партийных работников". Первый секретарь, неплохо знавший сельское хозяйство, самые разящие удары нанес призраку на сцене именно в этой области. Хрущев поведал делегатам, что Сталин в последние годы вынашивал мысль повысить налоги в сельском хозяйстве на 40 миллиардов рублей! Это была "фантастическая идея человека, оторвавшегося от действительности". Хрущев, показывая некомпетентность "вождя", его умозрительные решения, сорвал тем самым со Сталина тогу непогрешимости и мудрости, в которую он так долго и старательно облачался.

Далее Хрущев привел доказательства того, что Сталин являлся палачом, садистом, человеком, лишенным каких-либо элементарных нравственных качеств. Коснувшись судеб Косиора, Чубаря, Постышева, Косарева, Эйхе и других видных большевиков, докладчик подчеркнул, что Сталин "сам был Главным Прокурором во всех этих делах. Сталин не только соглашался на все эти аресты, он сам, по своей инициативе давал распоряжения об аресте". А добыть "признания" — главный аргумент виновности — было делом техники. "И следователи добывали эти "признания", — заявил Хрущев. — Но как можно получить от человека признание в преступлениях, которых он никогда не совершал? Только одним способом — применением физических методов воздействия, путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка, лишения человеческого достоинства. Так добывались мнимые "признания". Хрущев, приведя большое количество конкретных фактов, связанных с судьбами Кирова, Постышева, Рудзутака, Вознесенского, Кузнецова, Родионова, Попкова, Розенблюма, жертв "мингрельского дела" и других, смог создать новый облик "вождя": кровавого, беспощадного диктатора и тирана.

И, наконец, "секретный" доклад Первого секретаря поставил под большое сомнение стиль и методы руководства Сталина. Хрущев особо подчеркнул, что отсутствие коллективности в высшем партийном руководстве — прямое следствие злоупот-

реблений личной властью. Например, заявил докладчик, "за все годы Великой Отечественной войны фактически не было проведено ни одного Пленума ЦК*. Правда, была попытка созвать Пленум ЦК в октябре 1941 года, когда в Москву со всей страны были специально вызваны члены ЦК. Два дня они ждали открытия Пленума, но так и не дождались. Сталин даже не захотел встретиться и побеседовать с членами Центрального Комитета". Хрущев на протяжении всего доклада проводил мысль, что Сталин, постоянно злоупотребляя своей неограниченной властью, действовал при этом от имени ЦК, не спрашивая при этом мнения не только членов ЦК, но даже и членов Политбюро. Нередко он не информировал их о лично им принятых решениях, касавшихся чрезвычайно важных партийных и государственных вопросов. Одним из примеров пагубности единовластия стал анализ конфликта с Югославией. Хрущев прямо заявил, что Сталин в этой истории играл "постыдную роль".

Таким образом, своим докладом Хрущев достиг несколько целей: показал призрачное величие "вождя", не обладавшего ни должной компетентностью, ни мудростью, ни проницательностью. Докладчик однозначно констатировал, что главная ответственность за злодеяния, преступления, террор лежит на Сталине. Хрущев так же решительно осудил единовластие "вождя", явившееся источником многих бед для партии и народа. Это был взрыв в общественном сознании, самое смелое и неожиданное наступление на цезаризм, беззаконие и тоталитаризм.

Но Хрущев был и остался сыном своего времени. Его личный вклад в решительное разоблачение культа личности неоспорим. Только за одно это его имя навсегда войдет в нашу историю. Но доклад, подготовленный старым сталинским придворным теоретиком, не был глубоким; скользя по поверхности явлений и фактов, он почти не касался генезиса сталинизма, причин деформации социализма, более того, эти искажения даже не признавались. Сталинские "заслуги" полностью не отрицались: "Бесспорно, что в прошлом Сталин имел большие заслуги перед партией, рабочим классом и перед международным рабочим движением... Причем он был убежден, что это необходимо для защиты интересов трудящихся от происков врагов и нападок империалистического лагеря". Сталин, под-

---

* На самом деле один Пленум ЦК состоялся в 1944 г. (*Прим. Д.В.*)

вергаясь жестокой критике, одновременно получал и индульгенции перед историей.

Хрущев надеялся, что обсуждения вопроса о культе личности и его последствиях в кругу партии будет достаточно для ликвидации сталинских извращений. Об этом, по сути, докладчик откровенно заявил на съезде: "Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв. Я думаю, что делегаты съезда правильно поймут и оценят все эти мероприятия".

Реформатор, сделав решающий прорыв, не мог понять, что "секретное мышление" — это как раз и есть сталинское мышление, унаследованное от призрака. "Знать меру" для Хрущева означало не обращаться с этими еретическими взглядами к народу, тем более к мировой общественности. Человек, который еще шесть лет назад выступил с известной статьей "Сталинская дружба народов — залог непобедимости нашей Родины", не мог, конечно, в одночасье освободиться от всего того, что зрело, росло, формировалось в нем десятилетиями. Хрущев, не перечивший ни в чем "вождю" при его жизни, конечно, не забыл, что его поступки, как и поступки других соратников Сталина, целиком зависели от диктатора. Они привыкли исполнять, а не рассуждать. Сам Хрущев помнил, что нередко второстепенные, чисто хозяйственные вопросы он был не в состоянии решить сам, не обратившись прямо к Сталину. Это было небезопасно: мог последовать грубый отказ или какая-нибудь издевательская реплика. Но обращаться все равно приходилось...

"ЦК ВКП(б)

товарищу Сталину

Просьба взять на обеспечение государства истребительные батальоны, действующие против оуновцев. Просим:

кирзы для голенищ сапог — 104 300 дцм
юфты для передков сапог — 774 дцм
кожи подошвенной — 20 380 дцм
....
бязи для белья — 196 000 м
ниток — 525 катушек
18.IX.1946 г.

Н. Хрущев
С. Круглов"[106].

Нетрудно представить, что если испрашивали нитки у

"вождя", то в политических вопросах соратники испрашивать ничего не могли. Хрущев, нанесший первый мощный удар по сталинизму, не мог, естественно, сразу стряхнуть с себя все его постыдные атрибуты.

Вся непоследовательность, половинчатость, недосказанность Хрущева нашли отражение в Постановлении ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий", принятом 30 июня 1956 года[107]. В этом документе, мало похожем на доклад Хрущева, хотя и была сделана попытка вскрыть причины культа личности Сталина, тем не менее более ярко выражен компромисс со сталинистами. В постановлении, в частности, утверждается, что "серьезные ошибки" были допущены лишь "в последний период жизни Сталина". Раскрывая "объективные условия" формирования антиленинского феномена, постановление в значительной мере использовало аргументы самого Сталина: "После смерти Ленина в партии активизировались враждебные течения — троцкисты, правые оппортунисты, буржуазные националисты, стоявшие на позициях отказа от ленинской теории о возможности победы социализма в одной стране, что на деле вело бы к реставрации капитализма в СССР. Партия развернула беспощадную борьбу против этих врагов ленинизма". Далее говорилось, что "приходилось идти на некоторые ограничения демократии, оправданные логикой борьбы нашего народа за социализм в условиях капиталистического окружения". Но все это не столько объясняло, сколько оправдывало культовые уродства. Хрущев вновь возрождает идею "ленинского ядра", которое якобы сразу же после смерти Сталина повело решительную борьбу с культом личности и его последствиями. Мы же знаем, что все было далеко не так.

В постановлении ставится, кстати, вопрос: "Почему же эти люди не выступили открыто против Сталина и не отстранили его от руководства?". Далее следует констатация, которая, пожалуй, объективна, хотя и страшно горька: "Всякое выступление против него в этих условиях было бы не понято народом, и дело здесь вовсе не в недостатке личного мужества. Ясно, что каждый, кто бы выступил в этой обстановке против Сталина, не получил бы поддержки в народе". Хрущев, Президиум ЦК не захотели сказать, что выступать против Сталина нужно было значительно раньше, когда к партии обратился с этим предложением Ленин. Не сказав этого, **сняв вину с партии за диктаторство одного лица**, постановление тем не менее сочло необходимым отметить, что "советские люди знали Сталина как человека, который выступает всегда в защиту СССР от про-

исков врагов, борется за дело социализма. Он применял порою (?! — *Прим. Д.В.*) в этой борьбе недостойные методы, нарушал ленинские принципы и нормы партийной жизни. В этом состояла трагедия Сталина (?!! — *Прим. Д.В.*)". Оказывается, все это было трагедией не народа, а лишь Сталина... "Было бы грубой ошибкой из факта наличия в прошлом культа личности, — отмечается далее в постановлении, — делать выводы о каких-то изменениях в общественном строе в СССР или искать источник этого культа в природе советского общественного строя. И то и другое является абсолютно неправильным, так как это не соответствует действительности, противоречит фактам".

При чтении постановления начинает казаться, что Хрущев, ведя дуэль с призраком Сталина 25 февраля 1956 года и нанеся первое, но смертельное поражение поверженному кумиру, сам испугался этой победы! Не случайно ЦК, официальная печать хранили полное молчание по поводу "секретного" доклада, как будто их целью было оградить народ от идеологического потрясения. Однако ознакомление с докладом глав делегаций братских партий, партийной общественности на закрытых собраниях с неизбежностью привело к его "утечке". Уже в начале июня 1956 года текст доклада появился на страницах буржуазной печати в США, Франции, Англии. А у нас, даже признав в конце концов существование этого документа, официальные партийные органы более трех десятилетий делали вид, что этот вопрос совершенно не актуален. И только весной 1989 года доклад был опубликован в вестнике "Известия ЦК КПСС". Многолетнее сокрытие от народа этого документа свидетельствует, что сталинизм, увы, еще жив, он только видоизменил свою форму. А ведь казалось, что партия, именно партия, начав разоблачение и развенчание сталинизма, должна была и завершить его. С началом обновления на одном из съездов или пленумов следовало принять глубокий аналитический документ, который отразил бы полное и всестороннее отношение коммунистов страны к этому чуждому марксизму явлению. Сейчас середина 1989 года, а такого документа пока еще нет.

"Второе наступление" Хрущева на Сталина и сталинизм, предпринятое им на XXII съезде партии уже публично, открыто, лишь потеснило тоталитарно-бюрократический образ мыслей и действий. Потеснило, но не ликвидировало. Затем наступил долгий мораторий в четверть века. Брежнев, не решаясь полностью реанимировать Сталина и сталинизм, по совету Суслова и других своих соратников пошел по иному пути: в исто-

рии были созданы провалы, пустоты. Как будто не было Сталина, не было злодеяний сталинщины, не было тысяч, миллионов замученных и расстрелянных, не было ГУЛАГа. Бесполезно искать в энциклопедических словарях, изданных в те годы, материалы о Троцком, Бухарине, Зиновьеве, Каменеве, множестве других деятелей революции.

Схемы истории, создаваемые такими людьми, как Поспелов (готовы писать и панегирики Сталину, и его исторические некрологи), были упрощены до предела: Сталина как бы не было. Руководила партия (даже если она не собиралась на свои съезды и пленумы). А если Сталин и упоминался, то в обойме других сохраненных для истории вождей, как один из многих. Но только как совершивший "некоторые ошибки". И сам XX съезд, может быть, один из подлинно исторических, на долгие годы попал в полосу идеологического моратория. Складывалось впечатление, что призраки сталинизма пошли в незаметное контрнаступление.

Здесь нет ничего случайного. Сталин умер, но Система осталась. Пришли новые люди, пользующиеся механизмом этой Системы. Те две памятные исторические атаки, которые со смелостью романтика-реформатора осуществил Хрущев, позволили пробить крупные бреши в корпусе сталинизма. Но его наследники без лишнего шума наложили политические, идеологические и социальные "пластыри" на эти пробоины. Книги, которые успели написать во время "оттепели" А. Солженицын и некоторые другие писатели и историки, оказались уже "не ко времени". Официальные исследования этих лет, посвященные 20-м, 30-м, 40-м, да и 50-м годам, представляли собой в основном "кривое зеркало".

Но хрущевский доклад сделал свое дело. В коммунистических партиях начался долгий и трудный процесс мучительной переоценки своей истории, ценностей, программ, взглядов. Это особая тема. Отношение некоторых партий строилось по принципу: главным является не выяснение истины, а то, кто ее выясняет. А поскольку, как подчеркивалось в постановлении ЦК КПСС, "в буржуазной печати развернута широкая клеветническая антисоветская кампания, поводом для которой реакционные круги пытаются использовать некоторые факты, связанные с осужденным Коммунистической партией Советского Союза культом личности И.В. Сталина", то реакция многих ортодоксально мыслящих руководителей была соответствующей. В иных случаях, как, например, в Итальянской компартии, руководство и особенно сам П. Тольятти не довольствовались огра-

ниченным объяснением феномена сталинизма, а сами поставили вопрос о его природе. Во Французской компартии к оценке глубинных вопросов сталинизма, его генезиса и последствий подошли более осторожно.

Компартия Китая вначале солидаризовалась с выводами доклада Хрущева, а затем в условиях усиливающихся межпартийных разногласий перешла от поддержки к осуждению исторической акции XX съезда. Пожалуй, в концентрированной форме отношение к Сталину было выражено в совместной статье двух партийных китайских органов "Женьминь жибао" и "Хунци". Статья, опубликованная 13 сентября 1963 года, гласила: "На XX съезде КПСС товарищ Хрущев полностью и огульно отрицал Сталина. По такому принципиальному вопросу, имеющему отношение ко всему международному коммунистическом движению, как вопрос о Сталине, он предварительно не проконсультировался с братскими партиями, а после XX съезда, поставив их перед совершившимся фактом, стал навязывать им решение съезда". Далее в статье делались такие выводы: "Все заслуги и ошибки Сталина — это объективно существующая историческая реальность. Если сопоставить заслуги и ошибки Сталина, то у него заслуг больше, чем ошибок. Правильное в деятельности Сталина составляет его главную сторону, а его ошибки занимают второстепенное место. Каждый честный, уважающий историю коммунист, подводя итоги теоретической и практической деятельности Сталина в целом, видит прежде всего эту его главную сторону. Поэтому, правильно познавая, критикуя и преодолевая ошибки Сталина, необходимо защищать главную сторону его жизни и деятельности, защищать марксизм-ленинизм, который он отстоял и развил"[108]. Это консервативная позиция, но аргументированная. Была реакция и иного рода.

В 1979 году к 100-летию со дня рождения Сталина в Тиране Э. Ходжа опубликовал книгу "Со Сталиным", где подробно описывал свои пять встреч с "вождем народов". В книге нет аргументов, обосновывающих неприятие решений XX съезда КПСС албанским руководством, но есть яростное, эмоциональное неприятие самой идеи осуждения вождизма. "Никита Хрущев и его соумышленники, — писал Ходжа, — в "секретном" докладе, с которым они выступили на своем XX съезде, облили грязью Иосифа Виссарионовича Сталина и постарались унизить его самым отвратительным образом, самыми циничными троцкистскими методами"[109].

По существу, каждая компартия по-своему "переваривала"

доклад Хрущева на XX съезде. Потрясение, растерянность, но и оживление теоретической мысли, переосмысление прошлого опыта, как и ренегатство, идущее рядом со стремлением к обновлению, новым формам политической и социальной деятельности, — все это в высшей степени противоречивое отражение происшедшего в Москве на XX съезде стало реальностью. Думаю, что едва ли сам Хрущев мог предполагать, сколь противоречивыми будут последствия его прорыва.

В конце концов, Хрущев, оказавшись в центре внимания почти полутора тысяч делегатов XX съезда вместе с призраком ушедшего в небытие "вождя", едва ли представлял, что сцена дворца скоро расширится до планетарных масштабов. На этой арене развернется долгая борьба (она и сейчас еще не закончена) различных концепций социализма. С одной стороны, ортодоксальной, жесткой, бюрократической, силовой, бескомпромиссной, одномерной, готовой оправдать даже преступления во имя торжества идеи. С другой — демократической, гуманной, многомерной концепции, исходящей из принципа, что высокая идея может опираться лишь на чистые, человеческие методы и средства, концепции, в основе которых — исторические компромиссы и сосуществование различных систем и идеологий. Конечно, у Хрущева еще не было тех концептуальных взглядов, которые мы приобретаем сегодня. Но осмелюсь сказать, что если не сводить новое мышление только к современному осмыслению грозных реалий ядерного мира, а понимать под ним принципиально новое "прочтение" великих идей гуманизма, то нужно сказать, что Хрущев приоткрыл дверь социалистического мира для проникновения туда тех духовных ценностей, которые и ныне кое-кому кажутся ересью. Хрущев сдернул мантию непогрешимости с тирана, в котором как в "кривом зеркале" отразились сложнейшие противоречия эпохи. Сталин оказался непревзойденным мастером соединения высокой идеи с чудовищным абсурдом.

Сегодня можно сказать, что XX съезд партии, при всей незавершенности начатого тогда, дал нам дополнительные возможности не только для постижения эпохи, но и для углубленного понимания политического портрета Сталина. Вернусь еще раз к Николаю Бердяеву, который, может быть, глубже, чем многие, сумел постичь тайны философии истории. Именно она позволяет через призму вечно пульсирующего бытия найти многие разгадки той или иной личности или, по крайней мере, надеяться постичь их. "Каждый человек, — писал Бердяев, — по своей внутренней природе есть некий великий мир, микро-

косм, в котором отражается и пребывает весь реальный мир и все великие исторические эпохи"[110].

Каждый исследователь, преодолевая пласты времени и пытаясь понять то, что безвозвратно ушло, одновременно имеет шанс увидеть "оттиски", иногда очень слабые, порой кричаще-громкие, работы мысли, воли, страсти человека, чей портрет он хочет воссоздать. Этому помогают "раскопки" реликтов былого, отшумевшего, страшного. Реликты сталинизма требуют долгого осмысления. Подчас, кроме анализа конкретных фактов, я был вынужден прибегать к методам философии истории, предстающей в этом случае как пророчество, опрокинутое назад. Только постигнув прошлое, люди будут способны на пророчества, обращенные в грядущее.

Вместо заключения

Вердикт истории

В начале 1945 года, когда исход войны был уже ясен, во время одного из вечерних докладов Берия молча положил перед Сталиным лист бумаги, исписанный аккуратным почерком. Рядом — этот же текст, перепечатанный на машинке в ведомстве наркома внутренних дел. Сталин знал, что ему не докладывали "пустых" бумажек. Посмотрев внимательно на Берию, "вождь" углубился в чтение.

"Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович,

Мы, внуки писателя Льва Николаевича Толстого, Илья Ильич и Владимир Ильич Толстые с семьями, освобожденные от немецкой оккупации войсками Красной Армии на территории Югославии, где мы жили 23 года, как эмигранты, просим о разрешении нам вернуться на Родину, чтобы принять участие в войне.

В полном сознании ошибочности и преступности своей эмиграции, мы просим дать нам право и возможность включиться в ту гигантскую борьбу, которую ведет наш народ под водительством Советской власти за счастье своей Родины. Помогая Красной Армии в ее боевой работе в районе нашего местожительства, мы сердцем уже с нею слились и теперь хотим только отдать свои силы и жизни своей стране.

Мы надеемся, что Вы, как человек, почувствуете и поймете всю естественность и искренность нашего стремления и не откажете нам.

С глубоким уважением

Илья Ильич Толстой
Владимир Ильич Толстой

20 января 1945 года
Новый Бечей, Югославия"[1].

Сталин поднял голову и вновь посмотрел на Берию. "И здесь, — подумал Верховный Главнокомандующий, — дворянская гордыня: "...ту гигантскую борьбу, которую ведет наш народ под водительством Советской власти..." Хорошо хоть, что власть признали, но не его, вождя... Ход мыслей Сталина прервал Берия, что-то торопливо говоривший:

— ... Этот Илья, бывший помещик, в 1916 году окончил Военно-морской корпус царской армии. В гражданской войне воевал на стороне белых. Бежал после разгрома Колчака в Харбин, оттуда через Японию и Италию — в Югославию, где и проживает с 1921 года. С 1933 года член антисоветской организации "Младоросская партия", а накануне войны руководитель отделения этой партии в Белграде. До 1939 года сотрудничал в белогвардейской газете "Русское дело", печатавшей измышления по адресу советского руководства, пропагандировал монархические идеи. Сильно бедствовал материально, работал счетоводом, вместе с сыном сапожничали, делали куклы. Сейчас сын Никита пошел с одной из частей Красной Армии...

— А что другой Толстой? — перебил Сталин.

— Владимир Толстой... образование получил в Первом Московском корпусе. До 1917 года был добровольцем на германском фронте. Затем — на стороне белых. С войсками Врангеля бежал в Константинополь. Зарабатывал на жизнь в Югославии трудом строительного рабочего, был поденным огородником, служащим на табачном складе в Македонии...

— А антисоветская деятельность?

— Данных пока нет. При немцах сидел в концлагере за симпатии к СССР.

Сталин молчал. До него дошло слабое эхо гражданской войны, пролившей реки крови. Не без злорадства подумал: "Сколько теперь таких кающихся будет? История всем доказала его силу и правоту... Осколки прошлого..." Берия, словно расслышав мысли "вождя", ввернул:

— В Югославии, должно быть, немало всяких бывших: белогвардейское офицерье, казачки... Как в Чехословакии и Болгарии... Думаю, и этих братьев Толстых надо проверить в лагере... Почему мы им должны делать исключение?

Но Сталин, помолчав еще с минуту, неожиданно не согласился со своим заплечных дел мастером:

— Бог с ними. Передайте письмо Молотову. Разрешите въезд в страну. Пусть их судит история...

Лишь через два с половиной месяца на заявлении Толстых появится наконец резолюция: "Надо разрешить вернуться обо-

им в СССР. *В. Молотов*. 3.IV.45 г."[2]. А в октябре семьи внуков великого русского писателя получили советское гражданство.

"Пусть их судит история..." Необычное заявление Сталина. Он привык судить сам. "Вождь" давно уже уверовал, что история может судить всех, кроме него. Диктатор полагал, что он как бы возвысился над прошлым, настоящим и будущим. Хотя понимал, что прошлое пожирает многих, а в конечном счете всех, но едва ли относил это к себе. Христианин, ставший атеистом, он знал, что эта великая религия славит воскресение. Но ему оно не было нужно. Он верил, что память о нем не придется искусственно оживлять. Но суд... Сильный, властный догматический ум Сталина давно пришел к умозаключению, что история будет его не судить, а изучать, возвышать, увековечивать его имя. Ведь сделанное им видят все: могучее государство, монолитная партия, сплоченный народ, одержавший под его руководством столько побед. Нет, Сталин не мог даже думать о каком-то суде истории над собой. Это невероятно. Будет лишь великое воздаяние ему за бессмертные заслуги.

Вначале казалось, что все именно так и будет. И через два года после его смерти в огромной апологетической статье трехтомного энциклопедического словаря, выпущенного в издательстве "Советская энциклопедия", отмечалось, что "Сталин — верный ученик и соратник В.И. Ленина, великий продолжатель его бессмертного дела, вождь и учитель Коммунистической партии Советского Союза, советского народа и трудящихся всех стран"[3]. Но этой инерции апологетики хватило ненадолго.

Сегодня мы знаем, что гласный суд над Сталиным начался в феврале 1956 года и идет уже более трех десятилетий. Но и в годы единовластия были люди, которые уже тогда открыто высказывали свое неприятие сталинской политики. Вот несколько примеров. В военных архивах имеется немало донесений в Политуправление РККА, свидетельствующих о том, что кровавый террор 1937 — 1938 годов вызвал не только слепое, механическое одобрение, но и растерянность, подавленность, а иногда и протест. Приведу выдержки из политдонесений корпусного комиссара Говорухина, дивизионного комиссара Волкова, бригадного комиссара Круглова (в донесениях, как часто тогда бывало, инициалы не указаны).

— Лейтенант 101-го артполка беспартийный Шкробат: "Не могу верить Сталину, что Якир и Тухачевский враги народа".

— Красноармеец Зубров: "При Николае не хватало виселиц, а теперь не хватает патронов. Но всех не перестреляют".

— Преподаватель артшколы Трушинский: "Не является ли сам Сталин троцкистом?"

— Командир корабля Кириллов: "Не верю, что Бухарин и другие — враги народа и социализма. Просто они хотели заменить руководство партии"[4].

Таких фактов в донесениях приводится немало. Как правило, здесь же сообщается: такой-то "передан в органы НКВД для следствия". Недоумение, слабый протест тут же подавлялись.

Сам помню, что уже после войны где-то в конце 40-х годов наш сосед в деревне Прокоп Мочалов негромко говорил моему дяде:

— Замордовал Сталин колхозы... Это надо же, довел до того село, что уж сколько лет, как хлеб едим только по праздникам. Все отбирают, одни налоги... Какой же это социализм?

Такие, как я, и не ведали, что люди могут и должны жить лучше. Ведь другой жизни — без нужды, вечных нехваток, ограничений, мобилизаций — мы и не знали. Всеобщая бедность, регламентация и заданность бытия стали нормой. Судить Сталина могли те, которым было с чем сравнить свою сегодняшнюю жизнь. Мне документально известны и другие случаи прямых и эзоповских антисталинских высказываний ряда рабочих, крестьян, инженеров, писателей, ученых, чье сознание не было полностью замутнено и чья совесть не была деформирована. Эта тема социального, духовного протеста, пассивного, а иногда и яростного у нас еще должным образом не изучена.

Вердикт истории выносит прежде всего народ, который три десятилетия шел за человеком, жестоко поправшим великую Идею. В ходе "судебного разбирательства" все сильнее меняется политический облик Сталина. Я уже отмечал, что мне, возможно, и не удастся написать полный портрет этого тирана. Может быть, моя попытка ограничится лишь созданием одного из эскизов, пользуясь которым другие напишут этот портрет. Но уже сегодня ясно, что говорить и писать о Сталине — это значит всмотреться, вглядеться в эпоху, на щите которой этот человек оставил столь глубокую и кровавую вмятину. Едва ли можно решить эту задачу одной книгой. Как бы там ни было, думаю, что на основе анализа тысяч документов, сталинской переписки, решений и указаний диктатора, воспоминаний его соратников и людей, общавшихся с ним, я вправе сделать еще несколько завершающих "мазков" на этом портрете. А для этого постараюсь ответить на ряд вопросов, анализ которых,

хочу надеяться, поможет нам и нашим потомкам вынести свой исторический вердикт Сталину и сталинизму.

Был ли Сталин революционером? По-видимому, да, был. Но каким и до каких пор? Годы подполья, ссылок, тюрем, время революции и гражданской войны, влияние подлинного вождя революции Ленина сформировали в этом человеке черты, которые были присущи тогда многим: веру в истинность идей марксизма; уверенность в том, что действительность можно преобразовать в соответствии с убеждениями; склонность к мелкобуржуазному радикализму, абсолютную приверженность классовым критериям, нигилистическое отношение к демократическим и гуманистическим ценностям. В силу своей малозаметности в Октябрьской революции Сталин не дал слишком много пищи историкам. Он был статистом революции, хотя и числился в ее руководящем звене. Но есть свидетельства, которые нам были прежде неизвестны, что Сталин был способен иногда и на самостоятельные решения, чего не мог не оценить Ленин. Так, на заседании Совета Народных Комиссаров 28 ноября 1917 года, на котором председательствовал Ленин (присутствовали Троцкий, Стучка, Петровский, Менжинский, Глебов, Красиков, Сталин, Бонч-Бруевич и некоторые другие), среди многих вопросов обсуждался и такой. Приведу просто выдержку из протокола:

"Слушали:

2. Проект декрета (вносит тов. Ленин) об аресте виднейших членов ЦК партии врагов народа (кадетов. — *Прим. Д.В.*) и предании их суду революционного трибунала.

Постановили:

Принять и утвердить (принято единогласно против одного Сталина)"[5].

Такое поведение Сталина может сегодня показаться невероятным. Возможно, таким образом Сталин хотел заявить о себе? Документы — вещь упрямая. Этот малоизвестный факт показывает, что Сталин проделал довольно причудливую эволюцию в своем развитии революционера. Он не всегда был вампиром. На первых порах эта эволюция была достаточно позитивной. Не случайно Ленин согласился на выдвижение Сталина Генеральным секретарем партии и позднее охарактеризовал его как одного из "выдающихся вождей". Ранее я писал, что, по моим данным, на пост генсека Сталина выдвинул Каменев. Хотя официальные сообщения на этот счет иные. Например, Мехлис в газете "Правда" 9 апреля 1949 года прямо утверждал, что Сталин стал Генеральным секретарем "по предложе-

нию В.И. Ленина". Но Мехлис слишком одиозная фигура, чтобы его заявления брать на веру.

Сегодня мы знаем, что высокий пост скоро изменил Сталина. В истории замечено, что власть лучше всякого рентгена "высвечивает" людей. Сталин стал преображаться. Многие порочные наклонности, дремавшие в этом малозаметном человеке, быстро проснулись. Сталин "высветил" себя. И Ленин уже менее чем через год после назначения Сталина обнаружил, что у одного из руководителей революции — глубокие политические и нравственные изъяны.

После смерти Ленина в генсеке стал быстро умирать революционер и рождаться диктатор. В начале 30-х годов это был уже первый консул, цезарь. Говоря словами Жана Жореса, отныне "свет Революции будет мерцать в мрачной атмосфере Термидора"[6]. В тиране уже трудно узнать бывшего революционера. Разве можно было предположить 28 ноября 1917 года, когда Сталин выступил против ленинского предложения о предании суду лидеров партии кадетов, что незадолго до своего 70-летия только в сентябре 1949 года Сталин сможет спокойно, без единого замечания одобрить целую "пачку" приговоров Особого Совещания при МВД СССР:

2 сентября — 30 человек к 20 годам каторжных работ;

10 сентября — 52 человека к 20 годам каторжных работ;

16 сентября — 31 человека к 20 годам каторжных работ;

24 сентября — 76 человек к 20 годам каторжных работ[7].

И так все последующие месяцы, что отвела судьба диктатору. А ведь подавляющее большинство этих людей не были преступниками. Разве не похож Сталин на безжалостного палача собственного народа? Разве можно обойтись без этого характерного штриха на портрете без риска его исказить? Таковы полюса 30-летней эволюции человека, начавшего революционером и кончившего жизнь кровавым тираном.

Сталин был радикалом, но ему никогда не были присущи революционный романтизм и смелый полет мысли. Даже когда все лидеры большевистской революции во главе с Лениным надеялись на то, что разгорится пролетарский пожар мировой революции, Сталин был достаточно холоден к этой идее. Он не очень верил в нее. Сталин насмешливо улыбался, когда Бухарин на IV конгрессе Коминтерна (1922 г.) внес предложение о праве пролетарского государства на "красную интервенцию", ибо "распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции"[8]. Первый генсек партии весьма скептически смотрел на революционность

Европы, как, впрочем, и Азии. Его больше устраивал "социализм в одной стране". Можно, пожалуй, сказать, что и Сталину, и Троцкому была присуща мелкобуржуазная революционность. Но если Троцкому требовалась "всемирная коммунистическая революция", то Сталин, будучи прагматиком, в душе считал это утопией. Его революционность шла не "вширь", а "вглубь".

У Сталина были сильны изоляционистские настроения. Придет время, и он создаст "железный занавес". Посещение человеком (даже по служебным надобностям) заграницы считалось при Сталине, как, впрочем, и позже, едва ли не подозрительным фактом. Если в 20-е годы капиталистические страны создавали кордоны, которые могли препятствовать "большевистской заразе", то в последующем об этом заботился уже Сталин. И прежде всего потому, что боялся реальностей. Как можно было, например, поддерживать миф об "абсолютном обнищании" пролетариата на Западе без изоляции советских людей от правды? Сталину была нужна лишь революционная фразеология. Для диктатора сама революция становилась теперь подозрительной, если она не была "санкционирована" им.

Каким был Сталин как государственный деятель? Высший государственный пост Сталин занял лишь 6 мая 1941 года, став Председателем Совета Народных Комиссаров. Правда, в начале своей головокружительной карьеры он занимал сразу два ответственных поста — народного комиссара по делам национальностей и наркома рабоче-крестьянской инспекции. Сталин не тратил времени на утопические, по его мнению, рассуждения об отмирании государства. Он если и говорил об этом, как, например, на XVIII съезде партии, то только в одном ключе: будущее отмирание государства произойдет через его всемерное укрепление и усиление. Для "революций сверху" — а после Октября он признавал только такие — нужна сильная, "железная" власть, не обремененная демократическими атрибутами. Ему никогда не приходило в голову, что народ путем свободного волеизъявления, при наличии обязательных альтернатив может и должен давать мандат на правление вновь избранным представителям народа. Придя к власти, Сталин тотчас решил, что это пожизненно. В государстве он превыше всего ставил аппарат, больше других ценил ведомство внутренних дел. Даже партию за очень короткое время он смог превратить в разновидность специфического аппарата или, может быть, государственного идеологического ордена.

В государстве Сталин сразу увидел инструмент власти, по-

зволяющей ей быть всегда правой. Он не опустился до тривиального: "государство — это я", но даже не являясь до 1941 года главой правительства, обладал абсолютными прерогативами законодательной и исполнительной власти. Партийно-государственная машина стала для Сталина средством обеспечения безраздельного единовластия. Этот человек никогда не был знаком с "Государством" Платона. Но если бы читал это произведение, то мог бы страшно удивиться: по каким же старым рецептам он действовал! Платон писал: "Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных... а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости... Во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она — сила, вот и выходит, если кто правильно рассуждает, что справедливость — везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего"[9].

А чтобы народ отдавал себе отчет в том, что только государство может определять, что справедливо, а что нет, нужно быть беспощадным к тем, кто в этом сомневается. По старой привычке из гигантского потока писем Сталину выбирали ежедневно несколько характерных. Тут много зависело от Поскребышева и его аппарата. Но почти никогда Сталин не давал повода подумать, что государство ошиблось. Вот и на этот раз его помощник вложил в папку письмо от родственников правнука декабриста Юрия Анатольевича Пестеля о том, что, мол, сидит он уже десять лет, у него нет кисти руки, сжальтесь... Ведь фамилия Пестеля для России так много значит... Но Сталин просто отложил письмо в сторону. А вот еще:

"... Мои четыре сына, бывшие орденоносцы и заслуженные мастера спорта братья Николай, Александр, Андрей и Петр были арестованы 21 марта 1939 года и приговором военной коллегии Верховного суда СССР осуждены по ст. 58-10 УК к 10 годам лишения свободы каждый.

Разрешите оказать милость моим сыновьям сражаться на фронте.

12 марта 1944 года

Старостина Александра Степановна"[10].

Сталин и это письмо отложил в сторону: пусть разбирается Берия. Он знает его, "вождя", установку: государство зря не карает.

Почему в годы единовластия Сталина произошло укрепление тотальной бюрократии? Дело в том, что во время правления единодержца наше общество, вопреки заявлениям Сталина,

не построило "полного социализма", а находилось лишь на мучительном переходном этапе, отягощенное множеством проблем. А бюрократия как раз способна лишь загонять противоречия, проблемы вглубь, а не решать их. Проблемы власти, культуры, общественной мысли, прав человека благодаря бюрократии долгие годы казались решенными. Во внутреннем плане государство всячески стимулировало рост бюрократии: все больше была нужда в надсмотрщиках, понукателях, контролерах, цензорах, планировщиках, нормировщиках, инспекторах. Внешнеполитическая ситуация также способствовала цементированию бюрократии: чем больше поражений терпело революционное движение, чем больше усиливалась угроза войны, тем более обоснованными выглядели шаги по "закручиванию гаек". В конце концов в стране появился главный победитель — бюрократия, надолго одержавшая верх над идеей, партией, народом. В храме бюрократии находился ее главный жрец — "великий Сталин". По существу, "вождь народов" стал персональным олицетворением тотальной бюрократии. Революционную лаву, извергшуюся из октябрьского кратера, остудили холод и равнодушие сталинской бюрократии. Пройдут долгие годы, прежде чем история предъявит свои векселя к оплате.

Социализм и диктатура личности несовместимы. А Сталин добился их синтеза. Сам этот факт уже дает материал для исторического вердикта; диктатор — это несвобода миллионов и свобода лишь одного деспота. Нужно признать, что недруги Сталина и сталинизма заметили и сказали об этом раньше, чем большевики. Еще в 1932 году в Париже вышла книжка Александрова "Диктатор ли Сталин?", в которой делалась попытка ответить на вопрос о природе сталинизма и характере государственной власти деспота. Сталин, писал автор, "не захватил в свои руки власть, а корону — лидерство — преподнес ему созданный им железный, преданный ему аппарат во главе группы видных новых вождей партии, во всем согласных с ним"[11]. В этой связи подчеркну: партия не может снять с себя ответственности за прошлое, связанное со Сталиным. Догматизм и бюрократию породили не только государство и общество, но и их институты.

Сталин всегда верил в силу государственной машины и подозрительно взирал на малейшие проявления общественной самостоятельности. Любая попытка создания самой безобидной самодеятельной общественной организации, не предусмотренной инструкциями аппарата, расценивалась им как враждебное

деяние. Сталин смог соединить единовластие и социализм. Правда, от этого социализм стал по сути абсолютистским.

Был ли Сталин большевистским партийным лидером? И этот вопрос ставит не автор, а время. Я бы сказал так: Сталин не мог быть лидером большевистской партии. Об этом прямо заявил Ленин в своем письме с предложением переместить генсека. Съезд партии не внял предостережению вождя и проявил беспечность. Однако Сталин сделал для себя важные выводы. Главный из них — генсек начал процесс изменений в самой партии, и по сути к концу 20-х годов это была уже партия, во многом отличная от ленинской. Сталин стал лидером другой партии. В чем выразились эти изменения? Прежде всего в составе партии. Если бросить глубокий ретроспективный взгляд на историю партии, то она предстает как история борьбы различных групп, как тогда говорили, "фракций", "уклонов", "оппозиций". Думаю, что разномыслие и раньше и потом излишне драматизировалось. Борьба за единство в значительной мере была борьбой за однодумство. Для этого в партии были нужны чиновники духа, ранжированные функционеры. Невозможность свободно высказать свое мнение и одновременно готовность бороться за исполнение принятого решения поставили революционную партию перед угрозой перерождения. Возникла номенклатура, утвердилось абсолютное право ЦК (так прикрывалась часто воля Сталина); демократический централизм переродился в централизм бюрократический. В этих условиях партия действительно превращалась в монолит. Но что это означало? Огромный социальный, политический вес, с одной стороны, и минимальный творческий потенциал — с другой. Ленин в своих письмах Молотову в марте 1922 года выражал беспокойство в связи с разбуханием партии, настаивал на ужесточении приема в члены партии: "Если у нас имеется в партии 300 — 400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно, ибо решительно все данные указывают на недостаточно подготовленный уровень теперешних членов партии"[12].

Однако стараниями Сталина и Зиновьева условия приема в партию еще более облегчались, она стремительно росла и, как докладывал генсек на XIV съезде в 1925 году, ее численность перевалила рубеж одного миллиона[13]. Уже к 1928 году 2/3 членов партии вступили в нее после 1921 года, в период нэпа, а коммунистов с дореволюционным стажем осталось чуть больше одного процента. Революционный авангард растворился.

В партию пришло немало людей без должной политической закалки, с низкой культурой и образованием, которые увидели

в партийности способ поднять свой социальный статус. Одновременно был ужесточен подход к приему "спецов" — бывших инженеров, учителей, военных. Компетентность партийцев, их социальная и политическая зрелость заметно снизились. У новых членов партии особенно ценилась готовность исполнять "директивы" Центра, одобрять "установки" ЦК и его Генерального секретаря. После смерти Ленина за пять-шесть лет партия по своему составу существенно изменилась, превратилась в более послушную, начала приобретать черты огромного специфического аппарата, похожего, как я уже отмечал, на идеологический орден. Сталин стал еще больше подходить на роль лидера этой сильно изменившейся партии.

Кроме того, к началу 30-х годов значительная часть из ленинского руководящего звена партии, по выражению Сталина и с его помощью, успела "выпасть из тележки". Новый партийный лидер, об этом мы как-то мало говорим, не мог стать единодержцем, цезарем, диктатором в государстве и партии без глубокого изменения состава, структуры и функций партийных органов и организаций. И это ему удалось. Когда последние представители "ленинской гвардии" наконец забеспокоились, спохватились, все было кончено. Практически на всех постах стояли личные выдвиженцы генсека. Поэтому на вопрос: "Был ли Сталин большевистским партийным лидером?" — отвечу однозначно: он был вождем сталинизированной партии, очень многое утратившей из ленинского арсенала. Остался централизм без демократии, дисциплина без творчества, нетерпимость к инакомыслию, недопустимость свободы мнений.

Центральный партийный аппарат уже в середине 20-х годов полностью контролировал назначения партийцев на самые различные должности. Сталин держал под особым контролем эту сферу деятельности. Так, например, в 40-е годы Маленков, ведая кадрами, предрешая выдвижения, назначения, смещения партийных функционеров, регулярно докладывал "вождю" об изменениях в среднем и высшем слое "сталинской гвардии". Ознакомление с фондом Маленкова, его перепиской, донесениями Сталину показывает, что через этот канал непрерывно поступал материал для цементирования огромной бюрократической системы, синтезировавшей в одно целое партию, государственные органы, советы, органы безопасности, другие организации. В фонде Маленкова бесконечные списки выдвиженцев: Н.В. Штанько, И.Л. Мазурин, П.И. Панфилов, А.И. Иванов, В.А. Парфенов, И.И. Олюнин, Л.С. Буянов, Н.М. Ива-

нов, множество других фамилий[14]. Отныне эти люди осчастливлены выдвижением благодаря воле "вождя".

Сталин мог стать "вождем" партии, потому что сделал общество одномерным. Это давно заметили наши недруги. Так, некий эмигрант Р.Н. Куденхове-Калерги в книжке "Большевизм и Европа" отмечал в 1932 году, что Сталин создал свой порядок: "...там господствует одна воля, одно миросозерцание, одна партия, одна система. Весь Советский Союз — это однаединственная плантация, все население — единственная рабочая армия"[15]. Сказано зло, так говорят обычно побежденные; но подмеченная одномерность общества, которая выглядела в те годы как олицетворение силы, позднее подверглась эрозии. История, вынося свой вердикт, сегодня это подтверждает. Многообразие и плюрализм более способствуют социальному, интеллектуальному и нравственному творчеству, нежели унылое и холодное однообразие, которое так любил Сталин.

Сталин никогда не был пророком, хотя верил в утопии. Он смотрел только прямо перед собой, как через амбразуру дота. Одна из тайн его триумфа (как и трагедии народа) заключается в том, что он смог постепенно заменить когорту революционеров армией чиновников. Неверно говорить, что только Сталин создавал бюрократию. Они были нужны друг другу. Тотальная бюрократия не могла бы процветать без такого лидера, каким был Сталин. Он односторонне понимал и прошлое, иначе бы ему стала ясна еще одна тайна его вознесения. Любая революция рождает контрреволюцию. Сильную или слабую. Октябрьская революция тоже родила контрреволюционную реакцию. Для ее гашения понадобилась ответная, вторая волна революции. Она была затяжной и подняла на свой гребень много новых людей. Выше всех эта волна вознесла Сталина. Генсек смог удержаться на этом гребне, одновременно подталкивая в бездну одного за другим своих потенциальных соперников. Когда наконец революционный отлив произошел, выше других на берегу оказался Сталин в окружении сонма бюрократов, прочно занявших все ключевые узлы создающейся Системы. Как заметил Троцкий, "свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции"[16]. Отныне строительство социализма стало рассматриваться не как социальная, а как административная задача.

Я еще раз привлек внимание читателя к чертам Сталина как революционера, государственного деятеля, партийного лидера. Ранее я пытался высветить грани этого человека как теоретика, полководца, дипломата. Все в совокупности они помогают, как я надеюсь, набросать хотя бы эскиз портрета личности, о кото-

рой не утихают споры, сопровождаемые яростным осуждением, горестным недоумением, попытками спасти хотя бы осколки величия бывшего кумира. Придет время, и в соответствии с вердиктом истории политический портрет этого человека будет написан общими усилиями.

В результате проведенного анализа сегодня можно сделать вывод, что Сталин насквозь политическая фигура. Этот человек на весь окружающий мир смотрел через призму своих политических интересов, политических приоритетов, политических заблуждений. Сталин считал возможным достижение утопического "земного рая" ценой неимоверных страданий и жертв миллионов людей. По сути, политика Сталина исходила из того, что вся предыдущая история — лишь подготовка к "подлинной" истории. Мол, блаженство тех далеких, будущих поколений, которые достигнут земли обетованной, оправдывает муки и горечь бытия всех людей, прошедших по земле ранее и живущих сегодня. Сталин готов был жертвовать прошлым и настоящим народа во имя эфемерного будущего. Но, как справедливо говорил Бердяев, прошлое призрачно потому, что его уже нет, а будущее призрачно потому, что его еще нет. Сталин никогда не мог преодолеть в политике разрыв между прошлым и будущим, полагая, что сегодня — это только "предыстория".

Сталин, безрассудно торопя время ("мы отстали на сто лет, должны их пробежать за десять лет"), был готов уничтожать миллионы людей, чтобы "выполнить досрочно" план коллективизации, считал естественным повергнуть в небытие тысячи своих товарищей-партийцев, чтобы достигнуть в "кратчайшие сроки" полного единодушия. Сталин, похоже, верил в абсолюты, в свою способность "осчастливить" миллионы будущих сограждан путем бесчисленных преступлений сегодня. Его политика "творения будущего", какими бы благими намерениями она ни камуфлировалась, глубоко ущербна. Для ее реализации Сталин считал допустимым уже сегодня распоряжаться будущим миллионов своих сограждан. Вот выдержки из одного документа, посвященного реализации решений, принятых Сталиным ранее.

"МВД докладывает, что по состоянию на 1 января 1950 года на учете состоит 2 572 829 выселенцев и спецпереселенцев (вместе с членами семей). В Казахстане 894 432 человека, остальные, примерно поровну, распределены и размещены в Средней Азии, на Урале и в Сибири. 278 636 семей имеют собственные дома; 625 407 семей имеют свои огороды и домашний

скот. В 1949 году 1932 выселенца осуждены Особым Совещанием за побеги с мест размещения на 20 лет каторги каждый. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета от 26 ноября 1948 года все эти люди расселены в местах поселения навечно..."[17] Расселены "навечно"... Такая фатальная обреченность и... социализм? Словно в далекие царские времена: ссылка, каторга, безвестье. Правда, масштабы несравнимы. Видимо, прав Бердяев (вернусь еще раз к нему), заявивший в своей работе "Духи русской революции", что "нет народа, в котором соединялись бы столь разные возрасты, который совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ"[18]. Но средневековую жестокость привнес в XX век не народ, а Сталин. Печальному опыту истории, который мы олицетворяем со Сталиным, противостоят деяния и дух народа, пытавшегося отторгнуть сталинизм. Более всего эта тенденция просматривается при внимательном анализе жизни всех слоев советского общества.

И сейчас есть люди, которые продолжают говорить: "Мы шли в бой со словами: "За Родину, за Сталина!", "Разве можно отрицать, что люди его любили?". Нет, отрицать нельзя. Люди действительно его любили. Но он не любил их! Более того, он коварно обманул миллионы, отождествив себя с социализмом. Вера в социализм была автоматически перенесена и на него. Думаю, это самый парадоксальный случай "затмения" целого народа. Точнее, утонченного использования колоссальной тяги миллионов людей к социальной справедливости, счастью, процветанию в самых циничных целях. Массовый энтузиазм, героизм, подвижничество служили Сталину для создания Системы, пульт управления которой был только в его руках. Единодержец превратил государство в "сталинскую державу", в которой "историческое значение" имели лишь его идеи, указания и воля.

Мы будем еще долго оглядываться назад в поисках глубинных причин утверждения вождизма, а затем и цезаризма, как специфической формы власти, которую Сталину удалось выдать за социалистическую. Отсутствие, а точнее, уничтожение всех разумных альтернатив сделало шансы Сталина столь чудовищно большими. Нельзя сомневаться в том, что Сталин раньше других соратников познал "тайны власти" в руках единственной личности. Читая книгу С.Г. Лозинского "История Древнего мира", он еще в конце 20-х годов подчеркнул несколько красноречивых фраз (я давно убедился, что единодержец подчеркивал только то, что имело значение лично для него). В главе об Августе Октавиане он выделил каранда-

шом слова: "первый гражданин... верховный правитель". Изучая текст о Цезаре, Сталин отметил выражение: "вождь-победитель". В книге "Курс русской истории" Сталин подчеркнул фразу: "Чингисхан перебил много людей, говоря: "Смерть побежденных нужна для спокойствия победителей". Да, он был победитель, который, как это станет ясно много позже, исторически "промахнулся". Но для его "спокойствия" понадобится столько смертей, сколько не могло бы присниться даже самому кровавому диктатору. Эти дополнительные штрихи еще и еще раз убеждают: Сталин хорошо знал, чего хотел. Его оппоненты знали это хуже. Почему вождизм не встретил достойного отпора? Дело не только в целом комплексе причин, о которых я говорил еще в первой книге. Дело и в отсутствии **революционной демократии**. Только она смогла бы, возможно, не допустить сталинского деспотизма.

Конечно, пирамида из человеческих черепов с вороном наверху, изображенная Верещагиным в его "Апофеозе войны", могла бы стать символом сталинского личного единовластия. Но этот символ был бы слишком упрощенным; пирамида **скрывает** выживший народ, обманутый в своих надеждах и вере, народ, для которого трагедия минувшего — это его собственная история... А ей нельзя ни мстить, ни смеяться над нею. Мы не можем и не должны отрицать того, что принадлежит социализму. А то, что привнесено в нашу жизнь сталинизмом, отдано суду истории. Долгому, мучительному, но очищающему. Слова Ленина: "Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним..."[19] — актуальны и сегодня.

Да, зло сталинизма мы постепенно преодолеваем, здесь нет никакого вопроса. Но, думаю, что на этой почве нельзя отрицать социализм вообще. Даже после крупной исторической неудачи (а для народа — трагедии) преждевременно говорить о бесплодности социалистического пути развития. Обновление, к которому мы приступили, еще не дало убедительного ответа: в чем исторический шанс социализма? Некоторые шаги и решения сегодняшнего дня пока выглядят социальной импровизацией, половинчаты и непоследовательны. С моей точки зрения, в немалой степени это происходит потому, что мы слабо осмыслили свой исторический опыт — неудачи и достижения. Мы, наверное, плохо учились у других народов и обществ. Вероятно, материализовать социалистические идеалы можно с помощью совершенно новых подходов в экономической, социальной и духовной сферах. Нужна новая концепция социализма, которую наивно ждать от очередного пленума или выступле-

ния того или иного государственного деятеля. Демократизация общества постепенно вовлекает в социальное творчество народ; только на этом пути могут быть решения, достойные надежд и ожиданий. Наш народ слишком велик, чтобы довольствоваться малым. Отторгнув сталинизм, он имеет право рассчитывать на лучшую судьбу...

Народная память вечна. По сути, она всегда является основной формой "реставрации" прошлого. Думаю, что вечность, о которой так много говорят философы, историки и писатели, не может существовать иначе чем в памяти. Именно память дает в конечном счете беспристрастную оценку эпохе, событию, лицу, позволяет сохранить связь времен. Благодаря памяти мы сегодня знаем о Сталине больше правды, чем во время его жизни. С помощью памяти мы способны пройти очищение через покаяние: мы многого еще не сделали, чтобы вытряхнуть из души сталинское оцепенение. Только память поможет воздать должное миллионам мучеников — жертв Сталина и сталинизма.

Некоторые могут сказать: автор книги ограничил палитру красок при написании портрета только темными, мрачными тонами. У меня не было особого предубеждения к этому человеку. Но десять лет назад, когда я начал собирать материалы к книге, я еще не мог представить, в какие низины человеческого духа и безнравственности мне придется заглянуть. После посещения архивов, встреч с людьми, прошедшими муки сталинского ада, меня часто подолгу преследовали беззвучные голоса людей, у которых нагло и жестоко отобрали жизнь. Я не мог писать иначе.

Эволюция нашего прозрения прошла несколько этапов. Думаю, что, когда не останется людей, живших непосредственно в тени "вождя", где-то в XXI веке, отношение к Сталину будет более спокойным. Возможно, слово "спокойным" — неудачно. Он сохранится в памяти истории как один из величайших деспотов человеческой цивилизации, но временна́я дистанция приглушит остроту боли. Время не только лучший редактор и биограф, но и целитель. Нас всегда будет поражать, как в условиях беспощадной диктатуры люди сохранили (не только из-за страха!) свою приверженность идеям справедливости и гуманизма, способность на подвижничество и долгое мученичество. Мгла прошлого, к сожалению, не поглотит тирана, но мы должны сделать все, чтобы не утонули в реке забвения и его жертвы.

Я понимаю, что такую личность, которая, хотим мы этого

или нет, останется навсегда в истории (как Тамерлан, Чингисхан, Гитлер, другие тираны и диктаторы), нельзя понять без постоянной опоры на экономические, социальные, политические и духовные параметры. Я старался это делать. Но думаю, что главное в том вердикте, который вынесет история, будет связано с моралью. Что именно?

Самая высокая политика вне союза с нравственностью — драгоценность фальшивая. Сталин, будучи жестоким политиком, наполнил ею все свое существование, абсолютно не оставив места даже для элементарных нравственных ценностей. Поэтому человек для диктатора был средством, статистической единицей, одним из необъятной аморфной массы. Преступное пренебрежение моралью жестоко отомстило "триумфатору"; его историческое поражение было предрешено и стало неизбежным. Таков, думаю, будет один из пунктов исторического вердикта.

Триумф Сталина и трагедия народа ярко высветили старую истину, что первой жертвой несправедливости всегда бывает правда, истина. Сталин, и это, возможно, его самое страшное преступление, смог деформировать многие великие идеи и подменить их своими мифами. Истолковав по-своему ленинизм, диктатор совершил преступление против мысли. Всей своей жизнью и деяниями Сталин доказал, что ложь — это универсальное зло. Все беды начинаются со лжи. Насилие, единовластие, бюрократия, догматизм, цезаризм — все освещалось ложью. Любой союз с ней всегда грозит бедой. Это тоже, думаю, будет отмечено в историческом вердикте.

Попытка написать политический портрет Сталина позволила мне до боли остро почувствовать, что многое свершившееся в нашей истории произошло из-за пренебрежения свободой. Она была целью Великой Октябрьской социалистической революции. Но, завоевав ее, простые люди не смогли ею распорядиться. Сталин отверг свободу на том основании, что она опасна. Свобода живет лишь в условиях подлинной демократии. Если ее нет, свобода присутствует в виде тени, идеологического рабства, культовых мифов и штампов. Сталин не любил даже говорить о свободе. Предполагалось, что она имеет один источник — социальный. Однако социальная свобода может проявить себя только в союзе со свободой духовной.

В своей книге я часто, может быть слишком, обращался к совести. Такие люди, как Сталин, совесть считают "химерой". Речь идет не о совести диктатора. Ее у него просто не было. Но во всех преступлениях Сталина участвовали люди, которые час-

то понимали, что творят зло. К великому несчастью, слишком мало было тех, кто пытался использовать свой шанс совести. У очень многих в той системе отношений, которая была создана, совесть, говоря словами В. Короленко, "застыла". В результате великий народ позволил загнать совесть в резервацию, дав возможность Великому Инквизитору долгие годы творить свое черное дело. То, что мы не лишились всего, сохранили веру в высокие идеалы, оказались способными на покаяние, возрождение и обновление, не в последнюю очередь зависит от того, что мы освободили свою совесть от пут постыдной несвободы. Лейтмотив моей книги был: шанс совести существует всегда. Даже когда триумф одного человека оборачивается трагедией миллионов. Свобода не имеет альтернативы. Теперь я в это верю более, чем когда-либо.

Закончу книгу словами, которыми завершал введение к ней: суд людей может быть призрачным, суд истории вечен.

БИБЛИОГРАФИЯ

Глава IV АПОГЕЙ КУЛЬТА

1. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 96, т. V, л. 1.
2. ЦАМО, ф. 233, оп. 2380, д. 44, л. 1—3.
3. Внешняя политика СССР. М., 1947. Т. V. С. 598.
4. Там же. С. 597.
5. Там же. С. 602—603.
6. Громыко А.А. Памятное. Книга первая. М.,1988. С. 221.
7. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 97, т. VI, л. 124—130.
8. Meeting at Potsdam. Charles L.Mee (Jr.) Andre Deutsch LTD, 1975, L.. p.136.
9. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 109, л. 32—33.
10. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1241, л. 61.
11. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 96, т. V, л. 4.
12. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 95, т. IV, л. 323.
13. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 135, т. II, л. 277.
14. W. Averrel Harriman and Elie Abel. Srecial Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. N.Y., XII, p.92.
15. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сб. документов. М., 1980. С. 42—43.
16. ЦАМО. ф. 66, оп. 178499, д. 9, л. 34—37.
17. ЦАМО. ф. 66, оп. 178499, д. 9, л. 61.
18. Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 299—300.
19. Churchill W. Op. cit. Vol. 6, t. 2, p.256.
20. КПСС в резолюциях и решениях... Изд. 9. Т. 8. С. 7—16.
21. Переписка А.С. Пушкина. В 2-х томах. 1982. Т. 2. С. 291—292.
22. ЦАМО, ф. 132, оп. 2642, д. 15, л. 1—9.
23. ЦГАОР. ф. 9401, оп. 2, д. 96, т. V, л. 147.
24. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 103, т. III, л. 149—160.
25. Вознесенский Н.А. Избранные произведения. М., 1979. С. 584.
26. ЦАМО, ф. 132, оп. 104, д. 16, л. 22.
27. ЦАМО, ф. 132, оп. 2, д. 54, л. 97.
28. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 134, т. 1, л. 1—7.
29. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 2223, л. 235—238.
30. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 97, л. 139—142.
31. См.: Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907. С. 58.
32. См.: Платон. Сочинения в 3-х томах. Т. III. Ч.1. М., 1971. С. 384—386.
33. Российский императорский дом. СПб, 1913. С. 155—156.
34. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612 (вып.3), л. 8, 10.
35. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 199, л. 197.
36. Мережковский Д. Царство Антихриста. Мюнхен, 1921. С. 16.
37. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 64, т. 1, л. 270—277.
38. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 103, т. III, л. 149—160.
39. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 199, л. 1.
40. ЦГАОР, ф. 5881, оп. 1, д. 807, л. 89.
41. Guatrieme International, N 3, mars-avril, 1937, p.5.

42. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 134, т. I, л. 143—151.
43. ЦГАОР, ф. 3316, оп. 2, д. 1682, л. 3—7.
44. ЦГАОР, ф. 3316, оп. 2, д. 1613, л. 3—18.
45. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 134, т. I, л. 1—2.
46. ЦГАОР, ф. 3316, оп. 2, д. 2016, л. 1—10.
47. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 93, л. 276—278.
48. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 255, т. I, л. 87—88.
49. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 134, т. I, л. 1—2.
50. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 201, л. 79—81.
51. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 64, т. 1, л. 62.
52. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 201, л. 265.
53. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 67, д. 1, л. 5.
54. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 265, т. II, л. 384—385.
55. Справочник советского работника. Под общей редакцией А.Я. Вышинского. М., 1939.
56. Административное законодательство. Сб. важнейших постановлений. М., 1936. С. 11.
57. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 201, л. 268.
58. Там же. Л.276.
59. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 199, л. 192.
60. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 172, т. I, л. 85—92.
61. ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 3, д. 121, л. 122—132.
62. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 107, д. 261, л. 13—15.
63. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 107. д. 261, л. 12.
64. Там же. Л.13.
65. Там же. Л.28.
66. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 236, т. III, л. 268—269.
67. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 255, т. I, л. 118—119.
68. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 319, л. 192—198.
69. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 257, т. III, л. 388.
70. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 269, 199, л. 57—77, 366.
71. Там же. Л.30.
72. Бердяев Н. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм. Париж, 1931. С. 31.
73. Большевик. 1949. Декабрь. С. 34.
74. Правда. 1949. 21 декабря.
75. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 65, д. 739, л. 1,9,12.
76. ЦГАОР, ф. 7523. оп. 63, д. 218а, л. 9.
77. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 65, д. 218б, л. 1—15.
78. Платон. Сочинения. Т. III. Ч.1. М., 1971. С. 209.
79. ЦГАОР СССР, ф. 9401, оп. 2, д. 176, т. II, л. 232—233.
80. Kautsky K. Sozialdemokratie und Bolschewismus. — In: "Die Gesellschaft" VIII 1931, Vol I, S. 101.
81. Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк. Принстон. 1968. С. 109—110.
82. Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 29.
83. Аллилуева С. Только один год... С. 110.
84. Героизм и подвижничество.— В сб.: "Вехи". М., 1909. С. 39, 45.
85. Кеппап. Memoirs (1925—1950), N.Y., 1969, p.583—598.
86. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 135, т. II, л. 287—296.
87. Truman H. Memoires, t. II, L'Appee des deciosions. Paris, 1955, p.117.
88. Marcon L. La Guerre froide: l'angrenage. Paris. Editions complexe, 1987, p.193.

89. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 151, т. VIII, л. 99—112.
90. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 176, т. II, л. 235—254.
91. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 149, т. VI, л. 35.
92. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 176, т. II, л. 360.
93. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 5, д. 54, л. 14—15.
94. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 3, д. 92, л. 47, 55.
95. Белградская операция. М., 1964. С. 85.
96. Джилас М. Разговоры со Сталиным. Нью-Йорк, 1962. С. 169—176.
97. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 3, д. 105, л. 1—8.
98. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 3, д. 106, л. 5—7, 17—19.
99. Правда. 1949. 3 февраля.
100. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 2223, л. 291.
101. Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 231.
102. Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 363, 364, 367.
103. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 2223, л. 301.
104. Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. М., 1953. Т. IV. С. 580.
105. Правда. 1988. 23 октября.

Глава V РЕЛИКТЫ ЦЕЗАРИЗМА

1. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 2180, л. 120—121.
2. Радек К. Портреты и памфлеты. Книга II. М., 1934. С. 19.
3. ЦПА ИМЛ, ф. 326, оп. 1, д. 113, л. 72.
4. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 2180, л. 50—51.
5. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 269, т. I, л. 169—170.
6. Kautsky K. Die Aussichten des Sozialismus in Sowjet Russland — In: "Die Gesellschaft", vol. II, s. 437—438.
7. Правда. 1948. 18 ноября.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 1. С. 340.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 145.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 85.
11. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 2-е. М., 1952. С. 250.
12. Там же. С. 429.
13. ЦГА при ГАУ СССР, ф. 1199, оп. 1, д. 134, л. 8.
14. Социалистический вестник. 1925. 17 января.
15. Dan T. The Origins of Bolschevism. N.Y. 1964, p.400—440.
16. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 3, л. 32—33.
17. См.: "Капитал" Маркса. — Философия и современность. М., 1968. С. 467—468.
18. Пролетарская революция. 1931. № 6(113).
19. Уголовный кодекс (кодексы РСФСР). М., 1938. С. 26—32.
20. Сталин И.В. Вопросы ленинизма... С. 416.
21. ЦГАОР. ф. 9401, оп. 2, д. 337, т. I, л. 1—4.
22. ЦПА ИМЛ, ф. 88, оп. 1, д. 474, л. 4.
23. ЦГАОР, ф. 3101, оп. 2, д. 68, т. V, л. 193.
24. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 97, т. VI, л. 276.
25. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 97, т. VI, л. 283—292.
26. Стронг А.-Л. Эра Сталина. М., 1957. С. 59.
27. Сталин И.В. Вопросы ленинизма... С. 456.
28. Там же. С. 442.
29. Serge V. Destin d'un revolution. URSS 1917—1936. Paris, 1937, p. 323.

30. Souvarin B. Stalin. Paris, 1977. p.422 - 499.
31. Гегель. Философия религии. В 2-х томах. Т. I. М., 1975. С. 127.
32. Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 64.
33. Там же. С. 66 - 67.
34. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. СПб, 1910. С. 331.
35. Коммунист. 1962. №3 С. 42.
36. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 1. С. 381.
37 ЦПА ИМЛ. ф. 558. оп. 1, д. 3222. л. 19.
38. ЦПА ИМЛ, ф. 558. оп. 1, д. 906, л. 44 - 52.
39. Гегель. Соч. М - Л., 1930. Т. 1. С. 70.
40. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3212, л. 27.
41. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. 1945. С. 344.
42. Там же. С. 313.
43. К изучению истории. Сборник. М., 1937. С. 28
44. ЦПА ИМЛ. ф. 558. оп. 1, д. 5300, л. 28.
45. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 120, д. 313, л. 7 - 15.
46. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 1, д. 268, л. 5 - 10.
47. ЦПА ИМЛ. ф. 77, оп. 3, д. 54, л. 1 - 4.
48. Сборник исторических свидетельств. Париж, 1979. С. 449 - 450.
49. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1953. С. 55.
50. Сталин И.В Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат. М., 1952. С. 40.
51. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 3, д. 27. л. 134 - 163.
52. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 136, т. III, л. 205.
53. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 302, т. I, л. 29 - 31.
54. Бердяев Н. Судьба России. М., 1918. С. 227.
55. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 35. С. 113.
56. Там же. Т. 50. С. 238.
57. ЦГАОР, ф. 58, оп. 1, д. 9, л. 3 - 4.
58. ЦГАОР, ф. 567, оп. 1. д. 89, л. 29.
59. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 44, С. 171.
60. Там же.
61. Там же. С. 428.
62. Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. XII. С. 261, 267.
63. Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. XXI. С. 94.
64. Alex de Jonge. Stalin and Schaping of the Soviet Union. London. 1986, p.305.
65. Ленин В.И. Полн.собр.соч., Т. 50. С. 106.
66. Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. СПб, 1845. С. 65. 69.
67. Собрание кодексов РСФСР. Изд. 4-е. М., 1927. С. 665 - 668.
68. Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907 С. 26.
69. Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж. Массачусетс. 1981. С. 417.
70 ЦГАОР, ф. 7523, оп. 65, д. 239. л. 12.
71. ЦГАОР, ф. 567, оп. 1, д. 89, л. 18.
72. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 2223, л. 338 - 357.
73. ЦГАОР. ф. 9401. оп. 2, д. 98, т. VII, л. 380.
74. ЦГАОР. ф. 9401, оп. 2, д. 168, т. 1, л. 337 - 353
75. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2. д. 170, т. III, л. 344 - 345.
76. ЦАМО. ф. 132, оп. 2642, д. 40, л. 3.

77. Великие стройки сталинской эпохи. М., 1951.
78. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 302, т. 1, л. 21—28.
79. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 302, т. 1, л. 39—41.
80. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 2180, л. 533—534.
81. Гегель. Философия религии... Т. I. С. 129.
82. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 172, т. 1, л. 325—326.
83. Гегель. Философия религии... Т. I. С. 129.
84. ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 217, л. 181.
85. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. 1987. Ч. I - II. С. 266, 267, 271, 272.
86. Толстой Л.Н. Полн.собр.соч. Т. 24. С. 14. Т. 26. С. 369.
87. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 337, т. 1, л. 80—81.
88. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 50—51.
89. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 52—53.
90. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 107, д. 127, л. 1—6.
91. Рапопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 1988. С. 208—209.
92. Правда. 1953. 9 марта.
93. Правда. 1953. 10 марта.
94. Правда. 1953. 18 марта.
95. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 107, д. 261, л. 28—34.
96. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1983. Т. VI. С. 446—447.
97. Джилас М. Разговоры со Сталиным. Нью-Йорк, 1962. С. 207.
98. Мережковский Д. Грядущий Хам. Издательство Пирожкова, 1906. С. 29.
99. Правда. 1952. 15 октября.
100. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 105, т. III, л. 324—327.
101. Мережковский Д. Грядущий Хам. С. 36.
102. Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XIII. С. 90, 92.
103. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 337, т. 1, л. 26.
104. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 236, т. III, л. 180—181.
105. Бердяев Н. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969. С. 27.
106. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 132, т. VI, л. 167—169.
107. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1971). Изд. 8-е. М., 1971. Т. 7. С. 203, 205, 209, 210.
108. К вопросу о Сталине. Пекин, 1963. С. 3, 6—7.
109. Ходжа Э. Со Сталиным. Воспоминания. Тирана, 1979. С. 21.
110. Бердяев Н. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969. С. 31.

Вместо заключения. ВЕРДИКТ ИСТОРИИ

1. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 103, т. III, л. 400.
2. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 103, т. III, л. 399, 408.
3. Энциклопедический словарь в 3-х томах. Т. 3. М., 1955. С. 307.
4. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 993, л. 164, 179, 180, 217.
5. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 20.
6. Joures Æ×J. Histoire socialiste de la Revolution francaise. Paris, p.448.
7. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 236, т. III, л. 145, 161, 166, 194.
8. IV Всемирный конгресс Коминтерна. М.—Пг., 1923. С. 196.

9. Платон. Сочинения. М. Т. 3. Ч.1. С. 107.
10. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 8180, л. 567.
11. Александров. Диктатор ли Сталин? Историко-догматический анализ. Париж. Изд-во "Возрождение". 1932. С. 25.
12. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 45. С. 18.
13. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.—Л., 1926. С. 51—52.
14. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 256, т. I, II, III.
15. Куденхове-Калерги Р. Большевизм и Европа (Сталин и К^0). Берлин—Рига, издательство Б.Ламей. 1932. С. 32.
16. Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет? Париж, 1936. С. 79.
17. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 269, т. 1, л. 141—146.
18. Бердяев Н. Духи русской революции. Париж, 1923. С. 4.
19. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 43. С. 231.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

О Г Л А В Л Е Н И Е

Волкогонов Д.А.

В67 Триумф и трагедия/ Политический портрет И.В. Сталина. — В 2-х книгах. — Кн. II. — Ч. 2. — М.: Изд-во АПН, 1989. — 272 с., ил.

Личность Сталина одна из самых сложных и противоречивых в истории. В книге, в которой использованы многие неизвестные ранее документы, анализируется эволюция этого политического деятеля от малозаметного участника Октябрьской революции до лидера партии и государства. Автор прослеживает процесс усиления единовластия, подмены диктатуры пролетариата диктатурой "вождя", показывает генезис культа личности Сталина, человека, который был главным виновником беззаконий, творившихся в стране в 40-е начале 50-х гг. Читатель узнает, как обожествление Сталина привело к тому, что триумф одного человека обернулся трагедией целого народа.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 4 — 7020 — 0025 — 0

В $\frac{4502010000}{067(02)—89}$ Без объявл.

ББК 66.61(2)8

Волкогонов Дмитрий Антонович
ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ
Политический портрет И.В. Сталина
В 2-х книгах

Книга II
Часть 2

Выпускающий *М.Н. Антипов*
Издательский редактор *З.Е. Машкова*
Контрольная проверка *Е.И. Кацман*
Младшие редакторы *Г.В. Ардаьянц, Н.В. Потапуева*
Художественный редактор *В.В. Анохин*
Фоторедактор *Т.П. Макарова*
Корректор *Н.В. Сапронова*
Технические редакторы *Л.А. Крюкова, А.С. Денисова*
Технолог *В.Ф. Егорова*

ИБ 10205

Сдано в набор 20.06.89 г. Подписано в печать 04.09.89 г. ВТ08015
Формат издания 84х108/32. Бумага офсетная 70 г/м²
Гарнитура таймс. Офсетная печать
Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 18,45
Тираж 300 000 экз. (3-й завод 200 001 — 300 000 экз.)
Заказ № 2024. Изд. № 8276. Цена 2 р. 90 к. (в мягкой обложке)

Издательство Агентства печати Новости
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

2 р. 90 к.

Сегодня на Сталина и сталинизм мы смотрим пока с высоты птичьего полета истории. Думаю, спустя десятилетия, с большей временно́й дистанции, эти мрачные страницы летописи советского народа, полные подвижничества, трагизма, обманутой надежды, будут видеться глубже, основательнее, вернее. Но уже сегодня ясно: Сталин лишь вершина айсберга. Описав эту вершину, я не считаю, что высветил весь айсберг.
''Незаконченное'' прошлое может быть как у отдельного человека, так и у целого народа, не знающего до конца подлинной истории своего триумфа и трагедий. Так назвал я книгу, пытаясь показать, как триумф одного человека обернулся трагедией для великого народа...

Дм. Волкогонов

Издательство
Агентства печати Новости